

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются

Конкурс фантастического рассказа,
посвящённого
35-летию КЛФ «КОНТАКТ»

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2013

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-4
Б77

Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются: конкурс фантастического рассказа, посвящённого 35-летию КЛФ «КОНТАКТ» / составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк, 2013. – 128 с., ил.

©На первой странице обложки – рисунок Марины Ширяевой
(специально для нашего конкурса)

"Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются"

Не секрет, что мы не умеем правильно формулировать свои желания: говорим расхожими фразами, подразумевая при этом что-то своё. Представьте что вам (либо вашему герою) представилась возможность попасть в мир мечты, или исполнить другое желание. Не важно, каким образом: поймали золотую рыбку (щуку), встретили фею, пришёл ангел (чёрт – кому что по вкусу), нашли волшебную палочку или иной древний артефакт, исполняющий желания, – способ не ограничен ничем, кроме фантазии. На радостях говорите: "Я хочу..." и... а вот что из этого выйдет, и опишите. Вряд ли, получив в руки такую возможность, вы (герой) будете тщательно продумывать формулировку, пытаясь учесть все нюансы. Желание скорее всего прозвучит расхожей фразой. А вот насколько результат оправдает ожидание и что из этого выйдет, предлагаем написать вам.

Именно так сформулировала тему конкурса член клуба Надежда Карпова, когда актив КЛФ «Контакт» задумался о том, как отметить 35-летие клуба. Мы ещё никогда не проводили таких конкурсов в Интернете, и было немного страшновато приступить к нему. И, наверное, если бы не Сергей Загнухин, ставший ведущим форума, на котором проводился конкурс, то мы вряд ли довели бы конкурс до конца.

Очень приятно, что откликнулись на наш конкурс и прислали свои рассказы не только новокузнецчане, но и пишущие фантастику из многих городов России и даже из *зарубежной* Республики Беларусь. Прислали свои рассказы и писатели, которые уже вполне профессионально пишут и уже выпустили свои книги. Думается, что это сделало конкурс более интересным и конкурентным. Жюри было очень сложно сделать свой выбор. Лично мне было очень мало десятки, для того чтобы оценить все понравившиеся мне рассказы. За пределами той десятки рассказов, которую выбирал каждый член жюри, оставались ещё рассказы, которые тоже хотелось оценить. Но – конкурс есть конкурс, и не все участники стали его победителями.

Жюри конкурса – писатели Ольга Белоусова и Наталья Колесова, журналист Валерий Немиров и руководитель клуба Николай Калашников – в день 35-летия «Контакта» поздравляет победителей конкурса и благодарит всех, принявших в нём участие.

Мы обещали напечатать только три рассказа-победителя, но это, пожалуй, было бы несправедливо к другим, не менее интересным рассказам. Поэтому в этой книжечке собраны не только рассказы – победители конкурса, но и наиболее интересные, на взгляд составителя, рассказы. Насколько позволил объём книги.

Президент КЛФ «Контакт»
Николай Калашников

**Участники конкурса фантастического рассказа,
посвящённого 35-летию КЛФ «КОНТАКТ»**

1. Багдерина Светлана Анатольевна, г. Воткинск (рассказ № 4 «Ведьма»)
2. Беляев Сергей (Мартынюк Сергей Степанович), Республика Беларусь, Брест (рассказ № 28 «Карлсон, который живёт на крыше, и исполнитель желаний»)
3. Берцева Татьяна (Татьяна Владимировна Изотова), г. Санкт-Петербург (рассказ № 34 «Готов на всё!»)
4. Беспалова Ольга Владимировна, г. Новокузнецк (рассказ № 11 «Последний интерес»)
5. Валова Анастасия Сергеевна, г. Новокузнецк (рассказ № 19 «Розовый дым»)
6. Верещагин Анатолий Федорович, г. Новокузнецк (рассказ № 1 «Пигмалион и Галатея»)
7. Гамерник Анастасия Владимировна, г. Магнитогорск (рассказ № 7 «История двух планет»)
8. Громов Вадим, г. Москва (рассказ № 31 «Главная причина»)
9. Дворцова Надежда Ивановна, г. Новокузнецк (рассказ № 12 «Пустота и одиночество»)
10. Ершов Дмитрий Евгеньевич, г. Новокузнецк (рассказ № 33 «Грязь»)
11. Живетьева Инна Александровна, г. Новосибирск (рассказ № 21 «Житие Святейшего Береста»)
12. Карпова Надежда Александровна, г. Новокузнецк (рассказ № 35 «А всё-таки они сбываются, или Служба исполнения желаний»)
13. Кеслер Александр Владимирович, г. Кировоград (рассказы № 6 «Третье желание» и № 9 «Подарочек»)
14. Константинов Евгений Михайлович, г. Москва (рассказы № 24 «Одно сокровенное желание» и № 25 «Правильное будущее»)
15. Кузнецова Светлана Алексеевна, г. Москва (рассказ № 27 «Желание»)
16. Мальцева Кира Моисеевна, г. Новокузнецк (рассказы № 20 «Зона отчаяния» и № 23 «Эксперимент»)
17. Матвиенко Анатолий Евгеньевич, Минск, Беларусь (рассказ № 16 «Не все мечты сбываются»)
18. Мождженская Алла Александровна, г. Новокузнецк (рассказ № 2 «Увидев радугу, нужно загадать желание»)
19. Постол Ирина Витальевна, г. Новокузнецк (рассказ № 18 «Чердак»)
20. Седых Кристина Эдуардовна, г. Новокузнецк (рассказ № 26 «Мой герой»)
21. Семенов Дмитрий Александрович, г. Новокузнецк (рассказы № 3 «Дизайнер по драконам» и № 5 «Земляне в кавычках»)
22. Соколов Юрий Юрьевич, г. Новокузнецк (рассказ № 14 «Посвящение»)
23. Стрельников Сергей Николаевич, г. Новокузнецк (рассказ № 8 «Есть контакт!»)
24. Тараканов Сергей Борисович, г. Новокузнецк (рассказ № 22 «Цена души»)
25. Томах Татьяна Владимировна, г. Санкт-Петербург (рассказ «Обретение зверя»)
26. Чернышева Анна Анатольевна, г. Новокузнецк (рассказы № 13 «Средство от депрессии» и № 17 «Рай»)
27. Четверова Алиса, г. Санкт-Петербург (рассказ № 10 «Memento mori»)
28. Шайдурова Анна, г. Омск (рассказ № 15 «Формула счастья»)
29. Шишкина Надежда Владимировна, г. Новокузнецк (рассказ «Светлое будущее»)
30. ЭКО (Ухина Любовь Александровна), г. Новокузнецк (рассказ «Невероятное становится очевидным»)

Светлана БАГДЕРИНА (г. Воткинск)

ВЕДЬМА

– ...Ведьма, ведьма, ведьма, ведьма! – кривлялся и подпрыгивал на одной ноге долговязый мальчишка со светлыми, спутанными как пакля волосами.

– Эката, мэката, чуката, мэ! – подхватили дети кузнеца, неистово размахивая руками, точно разбрасывали воображаемые заклятья.

– Ведьма, ведьма, улетай, наше поле не топтай! – вспоминали старую считалку четыре ехидные подружки.

– Ведьма, ведьма, ведьма, ведьма! – восторженно верещал карапуз молочницы, не понимающий смысла происходящего, но довольный поднятым шумом и гамом.

– Я не ведьма, не ведьма, не ведьма!!!

Ануш побледнела, сжала кулачки, бросилась на длинного, на девчонок, на сыновей кузнеца, но те увёртывались от неё со смехом и улюлюкали ещё громче, словно находя в этом необъяснимую прелесть новой игры.

– Не ведьма... – остановилась девочка, прикусила губу, затравленно оглянулась и, втянув голову в плечи, поплелась к дому. – Не ведьма...

Комок сухой земли ударил её в затылок – не больно, но неожиданно. Девочка ойкнула, повернулась возмущенно к веселящейся ораве – и второй угодил ей в лицо.

Руки Ануш метнулись к глазам, запорошенным пылью, и довольная ребягня засвистела и захохотала ещё громче.

Слова – непонятные, похожие на те, что слышала на ярмарках от иноземных купцов – прыгнули на язык сами собой.

– Масаха кусаха абран барабан!!! – выкрикнула она и выбросила вперед руки со скрюченными пальцами. – Сейчас я вас всех превращу в тараканов и змей!!!

– Ведьма!!! – зашёлся от недоброго восторга светловолосый, подхватил с земли черепок и запулил в девчонку. – Бей ведьму!!!

Тяжёлый осколок кувшина угодил Ануш в грудь, она покачнулась, оступилась, шлёпнулась набок, расшибив до крови локоть, и не успела опомниться, как вся ватага оказалась рядом: кто швырял в неё камни и землю, кто неумело, но энергично пытался пнуть, кто тыкал палкой или норовил хлестнуть веткой...

Будь Ануш в состоянии думать, она сто раз бы пожалела, что не побежала опрометью во двор при первом же обидном выкрике. Но сейчас мыслей не было, слов не было, не было даже голоса, чтобы закричать или

зареветь, и она лишь уворачивалась неуклюже, каталась по земле точно раненый зверёк, и силилась подняться...

Наконец голова её упёрлась во что-то твёрдое, рука испуганно дёрнулась назад и стукнулась о тёплое и занозчатое.

Забор?

Ануш торопливо встала, прижимаясь спиной к корявой доске как к последнему оплоту. Вдруг дерево подалось, уходя назад под её весом, и девочка снова упала – но на этот раз на высокую мягкую траву.

Ворота!

Двор!!!..

– Ведьма в домике! – звонко всех оповестил карапуз молочницы и засмеялся.

– Легко отделалась! – фыркнул сын кузнеца, отряхивая ладони от пыли.

– Больше не будет превращать людей в тараканов! – поддержала его рыжая девчонка и отшвырнула полысевшую ветку.

– И вообще, проваливай из нашей деревни, ведьма! – со злостью выкрикнул белобрысый, яростно пнул землю, и маленькая грязная туча пыли взвилась над его ступнями, точно окрашивая слова. – Нечего тут тебе и твоей матери делать! Чужих мужей уводить!

Ануш отодвинулась боком, не вставая, ухватилась за край створки, изо всех сил толкнула её, захлопывая, и услышала, как на прощанье в старые толстые доски ударился камень.

Руки девочки потянулись к лицу, ощупывая царапины и припухлости, и тут же, как по сигналу, весь пережитый страх и унижение обрушились на неё разом, безжалостно давя, распластывая, душа, вжимая, втаптывая в грязь. Всё обидное, горькое, несправедливое, что случилось когда-либо в её маленькой жизни и от чего в груди зарождался противный холодок, встрепенулось, подняло голову и стало выползать из закоулков её души, словно тараканы в темноте. Непрошенное и неожиданное, оно собиралось в кучу, напирая, шепча, смешиваясь, сливаясь воедино...

Хлынувшие слёзы вымывали грязь из голубых, как весеннее небо, глаз. Но чем сильнее текли они – бессильные, отчаянные, злые, тем больше рос ком из колючего чёрного льда в её груди.

Безобидная считалка про ведьму и урожай, знакомая каждому ребёнку Эрегора, превратилась в дразнилку сразу, как только её семья – мама и она, Ануш Саратон, переехали сюда.

Ещё три недели назад они жили в другой деревне, в тринадцати днях пути от Перевозной, и пока её отца не призвали в королевское войско на войну, вся недолгая шестилетняя жизнь Ануш протекала просто и безмятежно. Но прошлой осенью из столицы пришла бумажка с именами сельчан, погибших или пропавших без вести во время одного из сражений, и имя отца тоже было там. После этого тихий уютный мирок

девочки превратился вдруг в холодный и враждебный. Внезапно оказалось, что бабушка и дедушка, тети и дяди и даже двоюродные братья и сестры принадлежали только папе, потому что они были папины, а маминых не было почему-то, и дома своего у мамы не было тоже, а в том, который Ануш считала своим и единственным, отчего-то стало мало места, и его, этого места, перестало хватать именно им с мамой...

Всю зиму и весну мама днём улыбалась и хлопотала по хозяйству, а ночью плакала в подушку или стояла в углу на коленях перед фигуркой Святого Радетеля. Ануш слышала сквозь сон, как отчаянные несвязные молитвы перемежались именем пропавшего отца, и начинала тихонько хныкать тоже.

А в первый день лета они собрали в узел нехитрые пожитки, положили в корзинку хлеб и сыр, сели на повозку деда Шарло, ворчливого, но добродушного соседа, и поехали. На вопрос девочки, куда, мама ответила: «Туда, где, может быть, меня ещё помнят».

Старик довёз их до соседней деревни, где дороги разбегались, сунул девочке на прощанье пару баранок с маком и поехал по своим делам, даже не оглядываясь.

Так началось их путешествие.

Ануш не любила вспоминать длинную дорогу, бесконечную пыль и жару, ночёвки под открытым небом, попутные возы и пешие переходы длиной в полдня, если подвозить угрюмую женщину с ребёнком никто не хотел. Но однажды вечером, когда солнце уже садилось, а тени устало вытягивались на земле во весь свой великанский рост, мучительный путь неожиданно закончился. Дорога привела их в деревню, красивую, богатую и большую, даже больше, чем покинутая ими две недели – или целую жизнь? – назад.

Опустив голову, мама медленно дошла до площади, свернула под удивлёнными взглядами сельчан в переулочек, потом в другой, третий – и остановилась перед обветшалым домиком на углу.

Три маленьких пыльных окошка подслеповато глянули на неожиданных гостей, налетевший ветерок грустно вздохнул листьями плюща, а с крыши, точно нечаянная старческая слеза, соскользнул маленький кусок черепицы и беззвучно упал в заросли лебеды.

– Чей это дом, мамочка? – прошептала Ануш, с настороженным любопытством рассматривая облупившуюся побелку, трещины под подоконниками, похожие на кроны зимних деревьев, и гроздь ласточкиных гнёзд под самой крышей.

– Наш, девочка. Это наш дом.

О том, что этот дом принадлежал её бабке-колдунье, Ануш узнала, случайно подслушав разговор двух кумушек у колодца. Они пришли за водой и не заметили за срубом новую соседку, присевшую рядом с

тяжёлым ведром отдохнуть перед обратной дорогой. А ещё деревенские сплетницы сообщили друг другу и тут же друг с другом согласились, что, оказывается, их с мамой сосед бондарь дядя Якоб, который на второй день пришёл к ним, чтобы поправить крыльцо и забор, подремонтировать крышу и наколоть дров, прокладывает на их двор дорожку не просто так. Зачем он это делает, женщины не сказали, наверное, это само собой для них разумелось – но не для Ануш.

Заноза беспокойства окончательно засела в её душе после того, как она спросила об этом у мамы, а вместо ответа получила лишь пасмурный взгляд и подзатыльник.

Как бы то ни было, через два дня после убогого новоселья матери удалось наняться в работницы к мельнику, и Ануш осталась в неполные семь лет в незнакомом пустом доме за хозяйку.

Но хозяйство – слово громкое. Скарба у них было немного, комнат и мебели – ещё меньше, и после того, как пыль и паутина были выметены, окна вымыты, а матрасы набиты свежей травой, делать стало нечего. И в первый же день самостоятельности девочка отправилась погулять на улицу.

А там её уже поджидали соседские дети...

Умылась Ануш из бочки у крыльца. Глядя в успокоившуюся тёмную поверхность воды, приложила на ссадины липкие листья скороцвета. Если успела вовремя – может, мама вечером и не заметит ничего...

Попытавшись отряхнуть платье, девочка с ужасом почувствовала, как рука её угодила в прореху. Если даже к вечеру с лица, рук и ног сойдут все следы встречи с соседями, то порванную одежду мать увидит точно! Вот если бы на дырку тоже можно было наложить скороцвет...

Но Ануш была взрослой девочкой, как в последние недели упорно повторяла мама, а у взрослых имелось лишь одно верное средство от прорех в одежде.

Переворошив всё их небогатое имущество, иголку она не нашла. Растерянно оглядевшись по сторонам, девочка с ужасом поняла, что иголки или были потеряны в пути, или мама прибрала их туда, где ей не сыскать.

Но она ведь уже большая! И даже умеет ставить заплаты! И мама не может, не имеет права прятать от неё иглы, когда они ей нужны больше всего на свете! Она не какой-нибудь бестолковый младенец! Чтоб этих дураков корова забодала!..

При этой мысли обида и унижение снова запольхали в её душе всеми оттенками чёрного, а из глаз брызнули горячие слёзы ненависти. Разгневанно стиснув губы так, что чёрный комок льда в груди блаженно заворочался, Ануш зажгла светильник и выскочила в сени: в правой стене коридора зияли покосившимися дверными проёмами два чулана. Может, мама убрала иголки туда?

Девочка нырнула в душную пыльную тьму первого и пробежала глазами по полкам: горшки, кувшины, несколько дырявых котлов, медные тарелки, прялка, корыта, ведра – и пыль, пыль, пыль...

Дверь второго чулана была закрыта, и потребовалось немало трудов и ухищрений, чтобы она сдалась под напором хозяйки. Через час с протяжным мерзким скрипом приоткрылась она ровно настолько, чтобы очень маленькая и очень худая девочка еле-еле смогла протиснуться боком. Ругая себя за то, что не догадалась погасить лампу, пока боролась с упрямой дверью, и теперь получит ещё и за сожжённое среди бела дня масло, Ануш подняла устало коптящий светильник, оглядела каморку и угрюмо вздохнула.

Конечно, сложенные здесь покойной бабушкой вещи были намного интереснее котлов, прялок и корыт, но ни в книжках с непонятными картинками, ни в пузырьках из цветного стекла, ни в фигуристых бронзовых ступках, ни в иных предметах, назначение которых девочка не могла себе и вообразить, иголок не оказалось.

Понуро втянув голову в плечи и представляя – а вернее, не представляя, – что будет врать вечером маме, Ануш повернулась, чтобы выйти. Странно, но против того, чтобы сказать правду, отчего-то восставало всё её существо.

Взгляд её упал на маленькую полочку над притолокой. Точнее, на водружённый на неё ларец.

Забраться на стопку толстых книжек и достать любопытную вещицу было проще простого, и уже через пару минут девочка спрыгнула на пол и, дрожа от нетерпения, распахнула украшенную сканью крышку.

Иголок там не оказалось тоже, но зато нашлось кое-что иное.

Как завороженная подняла Ануш безделушку за тонкую цепочку, и на неё глянуло жёлтым глазом серебряное сердце. Девочка охнула в восхищении и осторожно коснулась пальчиком камня-зрочка, сиявшего, казалось, своим, внутренним светом.

Тёплый.

Она снова дотронулась до камня – не показалось ли – но нет, прозрачный как слеза камушек размером с лесной орех точно был согрет чьей-то рукой. Дивясь такому чуду, Ануш завертела в руках украшение, жадно разглядывая затейливый узор на кромке и обратной стороне.

Восхищению Ануш не было предела – она с первого взгляда влюбилась в свою единственную драгоценность. Позабыв об утреннем позоре, она долго тёрла подолом разорванного платья мутно-серое серебро. А когда оно заблестело, накинула цепочку на шею, выпрямилась, запрокинула голову горделиво, словно все сокровища мира пали к её ногам, улыбнулась задорно – и вдруг чёрные стены чулана в грязных пятнах умирающего света закружились, взвились ввысь и пропали...

– Ануш? Ты слышишь меня?

Девочка вдруг услышала надтреснутый тихий голос, словно старушка говорила откуда-то издалека. Она очнулась, заворочалась тревожно – и тут же её что-то резко шлепнуло по боку.

– Ну, попрыгай ещё у меня, скотина...

Ануш испуганно открыла глаза – и тут же зажмурилась.

Вместо чуланной тьмы вокруг простиралась деревенская улица, щедро залитая полуденным солнцем. Ряды аккуратных белёных домов, разделённые пыльной лентой дороги с травяными каймами, тянулись до самой околицы.

Их новая деревня, без сомнения! Некоторые дома и резной сруб колодца на перекрестке Ануш успела запомнить: это совсем недалеко от...

– ...от того места, где тебя избили эти мерзавцы, – настойчиво прошептал голос, и свежие ещё воспоминания и ощущения с новой силой вспыхнули в её груди, пробуждая от недолгой спячки колючий ледяной ком.

– Ну, чего встала, пошла! – резкий мальчишечий голос разорвал мучительное забытьё, и новый удар по тому же боку ожёг кожу Ануш.

Ярость, слепая, белая ярость полыхнула в сердце девочки, как береста в костре, порождая невыносимое в своей пугающей сладости желание бить, топтать, крушить, ломать, она стиснула кулаки...

И поняла, что у неё нет пальцев.

Вскрикнула в ужасе – но изо рта её вырвалось утробное мычание.

– Ступай, ступай!..

Знакомый голос, новый удар... Ануш в панике закрутила головой и неожиданно увидела часть себя – и старшего сына кузнеца рядом.

Страх, ожесточение и растерянность не позволили ей сразу понять, что необычного в том, что она видит, а когда поняла, то выдохнула почти с облегчением.

Оказывается, это всего лишь сон!

Потому что только во сне могла она смотреть сверху на мальчика, что был выше её на голову – и только во сне она могла ходить на четвереньках как на двух ногах, а вместо рук иметь коровьи копыта!

– Ну, двигай, дохлая! – мальчишка, старательно, но безуспешно имитируя грубый голос мужчины, снова хлестнул её прутом, заставляя вздрогнуть от боли.

– Где коровьи копыта, Ануш, там и... – прошептал далёкий старческий голос, о котором она успела позабыть, и новая, удивительная и забавная мысль сама собой сформировалась в её мозгу.

Девочка повернулась к вызывающе прищуривавшемуся мальчишке – «как тогда!» – мстительно напомнил голос – наклонила голову и сделала первый шаг вперёд...

Проснулась Ануш в темноте: светильник давно погас, наполнив тесное помещение удушливой гарью.

Девочка поднялась с пола, растерянно моргая, и тут же схватилась за голову: казалось, ещё одно движение – и она рассыплется на куски. Даже думать было больно, словно при каждой мысли кто-то старательный и злобный возил по макушке пилой. Но трём расплывчатым воспоминаниям, слившимся почему-то в одно, причудливое и тревожное, удалось пробиться даже через тупо пульсирующую жирную боль: про драку с соседскими детьми, про найденное украшение и про сон.

Страдальчески морщась от первой в жизни головной боли, она выскользнула в сени, прижалась виском к прохладным доскам и замерла.

О чём можно рассказать матери, а о чем умолчать?..

«Про драку, если на лице ничего не осталось, не скажу... Про украшение... Если сказать – отберёт... Не скажу...»

У неё никогда в жизни не было секретов от мамы, а тут сразу целая куча – было от чего прийти в замешательство. И тут Ануш вспомнила про нелепый сон и с облегчением решила, что про него-то рассказать можно. Пусть посмеётся: человек превратился в корову! А пока на улице не стемнело совсем, надо сбежать к бочке посмотреть на себя – видно царапины или не видно, врать вечером или не врать?..

Мама вернулась позднее, чем Ануш ожидала, почти затемно, утомлённая и чем-то расстроенная.

– Мамочка, а знаешь, что мне сегодня приснилось? – бросилась ей навстречу девочка, обняла узкие бедра и ткнулась носом в живот, пахнувший мукой.

Ей так хотелось приободрить маму!

– С тобою всё в порядке? – будто не слыша, беспокойно спросила женщина, взяла обеими руками голову дочки и попыталась заглянуть ей в лицо.

– Д-да...

Если бы мама Ануш не была чем-то взволнована, она почувствовала бы ложь. Полумрак же скрыл так и не зашитое платье и почти зажившие царапинки на предусмотрительно измазанной сажей мордашке.

– Как хорошо... – нервно прижав к себе дочь так, что она ойкнула, выдохнула женщина и заговорила быстро и сбивчиво: – Ты представляешь, милая... Я отчего поздно... Хозяин посылал меня в соседнее село за знахарем. Сын кузнеца, который у него сейчас колесо ладит, к лечухе корову водил... и когда обратно в стадо шли, она его к забору прижала... весь бок рогом разорвала... чуть правее – и через ребра бы прошло... Ох, спаси-упаси... Как хорошо, что у нас нет коровы! Только ты не пугайся, милая, не бойся...

– Корова?!..

И забытое ею окончание чудного сна моментально вспыхнуло в мозгу словно зарница.

Перекошенное от ужаса и боли лицо мальчишки, глухой удар рогов о забор, тонкий вскрик, торжествующее мычание – и далекий ликующий смех надтреснутого старческого голоса...

Ноги Ануш подкосились.

Мама уснула, едва голова её коснулась набитой травой подушки.

В свете луны за окном лицо её казалось восковым, как у покойницы, и Ануш торопливо и истово осенила себя знамением против сглаза – чтобы дурное не сбылось, не приведи Святой Радетель... От одной только мысли, что она может лишиться своего единственного на этом свете любимого и родного человека, её бросало в холодный пот.

Девочка отвернулась от пугающего света, накрылась с головой одеялом и попыталась уснуть, но сон не приходил. И вдруг она поняла, отчего: весь вечер мысли о раненом мальчике исподволь не давали ей покоя.

Сильно ли он мучается сейчас? Было ли ему больно?

Сердце её сочувственно ждалось – но тут же дёрнулось, точно укололось обо что-то...

– Было ли ему страшно – страшнее, чем тебе, когда он тинал тебя?

...о чёрный комок льда, что поселился у неё в груди, поняла Ануш.

И только после этого вспомнила, когда и где слышала этот дребезжащий старческий голос.

Тихая жуть опустилась на неё саваном.

Кто это? Кто с ней говорит? Откуда? Зачем?!..

В том, что в доме никого, кроме них с мамой, нет, она была уверена – разошедшийся пол выдал бы незваного гостя при первом же шаге. К тому же, хоть она и понимала, что это невозможно, но могла бы побожиться, что голос не приходил извне, но зарождался у неё в голове.

– Я – твоя бабушка, Ануш, – отвечая на немой поток вопросов, успокаивающе проговорил голос.

«Что ты делаешь у меня в голове?!»

– Пришла в гости, – добродушно хмыкнул голос. *– Ты ведь меня пригласила.*

«Я? Когда?»

– Когда надела мой амулет. Он тебе понравился? Ты не хочешь его выбросить?

«Нет, ни за что! – выпалила Ануш, прежде чем успела обдумать ответ. – Но как ты туда поместилась? И разве ты не умерла?»

– Пока мой амулет цел, пока его кто-то носит – я буду жить, Ануш.

«А это правда... что ты была ведьмой?» – спросила девочка и замерла.

– Да, я Знала.

«И... в чулане... то есть, на улице... когда я... когда корова... это ты?..»

– Если ты спрашиваешь, кто сказал, что у коровы есть не только копыта, но и рога – то я.

«Но я... корова... могла его забодать насмерть!!!»

– Этот гадёныш слишком увёртлив, – снисходительно хмыкнула ведьма.

«Но ему же было больно!»

– А тебе? Тебе утром разве не было больно? Когда он пинал тебя, бросал в тебя камни, обзывал последними словами – тебе больно не было? Тебе было приятно? Ты хочешь, чтобы в следующий раз, когда ты выйдешь на улицу, он – и прочая саранча – снова напали на тебя?

«Нет!!!»

– Значит, он получил по заслугам, – голос старухи сочился удовлетворением, и Ануш с растерянностью и трепетом почувствовала, как ледяной комок в её груди радостно шевельнулся в такт и как будто попрос.

«Но я не хотела...» – устыдилась своей нечистой радости девочка.

– Как? Разве ты сама не превратила бы их тогда, утром, в тараканов и змей... если бы сумела?

Испытанные горечью, обидой, разочарованием и страхом тотчас мелькнули в памяти одной грязной вспышкой, и снова ответ вырвался на волю быстрее, чем она смогла его обдумать:

«Да, да, да – сто раз!!!»

– Вот видишь. Зло должно быть наказано, деточка. С одним мерзавцем мы посчитались, но ведь там их было семеро. И никто не стоял в сторонке, пока другие били тебя, пинали, хлестали, тыкали палками, оскорбляли!.. Неужели тебе их жалко после этого? Они-то тебя не пожалели! Неужели ты не проучишь их за жестокость?!

Внутри Ануш что-то оборвалось: происходящее сейчас пугало куда больше, чем утреннее нападение. Забыть бы этот день, как тяжёлый кошмар! Маленькая частичка её души в ужасе стремилась возразить, отказаться, отвергнуть ужасное предложение... Но отчего-то, повинувшись совсем другому импульсу закусенные до крови губы разомкнулись сами собой и тихо прошептали:

– Но я не знаю, как...

– Просто делай, как я тебя научу, слушайся, и всё будет хорошо. Запомни. Если ты не получаешь уважения – ты не получаешь ничего. А мы научим их уважать тебя.

– А если... у меня не получится?

– Получится, милая. И вот увидишь – тебе это понравится. Ведь ты так похожа на меня...

То, что на следующий день дочка шорника, одна из четырех подружек, напавших на Ануш, обварилась кипятком, в деревне не заметил никто, кроме её семьи и лечухи. Когда ещё через день вторая подружка

споткнулась на крыльце, упала и сломала ногу, это вызвало лишь сочувственные охи и вздохи: будто проклятья на наших деток сыплются. Когда же через два дня третью девочку искусила собственная собака, кого-то наблюдательного осенило: а случайно ли несчастья валяются только на тех детей, что поколотили наемни ведьмину внучку?

– Или дочку? – недолго думая, домыслил кто-то сметливый.

В деревне, как известно, секретов не бывает: стоит кому-нибудь брякнуть любую нелепицу – и на следующий день её уже обсуждают на каждом дворе. И чем чуднее идея, тем охотнее пересказывают её друг дружке, и тем скорее ей верят.

Ворота хлопнули неожиданно и громко. Ануш, замершая на своей кровати в забытии с зажатым в кулаке амулетом, вздрогнула, выпустила украшение из рук так, что оно повисло на цепочке, и обежала мутным взором полумрак комнаты.

Неужели уже вечер?!

За распахнутым окном шальной порыв ветра запутался в кронах вязов, усеивая землю сухими ветками и сорванными листьями, утробно, словно отрывка великана, пророкотал гром, и девочка вздохнула облегчённо: это не ворота и не вечер, это просто гроза!

Пол в сених заскрипел под тяжестью человека, и рука её произвольно схватила серебряное сердце с обжигающим как лёд голубым камнем, опустила за пазуху и стянула посильнее шнуровку платья, чтобы не выбилась цепочка.

Кто же это мог явиться?

«Ах, если бы это был кто-то из её обидчиков!» – неожиданно и сладко дрогнул в груди ледяной ком – хоть и по-прежнему колючий, но больше не ранящий, словно прирученный зверь, иглы которого теперь были направлены только во врага.

Уж тогда бы она показала, всем показала, что недаром прошли эти пять дней!..

Но это была мама.

– Почему ты так рано? – капризно нахмурилась девочка.

– Меня выгнали, – не замечая недовольства дочки, убито выдохнула женщина, мыслями и переживаниями ещё там, на мельнице, среди выкрикивающих дикие обвинения работников, в глазах которых затаился страх.

– За что?! – потрясённо воскликнула Ануш, впервые за день очнувшись от липкого морока амулета – но мать будто не услышала её.

Она присела на корточки, взяла лицо дочери в ладони, не давая голове опуститься, тревожно заглянула в глаза и заговорила хриплым срывающимся голосом:

– Анушенька, миленькая, почему ты не сказала мне... что тебя... били... какие-то...

И осеклась.

Глаза её расширились, брови изумленно взлетели, рот открылся...

– Ануш?.. – прошептала женщина, поражённо вглядываясь в лицо дочки. – Ануш?.. Ты больна? Тебе плохо? Немедленно ложись в постель, я позову лечуху!..

– У меня ничего не болит! – с непонятым раздражением дёрнула плечом девочка.

– Но твои глаза... – растерянно моргнула мать.

– И мои глаза не болят тоже!

– Нет, да, конечно... Но... у тебя же голубые глаза!.. Были...

– А какие сейчас? – изумлённо мигнула Ануш.

– Цвета топаза... с голубыми пятнышками...

– А что такое топаз?

– Камень... прозрачный жёлтый камень, – рассеянно пояснила мать. – Из которого делают глаза в статуях Радетеля.

Камень?

Топаз?..

Амулет!

В одно мгновение Ануш вспомнила, как удивлялась ещё утром, что камушек на её сокровище стал превращаться из жёлтого в голубой с янтарными искорками. А при чём тут её глаза?..

Но что-то крошечное, забитое и запуганное до полусмерти в глубине души иступлённо подсказывало, что её глаза имеют к этому самое прямое отношение. Оно говорило ещё что-то, но очень тихо и неразборчиво, а когда голос старухи прицыкнул на него, сжалось в дрожащий комочек и пропало совсем.

– Я слышала, что с возрастом глаза детей могут менять цвет! – услышала подсказку ведьмы и выпалила Ануш под обеспокоенным взглядом мамы.

«Но не за несколько ведь дней», хотела сказать женщина, и вдруг со стыдом подумала, что не помнит, когда она в последний раз смотрела в глаза своей дочери.

Неделю назад? Месяц? Когда муж был ещё жив?..

– Да, милая... Это бывает... – виновато улыбаясь, кивнула она и, держась одной рукой за натруженную спину, тяжело поднялась. – У моей матери... твоей бабушки... были жёлтые глаза. Наверное, это по наследству тебе перешло... через столько лет... Надо же... Прости меня... сама не знаю, что подумала... Просто с этими несчастьями... Да ещё и мельник теперь...

Голос её, неровный и дрожащий, сошёл на нет.

– Так почему он тебя выгнал? – требовательно уставилась на неё новым янтарным взглядом Ануш, и женщина невольно поёжилась, заново вспоминая свою мать – волевою, холодную, безжалостную...

Но тревога и расстройство не располагали к разгадыванию загадок, и вопрос, что они будут есть через несколько дней, когда скудные запасы кончатся, снова волновал её несравнимо больше, чем цвет глаз дочери.

Женщина замаялась, словно сомневаясь, говорить или нет, но потом подумала, что хуже не будет, и вздохнула.

– В деревне говорят, что это я наслала порчу на тех детей... про которых я тебе рассказывала... которые...

– Но при чем тут *ты*?! – возмущённо воскликнула девочка, и сердце матери растаяло, принимая оскорблённую гордость за сочувствие.

– Они думают, что я ведьма, как твоя бабка, Анушенька... но ты не верь, это неправда. Хотя, когда я узнала про тебя... я пожалела, что я не ведьма. Они твердят, что это я наслала на тех, кто обидел тебя, какое-то проклятье... или порчу...

– Чёрный сглаз, – машинально поправила девочка и ойкнула, закусив губы.

Но было поздно.

Глаза матери, враз и наконец осознавшей, что означали события последних дней, расширились от ужаса, и она, блее мела, опустилась на пол, прикрыв рот ладонями.

– Святой Радетель... Боже мой... Ануш... Анушенька... девочка моя... Что... что ты наделала?!.. Как?!.. Зачем?!.. Почему ты мне ничего?..

Холодный жёлтый взгляд старых, как мир, глаз смерил её с головы до ног устало и пренебрежительно, и женщина побледнела, снова, как годы назад, почувствовав себя маленькой никчемной девчонкой, недоразумением, позором своей матери – самой сильной ведьмы провинции. Последней ведьмы долгой династии.

– Как *она* смогла?.. – непослушными губами прошептала женщина, понимая, что какие бы вопросы теперь она ни задавала, к каким святым ни взывала – дочери своей, милой, сладкой девчужки, ей не увидеть больше никогда. – Господи... Ануш... *Мама*... За что?!..

Но ни продолжить, ни дождаться ответа ей не пришлось: снова – гулко и резко – хлопнули ворота.

Или ударил гром?

Или в ворота ударился тяжёлый камень?

Женщина насторожилась, и через открытое окно до слуха её донёсся гомон толпы за углом, словно рокот дальнего грома. И, как молнии сверкают в ночи, освещая землю мертвенным белым светом, так единственное слово то и дело прорывало гул голосов и взрывалось страхом и ненавистью:

– ...ведьма!!!..

Моментально забыв про дочь, мать бросилась из дому на улицу.

«Это ошибка, я сейчас всё объясню, я же не ведьма!..» – было первым, что пришло ей в голову, но уже в следующую секунду она вспомнила своё жуткое открытие, и растерянность захлестнула её, лишая

сообразительности и воли, и не осталось у неё иных доводов, кроме иступлённого и отчаянного:

– Я не ведьма!!!..

Звонкий испуганный вопль девочки «Мама!..» заставил женщину оглянуться, но не остановил.

Грохнула дверь, и через несколько секунд за ней – ворота.

Гомон смолк.

Ануш метнулась в соседнюю комнату, хотела распахнуть ещё бабкой плотно заклеенное на зиму окно, но испугалась, присела на табуретку перед подоконником – только тёмная макушка, чёлка, да странные жёлтые с голубыми искорками глаза виднелись за толстым неровным стеклом.

Мать говорила что-то беззвучно, то нервно скрепя руки на груди, то разводя ими, будто извиняясь растерянно или объясняя что-то непонятное. Перед ней, чуть выступив из толпы, стояли несколько мужчин и женщин с налитыми кровью лицами и сжатыми кулаками. Рты их то открывались в неслышном крике, то захлопывались в перекошенную ненавистью тонкую линию.

Родители пострадавших ребят, поняла Ануш, и покраснела.

– *Родители избившего тебя отребья*, – вкрадчиво поправил голос старухи, и девочке снова стало стыдно – но уже за своё малодушие.

Вдруг откуда-то из-за спин к воротам вышагнул дядя Якоб, мрачнее тучи и суровой грома. Он повернулся лицом к собравшимся и принялся говорить что-то, пылко указывая то на маму, то на односельчан, то на небо, словно призывая Святого Радетеля спуститься и помочь ему, то выразительно постукивая себя скрюченными пальцами по лбу.

Едва он умолк, как мать опустила на одно колено и принялась делать знаки клятвы Радетелю, то осеняя себя и толпу переплетёнными пальцами, то прикладывая ладони к груди, вискам и лбу поочередно, как во время молитвы, то воздевая руки вверх – то ли к тучам, то ли к святому покровителю Эрегора.

Радетеля Ануш, как ни разглядывала лиловое небо в ниточках молний, так и не увидела. Может, он не пришел, или пришёл, но тучи его загородили... Но отчего-то некоторые крестьяне, поверившие ли клятве, образумленные ли чудесным образом, захмыкали, запереглядывались конфузливо, пожимая плечами и качая головами, и отступили.

Некоторые – но не все.

Толпа разделилась пополам. Неуверенные топтались на месте, поглядывая то на небо, то на мать Ануш, словно раздумывали, уйти им, пока не начался ливень, или досмотреть, что будет дальше. Родители её раненых обидчиков и ещё десятка полтора таких же шумных и краснолицых мужчин и женщин успокаиваться не желали, и гневно орали теперь не только на маму, но и на дядю Якоба и тех сельчан, что приняли его сторону.

Пахло грозой.

Недалеко от окна Ануш заметила длинную тётку в синем чепце – жену дяди Якоба, знала она теперь. Одной рукой та вцепилась в штакетину их палисадника, другой сжимала плечо возбуждённо переминающегося с ноги на ногу белобрысого мальчишки на две головы выше Ануш.

Того самого.

– *Топчись, топчись, голубок*, – хмыкнула старуха, и по спине Ануш пробежал холодок. – *Недолго осталось*.

– Это я во всем виновата...

Лоб девочки уткнулся в край подоконника, и слезы бессилия и страха потекли по горящим щекам.

– *Глупая девчонка! В чём ты виновата? Что они набросились на тебя, потому что их родители напелли про меня всякую чушь? Что они вообразили, будто твоя мать позарится на этого олуха Якоба? Что его сын науськал на тебя своих прихвостней? Слабину почуяли, вот и пришли! Была бы я жива, попробовал бы хоть кто-нибудь вякнуть, даже если бы вся деревня однажды утром проснулась искусанная и с переломанными ногами! Ах, как сладко быть живой, деточка... Снова... Скоро ты меня поймешь... совсем скоро... Ещё одна жертва – и ты совсем будешь готова...*

Голос осёкся, замер испуганно, словно сболтнув лишнее, но беспокоиться его хозяйке не стоило: не слыша колдунью, Ануш терзала пальцами платок и нервно шептала:

– Только бы всё кончилось хорошо... только бы всё обошлось... мама... мамочка... мамочка... Я должна признаться...

Приняв вдруг решение, Ануш порывисто стиснула кулачки и вскочила на ноги.

– Я должна всё рассказать!

– *Что-то ты не то болтаешь, милая*, – с угрозой процедила ведьма, девочка тут же вздрогнула, словно в грудь ей что-то кольнуло, закатила глаза и упала.

А когда через несколько секунд поднялась, брезгливо отряхивая платьице, то взгляд её был холодным и отстранённо-спокойным.

– Немного рановато, конечно... – бесстрастно проговорила она странным, чуть надтреснутым голосом, снова присела, чтобы наблюдать разворачивающееся действие, и колючий ком из чёрного льда, занявший уже, казалось, всё её тело, довольно шевельнулся. – Хотя, будь что будет. Теперь я уже не пропаду.

Тем временем женщина в синем чепце выскочила вперед, ухватила мужа за рукав и со слезами и причитаниями стала пытаться увести прочь. Под гогот зевак он сердито вырывался и что-то кричал, но жена надрывалась и тянула изо всех сил, и скоро они пропали из виду за спинами людей.

Мать осталась одна – и веселившаяся ещё секунду назад толпа помрачнела опять.

Жутко, совсем рядом, пророкотал гром, так, что стекла в окнах задребезжали и звякнула посуда на столе. Ануш присела испуганно, закрывая ладонями уши, а когда снова вынырнула из-под подоконника, то увидела, что мать протянула ладони к придвинувшемуся почти вплотную кузнецу – и вдруг тот толкнул её в грудь. Нелепо взмахнув руками, женщина отлетела к забору, пропадая из вида, ударилась спиной, но в последний момент удержалась на ногах, инстинктивно чувствуя, что стоит ей упасть, как набросится один, другой, а за ними – вся толпа...

– *Ма...ма?..* – слова прозвучали тихо и сипло, словно чужие и сказанные кем-то чужим, далеко, в холодном металлическом тесном доме... – *Ма...*

– Надеюсь, ей повезёт, – равнодушно вздохнула ведьма. – Хоть сейчас. Конечно, она всегда была глупой, но...

– ...*ма...*

Ноги выпрямились по собственной воле, голова ткнулась лбом в мутное стекло...

Но первым, кого увидела Ануш, была не мать, и не багровый от ярости и выпитого для храбрости вина кузнец, а белобрысый мальчишка.

В руке он сжимал камень, а губы его беззвучно шевелились.

Но девочке не надо было слышать – она знала, что он сейчас закричит. Воспалённая, пульсирующая одним-единственным воспоминанием память высветила перед глазами Ануш знакомую картину. Только на этот раз вместо неё в горячей пыли извивалась и пыталась уползти из-под града ударов её мать, а беспощадная ватага детей сменилась обезумевшей толпой крестьян, и ворота под тяжестью тела матери всё не открывались и не открывались, пока не стало слишком поздно...

– Мама!!!..

Не думая ни о чём, не слушая истерично рычащий в голове голос ведьмы, не обращая внимания на раздражающие грудь громадные ледяные иглы, почти ослеплённая ужасом перед нависшей катастрофой и пожирающей изнутри болью, Ануш, ни на секунду не переставая кричать, бросилась из комнаты в сени, на двор, за ворота...

Подступающая гроза разрывала небо в клочки, толпа зловеще гудела, кузнец орал, распаяя себя для последнего удара – но девочка видела лишь одного человека, слышала только один голос, и всего два слова.

– Бей ведьму!!!..

Одновременно с этим в прижавшуюся к воротам женщину полетел камень. Но в то же мгновение, прежде чем толпа успела решить, что ей делать, из ворот выскочила маленькая фурия и вихрем набросилась на белобрысого.

Сбив врага на землю, она, вопя что-то дикое и несвязное, принялась неистово молотить его руками и ногами, кусать, царапать, пинать,

понимая, что умирает, что невозможно выжить после того, как эта проклятая ледяная штука разорвала тебя изнутри, после того, как голос ведьмы бешено выкрикивал у неё в голове приказы, сводя с ума, разрывая мозг... Но одновременно маленьким краешком души, который ещё оставался Ануш, той Ануш Саратон, что пришла из Перевозной с мамой неделю назад, она сознавала, рушась в пропасть беспамятства и тьмы, что ни одна мечь, совершённая посредством магии, не принесла ей такого наслаждения, как эта безумная, нелепая, обречённая атака. И даже хлынувший сплошной стеной ливень не смог охладить её исступление.

Только с помощью трёх мужчин мать смогла оторвать дочку от панически завывающего белобрысого. Впрочем, под слоем грязи и крови цвет его волос было уже не разобрать.

– Вот ведьма... – дивясь такой свирепости в крошечном худеньком тельце, уважительно хмыкнул кузнец и обернулся на мать Ануш, конфузливо пряча глаза: – Куда отнести, хозяйка? И ты это... не гляди на меня так... Когда твой старшой чуть к Радетелю в гости не отправился... начнёшь на кого попало что ни попадя думать... Извини...

– ...Ай, да молодец! Ай, да умница!..

Голос незнакомой старушки ворвался в сознание Ануш неожиданно, словно толстая стена, отделяющая её от мира, вдруг рухнула беззвучно.

– Ма...ма?... – прошептали обветренные губы.

– Тут мама твоя, тут, с работки вернулась как раз... Эй, Уна, давай бегом сюда, девчонунка наша в себя пришла! Это ж надо так десятилетнего мужика отделать – три часа его зашивала-перевязывала! И кто? Пигалица! Глазки-васильки, реснички-лепестки... Горний дух, а не ребёнок!

В сенях застучали торопливые шаги, и дверь комнаты распахнулась, впуская маму с тарелкой чего-то ароматного и горячего.

Ануш раздула ноздри, сглотнула голодную слюну... и вдруг вспомнила.

Вспомнила всё – и рука её поползла на грудь и зашарила, ища... и не находя.

– Что-то потеряла, девонька? – ласково проворковала лечуха.

– Штучку... на цепочке...

Круглое, в добрых морщинках лицо старушки погрузнело в сочувствии:

– На улице затерялась, наверное. Цепочка, поди, разорвалась – и поминай, как звали. Народу-то вон сколько собиралось... К рукам прибрал кто-нибудь, не иначе. Жалко сильно?

– Нет... – улыбнулась и покачала головой Ануш. – Нисколько... Так ей и надо...

Житие Святейшего Береста

– Триста тысяч жизней – это плата за независимость?! Святейший, то грех великий!

Он медленно поднял веки. Молодой монах сжал губы, на щеках проступили красные пятна. Пальцы, испачканные чернилами, подрагивали.

– И что ты предлагаешь? – спросил Святейший так, словно каждый день советовался с хронистом.

Пятна на щеках исчезли, монах сравнялся цветом со своей рясой – белоснежной, тоже в капельках чернил. Но произнёс дерзко:

– Открыть порт.

Святейший поднялся, подошёл к окну. Падал снег. Крупные белые хлопья засыпали мокрую землю, укрывали крыши. Тягуче звонил колокол. Теперь отходную читали дважды – утром и по полудню.

Первый снег... Все лето небеса плакали, и крестьяне, устав молиться, проклинали их. Зерно гнило, не успев взойти. Скот на пастбищах увязал в грязи. Торговать было нечем. А теперь падает снег, и славный город Ладею, Святую колыбель, окутывает саван.

Слышно было, как испуганно дышит за спиной хронист.

– Поди прочь.

Отсюда не виден порт, не дело Святейшему изо дня в день наблюдать за мирской суетой. Не видно судов короля Дварека. Тяжёлых, осевших в воду, полных запасов, которых Ладею хватит на всю зиму.

Если бы Дварек хотел в обмен золото, Святейший первым бы снял перстни. Но королю нужно другое.

Берест был «обещанным».

Отец женился на матери по любви. На приданое ей не поскупились. Дом поставили в первый же год. Ни одной яловой коровы в небольшом стаде не оказалось. Свиньи поросились богато. Хорошо начали жить молодые, но вот детей Всевышний не давал. Года три-четыре прошло, надоумили сходить в монастырь святого Лепия, поговорить с настоятелем, благословения попросить. Святой отец не отказал, но велел: первого сына, как двенадцать ему сравняется, отдадите в монастырь.

После Береста родились ещё трое–двое наследников и одна девка.

Мать его не то чтобы любила, скорее откупалась. Сладким куском, лишней волей, какой старшему сыну в деревне не полагается. Отец на Береста не смотрел. Второго, Дария, сразу к делу приставил: косы править, стога метать, за лошадьми смотреть, шорничать. Получалось, старший у младшего на подхвате. Дарий этому радовался, бахвалился перед сверстниками.

Берест ни с кем дружбы не заводил. Частенько удирал на берег,

забирался в пещеру, намытую тальными водами, и сидел часами, глядя на стремительный поток. Река не мелела даже в самое жаркое лето, бурлила, торопясь убраться из здешних мест. Берест ещё не умел молиться, и просто шептал, сжимая кулаки: «Хоть что-нибудь, ну пусть хоть что-нибудь случится!»

Случалось, конечно: умирали старики, играли свадьбы, рождались дети. Но для Береста это ничего не меняло.

Лето сменяла зима. В здешних краях она была короткая, но и трёх месяцев хватало, чтобы задохнуться от тоски. Дороги заносило снегом, наглее становились волки, отрезая деревню от прочего мира. Без обуви из дома лишний раз не выскочишь, оставалось сидеть, прижав нос к оледеневшему окошку и смотреть: может, хоть собака пробежит.

Иногда всей семьей, без баб, конечно, ходили к старосте. Там его сын, Оляха, читал газеты, те, что привозили ещё летом. Берест слушал, не понимая, и только чудесные слова застревали в памяти: «конка», «фонари», «телеграф». Это всё было далеко от их деревни, и к Бересту не имело никакого отношения. Но так приятно было перекачивать их во рту, точно леденец.

Чаще всего Оляха читал про Святейшего из далекого города Ладея.

После Бересту снилось смутное, непонятное, но такое желанное, что он вскидывался, тарасился в темноту и отчаянно просил: «Пусть хоть что-нибудь случится!»

Но единственное, что могло произойти с ним, – отъезд в монастырь. Берест этого ждал и боялся.

Увезли его по осени, когда хлеб убрали. Вместе с мальчишкой отправили мешок зерна и двух поросят, в благодарность настоятелю.

Держали в монастыре строго. Утренняя служба начиналась затемно, вечерняя заканчивалась к полуночи. День был расписан между молитвами и работой. За малейшую провинность – часы покаяний, в часовне, на коленях на каменном полу. А то принесёт отец Горий розги, выдвинут лавку на середину трапезной... Бересту пока везло, и он лишь ёжился, слушая, как поскуливают неудачливые товарищи. Тяжело приходилось после домашней вольницы. Но – спокойнее. Тут он был такая же горошина в стручке, как и прочие – «обещанные», сироты, пригретые из милости, младшие сыновья из многодетных семей.

Вот только Берест никак не мог разучиться ждать. Ужас охватывал, стоило подумать: вот это – навсегда. Тёмная душная келья с деревянными лавками. Узкие коридоры, если кто навстречу идёт, прижаться к стене, опустить глаза. Высокие стены, закрывающие лес, реку, поля. Размеренный день по монастырскому уставу – такой же, как вчера, как позавчера, как будет завтра.

«Ну пожалуйста, пусть что-нибудь изменится!»

Сбылось.

Зима выдалась на удивление суровая, кельи промерзали. Утром

приходилось разбивать корочку льда, прежде чем умыться. На службе жались друг к другу. Когда умер старый настоятель, землю сначала отогревали кострами и только затем долбили.

Уже поворачивало на весну, но тепло всё не приходило. В те дни и появился святой отец Кедрый, взял монастырь под свою руку.

О новом настоятеле шептались задолго до его приезда. Говорили, сильно молод. Первое время Берест ждал, отчаянно, как не положено послушнику: вот теперь всё будет иначе.

Но нет, дни шли за днями, ничего не менялось, и Берест перестал молиться.

Он чистил конюшню. Махал лопатой споро, пытаясь согреться в тонкой рясе. Утешал себя: летом хуже, жара, мухи, густой запах. Головы Берест не поднимал. Даже когда потемнело – кто-то загородил вход, – не обернулся. Простучали по земле копыта, шагов за ними было не слышно.

– Прилежно, – сказали за спиной.

Голос был властный. Берест повернулся, сразу согнувшись в поклоне.

– Посмотри на меня.

Отец-настоятель. И вправду молод – едва ли тридцать сравнялось. Глаза зелёные, как хвоя. Смотрит, душу выворачивает. У Береста в горле пересохло. Стоит, вздрагивает. Разгорячённое работой тело стынет в холодном воздухе.

Жёсткие пальцы ухватили за подборок. Поводили туда-сюда.

– Иди за мной.

Берест торопливо ткнул лопату в угол. Ни в тот день, ни во многие последующие, он за неё не брался.

Всевышний услышал его молитву.

Казалось бы, велик труд – письма разбирать. Но в первые месяцы уставал Берест больше, чем на монастырских огородах. Кедрый спрашивал строго. Берест поначалу злился, но постепенно втянулся. Ещё больше вошёл во вкус такой жизни, когда заметил, с какой завистью посматривают на товарища послушники. Встречался с ними Берест теперь нечасто. Его удел: библиотека да покои отца-настоятеля. Даже спать далеко не уходил, отвели келью неподалеку.

Одного боялся Берест, что вскоре отцу Кедрью надоест игрушка. Блажь ведь, деревенщину грамоте учить. Ладно бы, церковные книги читать, и довольно. Нет, такое подсовывает, голову свернуть можно. Непонятно если, объяснит, не погонит. Даже наоборот, не приведи Всевышний угаить, что вникнуть не смог. Рассердится.

Лето Берест робко жался по углам, испуганно лупал глазами на отца Кедрья и бестолково заучивал новые слова. Чуть шевельни настоятель пальцем, тут же бросался на зов, лоб готовый расшибить. В ноги стелился. В рот заглядывал.

По осени же произошёл перелом.

Холода наступили поздно, но властно. Лужи по утрам хрустели ледком. В монастыре пока не топили, только в покоях отца-настоятеля потрескивали в камине берёзовые полешки. Уютно было примоститься на низенькой скамеечке подле огня, слушать, как бросает в окно пригоршнями капли дождь и неторопливо вчитываться в житие святого Лепия. Тут же отец Кедрий сидит. То читает, то бумагу марает. То голову рукой подопрёт – думает. Берест посматривал на него украдкой, благоговейно, как на икону не смотрел. Представить, о чём думы, и не пытался. Это всё равно, что лягушонку в колодец прыгнуть.

В такие вечера Бересту была забава – пугал сам себя. Вспоминал холодную каменную келью послушников. Наверняка мальчишки сдвинули лавки, сбились, словно щенки, в кучу. А то приходила на ум родная изба: на печи мамка с меньшей, братья на лавке пинаются – кому в этот раз бок греть, а кому с краю лежать. Бересту бросали полушубок на сундук, что под окном. Вроде бы – отдельно спит, как старшему положено, но в такой холод зябко. Вспомнит – и расплывётся в улыбке. Тут-то вон как тепло, хорошо и сытно.

Как-то раз поймал внимательный взгляд отца Кедрия. Смотрел тот с усмешкой, на глупого кутёнка, разомлевшего от неожиданного привалившего счастья. Снисходительно. Так оно и положено: настоятель на послушника, взрослый на сопляка. Но Берест почувал: не то. Послушник сан принять может, мальчишка вырастет. А тот глупый кутёнок, что отразился в хвойно-зелёных глазах, не поумнеет никогда. Обожгло: стыдом, гневом. Но спросил не в запале, нет. Сначала подобрал слова, выстроил фразу, и после произнёс:

– Отец Кедрий, не хочу я всю жизнь на монастырских грядках. Что я должен сделать?

За такие слова – месяц покаяний, по суровому режиму: на хлеб и воду, работа от зари до заката, ночь в молитвах, ещё и отец Горий розгами распишет, чтоб дольше помнил. Где это видано, послушник первым с настоятелем заговорил? Да ещё недовольство судьбой своей, Всевышним ему положенной, высказал. Грех великий.

Кедрий усмехнулся.

– Докажи, что не глуп.

Берест язык до крови закусил, лишь бы не выскочило: «Как?» Склонился над книгой.

Зиму он почти не помнил. Читал, читал, читал. Учился писать. Сначала скрёб пером хуже, чем старая курица лапой. Потом приспособился. Высунув от усердия язык, выписывал непонятные слова, рядом – что они означают. Постепенно в словарик стал заглядывать реже. Книги тоже сменились. Если раньше всё больше сказки были, про земли далёкие или близкие, про то, как люди там живут, о чём разговаривают, какие обычаи в ходу. Теперь пошли мудрёные, про царей и королей, про

войны и деньги, про посольские хитрости и торговые премудрости. К письму счёт добавился, да не простой, а с умножением, делением и дробями. Порой Бересту казалось, что учёность у него в горле стоит, того и гляди – блевать ею начнет. Бывшие товарищи за спиной шептались: чахоточный, помрёт. Вишь, как с лица спал, глаза красные, безумные.

Летом Бересту исполнилось четырнадцать.

В монастыре пахло грибами. Удачно прошли дожди, подогрело солнышко – и полезли, дружно, кучно. Счастливые послушники убегали сразу после службы с корзинками, за ними и монахи тянулись. Отец Кедрый за грибами не ходил. Конечно, не по чину ему, но Берест подозревал: наставника такая ерунда не смутила бы. Просто – не хотелось ему. Берест же обмирал от желания взять кузовок – и на волю! Смирлял себя, послушно просиживал над книгами до темноты, по летнему времени поздней. Потому удивился и обрадовался, когда отец-настоятель сказал после завтрака:

– Собирайся. В лес пойдем.

Засиял.

– Корзинки брать?

Скис, поймав насмешливый взгляд. Видать, не сильно поумнел кутёнок.

Грибные места обошли стороной. Выбрались к горам, заросшим берёзами. Настоятель шагал быстро. Берест запыхался. Обленила его библиотечная жизнь, забылась сноровка. Шли без тропы, продираясь по кустам. Наконец Кедрый остановился.

Полянка в десяток шагов. По одной стороне стоял лес, по другой шерился обрыв. Под обрывом, в ущелье, шумела речка Девкины слёзы, взбивая клубы влажной белесой пыли. Тут она была бурная, ниже по течению расходилась вширь, стихала. Девкиными же слезами прозвали за то, что бегали сюда дурочки молодые топиться. Смерть верная – с высоты да об камни, тело пока вынесет, изломает так, что и не узнать.

– Раздевайся, – велел Кедрый. – Бельё оставь.

Берест похлопал глазами, но рясу скинул. Снял новые, почти не ношенные сапожки. Перемялся под внимательным взглядом наставника, стесняясь пропотевшей рубахи и коротковатых штанов.

– Встань туда, – показал Кедрый на обрыв.

Боязливо оглядываясь, Берест попятился.

– Ещё назад.

Отодвинулся, чувствуя, пара шагов – и бултыхнётся.

– Ближе к краю!

Посыпалась из-под пяток земля. Берест нахохлился, втянул голову. За спиной бешеным быком ревел поток.

Кедрый встал перед ним. Так близко, что Берест чуть было не потянулся ухватиться за рясу. Смирил пальцы, заставив их уцепиться за край рубахи.

– Тебя слышит Всевышний.

Приоткрылся рот, точно у деревенского дурачка.

– Ты меня понял?

Берест неуверенно кивнул. И тут же пожал плечами. Известное дело, на то и монастырь стоит, чтобы молитву творить.

Кедрий усмехнулся.

– В каждой избе дураки лбами об пол бьются. Думаешь, их Всевышний слышит?

– Если от души молитва...

– Нет.

– Это грех, – чуть слышно прошептал послушник.

– Да. Но это правда.

У Береста мороз пошёл по коже. Ревела за спиной река.

– А вот тебя он может услышать. Главное – хотеть всей душой, так, что либо свершится, либо в петлю.

Вспомнилось, как шептал, зажмурившись: «Ну хоть что-нибудь...» А ведь сбылось.

– Услышит... Но как он тебя поймёт – вопрос.

– А?

– Твои желания, истовые, настоящие – исполнятся. А где, когда и как – знает лишь Всевышний.

Настоятель помолчал, оглядел послушника с макушки до пяток.

– Впрочем, может, я и ошибся.

У Береста чуть не вырвался нервный смешок. Это Кедрий-то? Но если он прав...

– Прыгай.

– Отец-настоятель!

Берест и не знал, что ужас бывает – таким. До судорог в спине, кровавых кругов перед глазами.

– Прыгай. И молись. Если Всевышний услышит – ты выживешь.

Берест всхлипнул, рванулся вперед. Упал на колени, схватил наставника за подол рясы.

– Смилуйтесь, отец-настоятель! Если прогневал, скажите, отмолю! Я в смирении... отцу Горию сам розги носить буду. Смилуйтесь!

Кедрий наклонился, ухватил за подбородок, задирая к небу зарёванное лицо. В глазах цвета хвои нет сочувствия.

– Мальчик, ты разве не понял, что я тебя сказал?

Берест ревел уже в голос.

– Или ты прыгнешь, или вернёшься к монастырским грядкам. Выбирай.

Отец-настоятель выпрямился, брезгливо вытер руку.

На Береста напала икота. Слова выговорить не мог, а то бы так и вопил: «Смилуйтесь!»

– Выбирай.

Послушник развернулся на четвереньках, глянул через край. Подломились руки-ноги, распластался лягушонком на краю обрыва. Шумела река, завораживая. Прыгать – верная смерть.

А не смерть ли изо дня в день горбиться на огородах? День в трудах, ночь в молитвах.

Ну как верно говорит наставник: его, Береста, сопляка, деревенщину, «обещанного» – Всевышний услышит?

Оторвал себя от земли. С такими усилиями мужики пни старые, разлапистые корчуют. Встал на краю. Перекрестился, как положено. Жить, Всевышний!

Прыгнул.

Полёт был коротким, только заложило уши. Окунулся во влажную морось. Ойкнуть не успел, вошёл в воду, точно рыбёшка. Река мягко приняла, не ударила. Как на ладонях, пронесла над камнями, ещё и огладила ласково. Волной игриво плеснула в нос. Берест расчихался, зажмурившись, а когда открыл глаза, увидел пологий берег. Плылось легко, вольно, даже вылезать не хотелось.

«Услышал!» – кричало у Береста внутри. Слепило солнце с густоголубого неба. «Он меня – слышит!» Кувыркнулся в воде. Сквозь толщу разглядел песчаное дно с затаившимися камнями, зеленоватые водоросли и серые тени рыбёшек. Вынырнул, отфыркался, и только тогда заметил: кто-то плывёт рядом. Повернулся. Отец-настоятель. От удивления Берест чуть не захлебнулся.

– На берег, – скомандовал наставник.

Послушник выбрался. С белья капало. Снова напала икота. Стоял, лупал глазами.

Кедрий растянулся на тёплом песке. Прикрыл глаза ладонью от яркого солнца.

– Сходи в деревню. Пусть в монастырь пошлют за одеждой. Не хватало ещё настоятелю мирян подштаниками смущать.

Берест торопливо кивнул, повернулся было, но замер.

– Отец-настоятель... Так это взаправду?

Кедрий вздохнул, пробормотал из-под руки.

– Всевышний, за что ты меня караешь глупым учеником?

Губы сами собой расплылись в улыбке. Берест подпрыгнул, дрыгнув ногами. Бежать? В деревню? О, да, он сейчас как побежит, как полетит!

Мир с того дня перевернулся. Стал ярче, понятнее, ближе, словно протёрли запотевшее окошко. Берест знал: придёт время, и он уйдёт из монастыря. Верил: всё изменится!

Наставник же остался прежним. Смотрел, как на глупого щенка, с трудом обученного паре фокусов. Берест злился. Думал, скрывал это успешно. Но в один из душевных вечеров, когда хотелось к бесам отшвырнуть книгу и умчаться на волю, отец Кедрий поманил к креслу.

Послушник нехотя встал, положил на стол тяжёлый том в кожаной

обложке.

Цепкие пальцы ухватили его за подбородок.

– Почто волчонком смотришь?

– Всевышний с вами, отец-настоятель. Я к вам со всем почтением...

– Не ври!

Щеку обожгло. Хлесткая ладонь у Кедрия.

– Всевышний в милости своей равен и к королю, и к юродивому. Ты, хоть и обласкан им, как был дураком деревенским, так им и остался.

Вот тут бы на колени упасть, руку наставнику поцеловать, просить не гневаться.

Берест выдернул подбородок из пальцев. Волчонком не волчонком, но глянул дерзко.

– Я, отец-настоятель, конечно, деревенский. Но не дурак. Вы и сами это понимаете, недаром учите.

Кедрий побарабанил по подлокотнику, раздумывая.

– Отца Гория позови. Ну? Что стоишь?

Берест вышел, даже не склонив головы.

Вот когда пришлось отведать розгу. Секли в трапезной, и намного большее обжигали злорадные взгляды послушников. После же наступили чёрные дни.

Береста отправили на дальний покос. Приходилось торопиться, чтобы успеть до дождей. В его возрасте мальчишки работали наравне с мужиками, он же управлялся с косой неумело. Насмешки, тычки, ругань – всего хлебнул. Особенно изгалялись те, кто и мечтать не смел к отцу-настоятелю приблизиться.

Потом пришёл черёд собирать урожай. Берест уставал так, что однажды заснул в церкви во время службы. Все послушники валились с ног, заметили же его одного.

Вставая с лавки и неловко одёргивая рясу, поймал на себе взгляд хвойно-зелёных глаз. Торопливо опустил голову. Это было впервые с того душного вечера, когда отец Кедрий заметил своего бывшего ученика. Берест боялся надеяться, но молился – жарко, истово.

Дни шли за днями. Ничего не менялась. Как-то, лежа в темноте и слушая дыхание послушников, Берест подумал: был бы Всевышний и вправду милостив, призвал бы к себе. И тут же испугался. А если – исполнится? Завтра. Сейчас.

Зима пошла на перелом, когда Береста вызвал отец-настоятель. По иронии судьбы послушник снова махал лопатой на конюшне.

В знакомой комнате жарко потрескивали в камине дрова. Огонёк лампы, спрятанный под стекло, отражался от бронзовых накладок на столе, золотил надписи на кожаных переплётках, подсушивал чернила на листе тонкой, дорогой бумаги.

Берест мялся на пороге, понимая, как жалко выглядит. Тощий, грязный. За последние месяцы он неожиданно пошёл в рост, и ряса стала

неприлично коротка, торчали обветренные покрасневшие кисти.

Кедрий отложил ручку с серебряным пером.

– Подойди ближе.

За подбородок хватать не стал. Посмотрел цепко.

– Ну так как? Поумнел?

У послушника задрожали губы. Боясь, что заплачет, вздохнул судорожно. Кедрий снисходительно ждал.

Берест сказал, стараясь чётко выговаривать каждый звук:

– Я, отец-настоятель, и раньше дураком не был.

Всё. Если ошибся... Куда его? В Северный монастырь, о котором послушники по ночам шепчутся, убеждая друг друга, что им несказанно повезло, мол, Лепий братии нестрогий устав оставил. Вот в Северном, бают...

– Пойди к отцу Горию.

...ещё, говорят, зима там почти без роздыху. Холодно и голодно...

– Скажи, пусть рясу тебе попримечнее даст. И умойся. Навозом несёт.

Берест неспешно наклонил голову.

– Спасибо, учитель.

Вздрыгнул, почувствовав на холодной, обмороженной щеке тёплую руку.

– Молодец, мальчик.

Вечером, войдя в трапезную в рясе из тонкой шерсти, Берест вспомнил мудрёное слово, вычитанное в книге: «триумф». Как только не смотрели на вновь вознесшегося послушника: с завистью, злобой, ненавистью, горьким недоумением. Равнодушных не было.

– Отец Кедрий, вас он тоже... слышит?

Лето шло на упадок, но вечера по-прежнему были душными, и ряса липла к спине. В другое время Берест, может, и не рискнул спросить, но сейчас, одуревший от жары, не сдержался.

– Да.

В кабинете плотно задёрнуты шторы, защищая от палящего солнца. Против обыкновения горела лишь тоненькая свеча, стеклянная колба лампы давала слишком много жару. Огонёк отражался в спокойных хвойно-зелёных глазах.

– Но тогда почему вы здесь?

– А где мне следует быть? – отец-настоятель закусил кончик деревянной ручки.

– В Ладее. Подле Святейшего. Или... – Берест не договорил.

– Быть Святейшим.

Да. Послушник украдкой вытер мокрые ладони о рясу.

– А ты бы хотел этого?

Берест отвёл глаза. Слышно было, как мычит уставшая к вечеру корова, жалуясь, что её вымя не спешат освободить. Гоготали гуси, их

загоняли на ночлег. Вскоре ударит колокол, призывая на молитву. В церкви душно, жарко, пахнет лампадным маслом и потом...

Настоятель окунул кончик серебряного пера в чернильницу, старательно снял о край лишнее.

– Ты забыл основное условие. Нужно не просто хотеть, а до судорог, до хрипа. Видишь ли, я так не умею.

Берест, забывшись, по-деревенски разинул рот.

– Я родился на севере. У нас снег лежит десять месяцев в году. Наши дома ставят толщиной в несколько бревен. Зимой по ночам трещат деревья, а утрам находят мёртвых птиц. Единственное, чего я смог возжелать – тепла, пусть не круглый год, но хоть половину. – Кедрый усмехнулся. – Как видишь, даже ребёнком я был слишком... робок. Почему я не загадал для себя вечного лета, а?

Берест не понял, спрашивает ли наставник у него, но на всякий случай пожал плечами.

– Я хотел власти, и тут же испуганно одёргивал себя: хоть маленькой, на городок или монастырь. Я получил её.

Брызнули чернила, ручка отлетела, ударилась в стену. Послушник вжал голову.

– Мне нужен ты. Ты – можешь. Ты – «обещанный», которому судьба была – скотный двор и монастырские грядки. Ты умеешь желать. Но без меня ты не справишься, когда твои желания исполнятся. Хоти, Берест, слышишь? Подальше от этих стен, подальше от этой тоски. А я расскажу тебе про Ладее, чтобы ты знал, чего хотеть. Понял меня?

У Береста шумело в ушах. Он разжал стиснутые зубы.

– Да, учитель.

Кедрый погиб через двенадцать лет от того дня, как они обосновались в Ладее.

Тридцатилетний Берест, приближённое лицо Святейшего Лавра, самый молодой епископ, просыпался в своей келье, рывком садился и шептал:

– Я же не хотел – так! Я не хотел!

Горели лампы. Берест запрещал их тушить. Прислушивался за стеной монашек, испуганно крестился.

– Я не так... – шептал Берест.

Он думал всего лишь освободиться от поучений Кедрия. Ему надоело слушать, что он глуп. Ему надоело помнить, что он «обещанный», деревенщина. Сопляк, которого отец-настоятель вытащил из промёрзшей конюшни. Кутёнок, которого пришлось тыкать носом, чтобы тот понял, чего нужно хотеть.

...Лошади, неприученные к большому городу, понеслись. Они влетели на монастырский двор, таща за собой разбитую телегу. Отец Кедрый не успел даже обернуться.

Он умер не сразу. Берест сидел на горячей от солнца земле, положив голову наставника себе на колени. Кровь, пузырясь, шла горлом, и стекала по пальцам молодого епископа.

– Я не хотел, – прошептал Берест, и Кедрый захрипел, пытаясь что-то сказать.

Что – Бересту уже никогда не узнать.

Отходную читал сам Святейший. Шептались, впрочем, мол, дело не в заслугах отца Кедрия.

Берест почернел и высох, стал молчалив, странен – говорил с кем, а смотрел сквозь, словно видел другим недоступное. То ставилось ему в честь, вон как скорбит по наставнику, не каждый такое уважение в сердце носит.

А молодой епископ кричал по ночам, просыпаясь в богатой келье, где никогда, даже в самую лютую стужу, не было холодно.

– Ты сам учил меня!

Он стучал зубами и кутался в одеяло – лёгкое, тёплое, расшитое шёлком. Горели лампы. Блестели золочёные оклады и вспыхивали камня, украшавшие лампаду.

Крестился за стеной монашек.

Ладея, город-государство, лежит в стороне от торговых путей. Но многие, очень многие, хотят получить под свою руку Святую колыбель, место, где родилась Пречистая Дева.

Частенько приезжали послы. Вернувшись ни с чем, докладывали: у Святейшего появился новый советник, удивительно молодой.

Береста пытались подкупить и уговорить, сманить и запугать. Он усмехался, кривя уголок губ. Глаза его оставались равнодушными. Посланники уходили, удивлённые, разозлённые, а чаще напуганные, потому как чуяли за спиной епископа непонятную им силу.

Они не знали, что Берест давно уже боялся желать. Даже в церкви, стоя за спиной Святейшего, бездумно смотрел на иконы.

Он старался не вспоминать, как два десятка лет назад трясся в карете по разбитым дорогам. Монастырь святого Лепия был позади. Впереди – Ладея. А пока Берест цеплялся за сиденье, обмирая от страха, когда нечаянно толкал наставника в бок. Стыли ноги, немела спина. Он забивался в угол, зажмурился и представлял себя в белой рясе, расшитой золотом. Епископы склоняются перед ним. Люд выкликают его имя. Короли шлют свитки со словами восхищения. Он, Святейший Берест, в смутные, тяжёлые годы сохранил Ладею и преумножил её славу.

Он не думал тогда, что за несчастья придут в Святую колыбель. Он просто видел – вместо чёрных полей с редкой стернёй, облетевших деревьев, хмурого неба, затянутого сизыми тучами, – усыпанный цветами монастырский двор под летним солнцем, счастливые девичьи лица и тонкие руки, протянутые к нему. Слышал колокольный звон...

Кто бы на его месте не смел мечтать?!

Колокола звонили.

Ушел хронист, напуганный собственной дерзостью. Снег за окном стал гуще, и закрыл из виду пустынный монастырский двор.

Если мечты исполняются, значит, он сохранит Ладею?

Берест дёрнул шнурок, упала штора, закрывая от него снег.

Что для Всевышнего – город? Стены или его люди? Сохранить – отдать королю Двареку? Или держать порт закрытым, во избежание искусства?

Берест тяжело опустился в кресло.

Голод – это достаточная напасть, или ждут ещё большие горести, чтобы больше была слава Святейшего?

Несчастливая Ладея, ставшая мечтой. Святая колыбель.

Берест размашисто перекрестился и повернулся к образам.

– Об одном прошу...

И замер, боясь произнести своё желание.

Сергей ТАРАКАНОВ (г. Новокузнецк)

**ЦЕНА ДУШИ,
или Самоискушение гражданина Антонова**

*Своим дорогим коллегам
посвящает автор*

Юрий Сергеевич Антонов, преподаватель литературы одного провинциального вуза, поднялся к кафедре, привычным жестом поправил очки и начал лекцию о Достоевском. За последние годы огромный и неуклюжий корабль государства развернулся, наконец, на 180 градусов, утопив на повороте многих преподавателей, в основном обществоведов. Утлая лодочка Юрия Сергеевича удержалась на плаву. Русские классики 19-го века, ранее все как один атеисты и революционные демократы, разом, как по взмаху волшебной палочки, стали церковными христианами и монархистами, в крайнем случае – демократами либеральными. Вот и сейчас, вяло пережёвывая сюжет «Преступления и наказания», Юрий Сергеевич остановился на близости Достоевского к Русскому Императорскому Дому (всё с большой буквы), используя недавно прочитанную книгу Игоря Волгина. Надо отдать должное Юрию Сергеевичу – читал от много и с удовольствием, в отличие от своей аудитории, к этому устаревшему занятию не склонной. Девушки навострили ушки: близость к императорскому дому приятна любому русскому, будь он трижды демократ... Тут лектор вдохновился и, используя дневники писателя, обрушился на гнилой Запад за его рационализм, бездуховность и стремление к комфорту и наслаждениям. Ругать Запад с недавних пор было признаком хорошего тона среди

гуманитарной интеллигенции, особенно после соответствующей дозы алкоголя. Аудитория заскучала. Студентки филфака, ласково прозванные в городе литпутаночки – за красоту и склонность к свободной любви, о запахе Запада были другого мнения и явно предпочитали комфорт и наслаждения. Затем Юрий Сергеевич провёл параллель между Фаустом, продавшим душу дьяволу и, тем не менее, не попавшим в ад за свои грехи, и Раскольниковым, искупающим добровольно одно преступление. Ещё раз обругав Запад за снисходительное отношение к греху, он закончил лекцию, попрощался и отправился домой.

По дороге домой доцент задумался. Он, как и многие другие, легко сменил вероисповедание, в чём были свои плюсы и минусы. С одной стороны, на партсобрании все сидели, а в церкви приходилось стоять. Кроме того, будучи человеком полусвободной профессии, он любил поспать по воскресеньям, а служба начиналась рано. Но были и плюсы. Уже не ловил за пуговицу секретарь парторганизации с вопросом: «Почему ты не был на последнем собрании», а сзади какой-нибудь остряк добавлял: «А он не знал, что оно последнее»... Умный молодой батюшка охотно привечал «новых русских», искупавших деньгами свои многочисленные грехи, благосклонно относился к интеллигенции, с которой можно поговорить на умные темы. От сомнительных посетителей он умело избавлялся, показывая в краткой беседе их моральную неготовность принять святое крещение. После краткого разговора будущий христианин уходил очищать свою душу и обычно больше не показывался. Других разгоняла «старая гвардия» – храмовые старушки, которые то и дело обрушивались с негодованием то на девицу в брюках, то на женщину без платка. Словом, в церкви стояла тишь и гладь, и даже немного благодати, ходил же новообращённый на службу, как раньше на партсобрание – один раз в два месяца, с удовольствием ощущая себя православным. Но всё-таки – сколько стоит бессмертная душа и почему его до сих пор никто не искушал? Юрий Сергеевич вспомнил Флобера – как искушали его немного тёзку – святого Антония. А его почему нет? Даже обидно. Кто он такой? Очки, лысина, брюшко, букет традиционных болезней. А в каких ярких, интересных грехах можно прожить оставшуюся жизнь! «Огненные грёзы Люцифера, там блуждают стройные блудницы», – вспомнились строчки любимого Гумилёва. Надо сказать, что от уличных блудниц при одном их виде Юрий Сергеевич спасался бегством, телевизионные вызывали только скуку и омерзение, но о них хорошо мечталось, особенно на рассвете. Идея продать свою душу нравилась ему всё больше и больше, вероятно, сидевший на левом плече чёртик её всё время повторял.

Придя домой и пообедав в одиночестве (жена Юрия Сергеевича была в доме отдыха, дети выросли и разъехались), он сел за стол и принялся составлять условия продажи своей души. Будучи человеком не жадным, он легко остановился на сумме в миллион евро. Далее коттедж в

Петербурге и вилла на Канарах. Как носитель великой русской духовности, он отказался от Парижа и других порочных столиц, но косточки грешные можно и погреть... Из средств передвижения – мерседес-бенц. Вечная молодость? Как умный человек, он понимал, что никакого бессмертия ему никто не предложит, но вторая молодость лет на двадцать – двадцать пять тоже очень хорошо. Напоследок Юрий Сергеевич занялся составлением себе гарема. Последнее оказалось необычайно увлекательным занятием, и наш герой долго обдумывал национальность и качества нужных ему красавиц, даже напевая что-то пошлое, вроде «моя мулатка почти как шоколадка»...

Составив список, он оделся и отправился по книжным магазинам, благо литература по магии чёрной, серой и белой наличествовала в избытке. Купив Папюса и Алистера Кроули – с обложки книги последнего глянуло явно бесовское лицо, – он пошел домой. По дороге зашёл на факультет и взял в одной аудитории кусочек мела. Без пяти двенадцать он надел чёрный костюм, сунул в карман флакон с одеколоном и встал посередине комнаты. Помня Вия, он обвёл мелом вокруг себя черту, а потом начертил ещё две. Затем, развернув книгу, стал читать зловещие слова, которые мы повторять не будем. Сейчас закружится туман, сверкнут молнии и появится вызываемая фигура. Но, увы, ничего не произошло.

«Бог любит троицу», – вспомнил он друга-приятеля с кафедры философии, наливавшего так обычно третью стопку. Может, и чёрт тоже троицу любит, решил он, намереваясь завтра ночью повторить обряд. Но повторять не пришлось... На другой день после обеда Юрий Сергеевич запаковался в плед, намереваясь сладко подремать, как вдруг загорелся экран выключенного телевизора и на нём показалась симпатичная чертовка. Одета она была официально и строго: белая рубашка, чёрный галстук. На хвосте большой красный бант.

– Анжелика Асмодеева, – представилась она. – Русский отдел Адской канцелярии. Мы получили Ваше обращение, позвольте узнать цель вызова?

– Э, э, – замычал растерявшийся доцент. Анжелика пришла ему на помощь.

– Вероятно, речь идет о продаже Вашей бессмертной души, – улыбнулась чертовка. Доцент молча кивнул.

– Отдел по покупке душ работает с 9 до 19 часов, – продолжала она. – Суббота до 15 часов, воскресенье – выходной. Когда Вам удобно?

– Чем раньше, тем лучше, – выдавил, наконец, из себя Юрий Сергеевич. Анжелика застучала крашеными ногтями по стоящему слева от нее компьютеру:

– Ждите сегодня в 18 часов, – отметила Анжелика у себя на экране и попрощалась. Экран погас.

Без десяти шесть Юрий Сергеевич снова нарисовал три круга и стал ждать, посматривая, впрочем, на дверь. Но на этот раз всё произошло согласно классической литературе. Ровно в шесть часов левый угол комнаты задымился, и там образовался огромный, метра два, чёрт, весь заросший дикой шерстью. В левой лапе он держал большой жёлтый портфель.

– Федор Богданов, полевой агент по покупке душ, – представился он, перешагнув сразу три круга.

Осторожно пожимая мохнатую лапу, Юрий Сергеевич невольно хохотнул при этом дважды «богом данным» чёртом.

– Имя и сущность не связаны между собой, – сухо заметил Фёдор, видимо, поняв причину неуместного смеха. – Это ещё Аристотель показал в своих «Категориях».

– А вот Платон в «Кратиле»... – начал было доцент, слышавший на факультете философом, но представитель ада явно не был склонен к дискуссии.

– У нас бывает мода на божественные имена, – коротко пояснил он.

– Вы подтверждаете своё желание продать свою бессмертную душу? – спросил он.

– Подтверждаю, – с невольной дрожью подтвердил продавец.

– Снимите тогда, пожалуйста, пиджак и рубашку, – попросил чёрт и, раскрыв портфель, вытащил из него лакированный футляр, на котором иероглифами и по-русски было написано: «Измеритель душ портативный. Изготовлено в Диюе».

– Черти китайские делают, – с уважением отметил Фёдор. – Работы у них мало, вот и занимаются изобретательством.

Он вытащил из футляра трубку, похожую на стетоскоп, протёр её фланелью и стал внимательно выслушивать сердце клиента.

– А я думал, что душа в районе горла, – удивился Юрий Сергеевич и вывел этимологическую цепочку: – Дух – душа – дышать.

– В сердце, – отрывисто пояснил чёрт, занятый своим делом. – Что ж, – закончил он, – средний грешник. Душа подлежит покупке. Обговариваем условия?

Юрий Сергеевич с готовностью достал свой листок, Фёдор извлек из портфеля папку с тиснением: «Прейскурант душ».

– Деньги – один миллион евро, – бодро произнес продавец.

– Три тысячи рублей, – глянул в свою тетрадь покупатель.

Юрий Сергеевич задохнулся. Он считал и, признаемся, вполне справедливо, себя праведником, а души праведников стоят очень дорого. Посудите сами. Взятки он брал только «борзыми щенками» – коньяк, конфеты, книги, особенно их не вымогая. От вступительных экзаменов – золотая жила в быстро дичающей стране – отказывался, больше цена душевное спокойствие. «Если у человека чего-то нет, то это ему и не нужно», – любил он повторять слова апостола Павла. Коллеги с

апостолом были не согласны, им было, выражаясь словами забытой комсомольской песни, «всегда по-хорошему мало», но неучастием Юрия Сергеевича были очень довольны. Жене не изменял. Пил часто, но напивался редко. И ещё один раз в два месяца бывал в церкви! Ну конечно, праведник ...

– Но почему так мало? – жалобно начал он.

– Рыночные отношения, – равнодушно развёл лапами чёрт. – Предложения превышают спрос. В прошлом месяце давали четыре...

– Но ведь бессмертная душа, – снова начал Юрий Сергеевич, – адские муки...

– Адские муки... Адские муки... – с горечью повторил чёрт. – Отдел снабжения объявил себя акционерным обществом, сразу исчезли запасы нефти и каменного угля. Бурым углем не можем протопить котлы, грешники жалуются на адский холод. Почти вся смола уходит в американский сектор. Часть чертей бастует. Часть ушла ко всем ангелам (Федя явно выругался). Либералы утверждают, что подвергаться мукам – свободное волеизъявление грешника, старочерты настаивают, что это его обязанность. Единство прав и обязанностей, – усмехнулся он.

– Адские врата сломал ещё Христос, и починить нам их не дали! Легион бесов охраны коррумпирован, грешникам из новых русских открыто поставляют алкоголь и наркотики. На днях за миллиард долларов вернули на Землю олигарха, некоего Рабиновича. Вскрыли могилу, врачи констатировали летаргический сон. Правящая семёрка впала в старческую доброту. Недавно группа патриотов обратилась в Небесную Канцелярию с просьбой поставить во главе Ада архангела Михаила. Надеемся на положительный ответ. А то не ад, а Бог знает что... Адские муки, – снова повторил он. Похоже, что у него наболело на душе...

Да, – мелькнуло в голове доцента, – кажется, что Перестройка добралась и до ада.

– Мелкие души вообще не принимаем, – пооткровенничал Федя.

В Рай идут, – догадался носитель средней души.

– В Рай их тоже не пускают. Мечи у архангелов заменили на метлы, гонят ими мелочь. Ну чисто дворники московские, только бляхи не хватает, – усмехнулся он.

– Куда же их?

– Кого как, – неопределенно пожал плечами Фёдор. – За однополую любовь вселяем в серых гусей, они это занятие любят. Но в основном во вредных насекомых. В последнее время больше в колорадского жука... Видели, что на полях делается? Учтите, – искренне посоветовал он, – после Нового года будет новый душевой кадастр. Ваша душа пойдёт как мелкая. Что же вы, гражданин, – упрекнул он, – столько лет прожили, а нагрешить по-человечески не сумели? Так, одни взятки...

– Какие взятки, – удивился Юрий Сергеевич и вдруг густо покраснел.

– Убитая газетой муха мученицей не считается, – ни к селу ни к городу вдруг добавил чёрт. Юрий Сергеевич содрогнулся.

– Я согласен, – сдавленным голосом произнёс он.

Пошли дальше по списку.

– Коттедж в Петербурге и вилла на Канарах.

– Улучшение жилищных условий на 10-15 метров.

– Мерседес-бенц.

– Велосипед отечественного производства. Да и для здоровья полезнее, – извиняющимся тоном добавил Федя.

– Вечная (вторая) молодость

– Излечение геморроя, простатита, люмбаго, – монотонно перечислил чёрт по своей тетради, слегка запнувшись, впрочем, на последнем слове. – Магическим путем, – поспешно добавил он, видя унылое лицо клиента.

Юрий Сергеевич успокоился: врачей он боялся с детства и визит в больницу расценивал как трагедию, не говоря уже об операции. Сошлись на геморрое.

Говорить далее о гареме было как-то неловко, где и как его содержать, поэтому продавец души зачитал своё условие, как сейчас говорят, на автомате, но чёрт – мужчина и хороший психолог по профессии – только сочувственно кивнул и снова полез в свою тетрадь.

– Три варианта на выбор клиента: бесплатное посещение публичного дома (7 дней), курортный роман (21 день), новая жена.

– Студентка? – вскинулся, как драгунский конь, Юрий Сергеевич.

– Вдова сорока – сорока пяти годов, – уточнил Федя. Глаза доцента погасли, он выбрал курортный роман.

– Ну что, подписываем договор? – чёрт вынул из портфеля стандартный бланк и стал его заполнять. «Продается (покупается) бессмертная душа: земные блага на адские муки. Вечные. Примечание первое: до Страшного Суда, последующее прощение гарантируется Небесной Канцелярией. Примечание второе: на Пасху душа от мук освобождается». Дописав остальные пункты соглашения, чёрт обернулся к Юрию Сергеевичу:

– Подписываем?

Юрий Сергеевич достал из кармана одеколон.

– Это ещё зачем? – изумился Фёдор. Доцент смутился:

– Ну, как же, дезинфекция, подписывают кровью...

– Суеверие, – проворчал чёрт, протягивая шариковую ручку.

Чернила, впрочем, были красного цвета... Обе высокие договаривающиеся стороны подписались. Затем представитель нечистой силы вытащил из портфеля и отсчитал три тысячи рублей:

– Расписки не надо.

Потом извлек оттуда чёрную засушенную руку со скрюченными пальцами.

– Что это? – со страхом уставился доцент на этот жуткий артефакт.

– Рука гаитянского колдуна, казнённого инквизицией, – охотно пояснил Федя. – Рука прошла клинические испытания, – заверил он. – Лечит путем приложения к нужному месту.

Когда Юрий Сергеевич застегивал брюки, его лицо сияло – он любил свой маленький, отделанный кафелем кабинетик, часами там читая и медитируя...

– Остальное получите в ближайшие три месяца, – уведомил чёрт и, чувствуя торжественность момента, объявил:

– Поздравляю с продажей. Ад ждет Вас!

Юрий Сергеевич вытянул руки по швам. Партнеры ещё раз пожали друг другу руки, и Федя исчез в левом углу.

Зазвонил телефон. В трубке защебетал голосок Серафимы Павловны, страшной, как германская война, старой девы с кафедры русского языка.

– Я только что из профкома. Решено дать Вам квартиру с большей площадью, правда, в Ново-Ермаковке. И, самое главное, – голосок поднялся на октаву выше, – нам выделили две путевки в Белокуруху. Едем на той неделе.

Да, похоже, курортный роман уже начинается...

Надежда КАРПОВА (г. Новокузнецк)

**А всё-таки они сбываются,
или Служба исполнения желаний**

– Ну, сейчас я вам... Да, вот так! Получите! Ещё немного. А ты куда? Не уйдёшь! Сейчас засвечу фэйрболлом¹... Попала! Выходите... вот удобное место. А теперь польём вас метеоритным дождичком... Ура! Я победила!.. Чёрт, а вы здесь откуда? Ну вот, опять...

– Сонька, ужин готов! – внезапный возглас ворвался в разгар битвы, разрушив очарование магических заклинаний, наслаждение от победы и ощущение собственной силы.

Я аж подпрыгнула, с трудом возвращаясь в реальный мир, и оглянулась на дверь:

– Блин, мама! Умеешь же ты всё испортить! И не называй меня Сонькой – сколько раз говорила! Дурацкое имя.

– А ты заканчивай жить в выдуманных мирах. Сколько можно в игрушки играть? Вроде не маленькая уже – шестнадцать исполнилось. У нормальных девочек в этом возрасте мальчики и свидания на уме, а у тебя один компьютер. Имя, кстати нормальное.

¹ **Фэйрбол** (от англ. fireboll) – огненный шар, одно из самых распространенных заклинаний в ролевых компьютерных играх.

– Да ну... скука смертная. С мальчиками поговорить не о чем, и они либо дразнятся, либо сразу лезут целоваться. То ли дело магия... И Сонеали Великая всяко лучше звучит.

– И со многими парнями ты встречалась, чтобы говорить за всех? Сонеали? Ну и вкусы у тебя!

– Да они и не смотрят в мою сторону... – я смущённо отвела взгляд. – Всё равно я не привлекательная, так зачем время тратить?

– И что ты вбила себе в голову? Привлекательностью тебя природа не обделила! Если б ты только умела её подчеркивать и разговаривать по-человечески – от поклонников отбою бы не было! Для начала оденься как девочка! А не как недоразумение неопределённого пола... Одежда в стиле унисекс – удобна, но совсем тебя не красит.

– Да ну...

– Ты даже попробовать не хочешь, а ещё жалуешься, что не привлекательна. А что ты сделала, для того чтобы стать таковой?

Я молчала – возразить-то нечего! Тут звук в наушниках привлёк моё внимание, и я резко развернулась к монитору.

– Чёрт! Убили! Моя несравненная, прекрасная, непобедимая колдунья сорок третьего уровня! А я не сохранилась! У-у-у... – я в отчаянии уронила голову на клавиатуру.

– Возвращайся в реальный мир. Пошли ужинать, – снова напомнила мама, выходя за дверь.

– Ну да, возвращайся... А зачем? – пробормотала я, не поднимая голову. Снова невольно вспомнилось событие, после которого я перестала носить юбки...

...Полгода назад в наш класс перевёлся Алекс. Вообще-то Александр, но Сашкой ни у кого язык не повернулся его назвать. Настолько он был красивый, стильный, обаятельный и... и... просто сногсшибательный! Все девчонки класса сразу воспылали к нему любовью, и настолько же возненавидели конкурента парни. Не избежала влюблённости в него и я. Усугубляло ситуацию и то, что он оказался не бабником, и амурсы направо и налево не крутил. Поэтому влюблённость девчонок быстро превратилась в восторженное обожание. Алекс сам не заметил, как обзавёлся толпой фанаток, словно звезда какая. Самые активные не оставляли попыток его завоевать, и стать единственной девушкой такого идеального парня. Остальные вздыхали, провожая влюблёнными взглядами, но тоже были б не против, если б сей принц обратил на них благосклонный взор. Я как раз колебалась, к какой из групп примкнуть, когда и случилось то событие.

А надо заметить, в нашей школе очень опасно быть слабаком. Так уж повелось, что группка старшеклассников, избирая самых слабых жертвами, превращает их жизнь в ад. Нет, они никого не бьют и не пытаются, поэтому жаловаться бесполезно. Психологический прессинг ведь не докажешь. Слово против слова – ещё неизвестно, кому поверят.

Внешне всё чинно и благопристойно. Самое паршивое, что закончившие школу садисты уходили, а новые всё добавлялись, и это никогда не прекращалось. Наблюдая эту картину с первого класса, я решила, что не буду слабой.

Пыталась заниматься единоборствами, но это закончилось плачевно: по собственной дурости сломала ногу. Сама виновата: пыталась перескочить этапы обучения, хотела всего и сразу. Потом, конечно, восстановилась, но страх боли преодолеть не смогла – он укоренился где-то глубоко внутри. Поэтому занятия бросила. С тех пор старалась просто не показывать свою слабость – никому, никогда. И до сих пор благополучно избегала нежелательного внимания этих садюг. Кто ж знал, что с появлением Алекса это выйдет мне боком.

В тот день Элизабет (как она себя помпезно называет, вместо привычного Лизка) в очередной раз перешла в наступление. Я, конечно, тоже своё имя не люблю, но на этой почве мы с ней подружками не стали. Потому что эта крашенная блондинка сделала английский вариант своего имени брендом – как же! Английских королев так звали! – и стала заносчивой и высокомерной. Она носила миниюбки, топы с глубоким декольте и туфли на каблуках. К тому же давно красилась, и на этом основании считала себя первой красоткой в школе. Естественно, с появлением нашего красавчика решила, что только она ему идеально подходит – ведь они великолепно смотрятся вместе. Я бы с этим поспорила. По мне, она больше похожа на девушку облегчённого поведения рядом с воспитанным джентльменом. Но вслух никогда об этом не говорила – я себе не враг! Иметь эту стерву во врагах ещё опасней, чем тех садюг. Всем, кто ей дорогу перешёл, она умеет замечательно портить жизнь!

В общем, она в очередной раз начала осаду крепости по имени Алекс. Он мало на это внимания обращал, уворачиваясь от её маневров. Лизка злилась всё больше, а выместить оказалось не на ком. И она спускала пары, кура в туалете. Тут я и попробовала заговорить с нашим принцем. Мы немного поболтали, Алекс даже улыбнулся. А потом вернулась Элизабет и, застав такую сцену, окончательно рассвирепела. Звонок на урок спас меня, но на следующей перемене она подстерегла меня на лестнице и незаметно подставила подножку – я только и успела увидеть её злорадную улыбочку, как навернулась со ступенек. Ноги не переломала чудом, но сильно ушибла копчик и плечо, в первый момент аж дух перехватило. Проморгавшись, увидела идущего ко мне Алекса, а за его спиной в коридоре наших школьных кошмаров в полном составе. Меня тут же обуял ужас. Я столько этого избегала – и так вляпалась! Если я покажу свою слабость, весёлая школьная жизнь мне обеспечена! Поэтому когда Алекс предложил помощь, я не нашла ничего лучше, чем грубо оттолкнуть его, заявив, что не слабачка и сама справлюсь. И гордо похромала прочь по коридору. Никогда не забуду его взгляд в тот

момент: как взволнованный и внимательный превратился в холодный и отчуждённый. Шла с трудом – от боли в нижней части позвоночника стреляло в ноги, и они подламывались – но в груди болело сильнее. Даже такая идиотка, как я, ясно поняла, что больше мне ничего не светит...

... Сердце защемило, всё ещё невыносимо вспоминать об этом.

– Чёрт, как мне всё это надоело! Хочу стать великой колдуньей, чтобы размазать по стенке всех, кто мне портит жизнь!

– **Ты действительно хочешь именно этого?**

– Конечно! С каким наслаждением я поджарила бы файрболем тех сволочей! И эту стерву-Лизку тоже!

– **Служба волшебной помощи исполнит твоё желание.**

– Хорошо бы... – тут до меня дошло, что я разговариваю с незнакомым тоненьким голоском, и я вскинула голову. Это что ещё за глюк? На верху монитора расположилась, закинув ногу на ногу, маленькая феечка. Только не в полупрозрачном коротком платьишке, как в легендах, книгах и играх, а в обтягивающем комбинезоне стального цвета и в чёрных сапогах на шпильках. Смотрелось это сногшибательно, особенно с её фигурой, но размером этот глюк был с мою ладонь.

– Ты кто? – ну да, ничего глупее спросить не могла!

– **Электронная фея.**

– Какая-какая? – тупо переспросила я и истерически захихикала.

– **И ничего смешного тут нет!** – обиделась та. – **Мы же не виноваты, что люди перестали в нас верить! Надо было как-то выживать – пришлось приспосабливаться.**

– А в электронных, можно подумать, верят! – фыркнула я, всё ещё хихикая.

– Ты же веришь в то, что видишь в мониторе? Когда играешь? Здесь то же самое. Мы изначально не имели материального тела, так какая разница, какую форму принимает энергия?

Мне резко стало не смешно. Конечно, иногда я заигрывалась и мир по ту сторону экрана начинал казаться реальным. Но откуда эта фея знает?..

– **Желание загадывать будешь или я пошла?**

– Какое.

– **Любое.**

– Абсолютно?

– **Да.**

– А если я захочу власти над миром?

– **А ты хочешь?**

– Нет.

– **Тогда о чём речь?**

– Но вы-то об этом знать не могли!

– **Почему? Наша служба всё знает. И всем желания исполнить не предлагает.**

– Выбираете тех, чьи желания безопасны?

– **Конечно!**

– Тогда к чему эти вопросы? Выполняли бы – и всё!

– **Потому что в душе людей эти желания видны очень сумбурно, общими образами. А мы выполняем желания буквально. Поэтому сформулировать ты должна сама. Нам нужна конкретика. Хорошо подумай. Что пожелаешь, то и получишь.**

– А что тут думать? Хочу стать Великой Волшебницей Сонеали, чтобы во всём мире мне не было равных, и все меня боялись!

Под укоризненным взглядом феи я почувствовала себя законченной идиоткой.

– **Желание зафиксировано. Исполняю.** – При этих словах в глазах феи мелькнула такая жалость, что я сразу поняла: без подвоха не обойдётся. Кажется, действительно сглупила, поторопившись.

Дальше ничего не помню...

А куда делась моя комната? И что это за райский уголок?

Очнулась в незнакомом месте. Вокруг расстилалась лёгкая холмистая местность с редкими перелесками. Необыкновенно яркая зелёная трава навевала ощущение нереальности. Я уже не помню, когда в городе видела зелёную траву. Разве что, когда прорастает весной – и то недолго. Потом всё становится уныло-серым, припорошенным пылью и сажей от выхлопных газов. Ощущение – словно попала в мир иной. И ещё больше его усугубляет яркий солнечный свет, льющийся с безмятежно-голубого неба. Всё вокруг какое-то светлое и радостное. Стало неудобно. Во что я вляпалась?

Попробовала подняться и снова свалилась, запутавшись в полосах ткани.

– Что за... Вот блин!

Кое-как распутав мешающие тряпки, встала и с изумлением оглядела себя. Это что за бред пьяного дизайнера на мне? Кожаный чёрный лифчик (иначе не назовёшь!), расшитый блестящими нитками и камушками разных размеров. Драгоценными? По крайней мере, на солнышке блестят. От лифчика вниз спускается узорчатый орнамент из чего-то вроде тонкой проволоки: по ощущениям как резина, а гнётся с трудом – не хуже корсета! Только в кожу впиается – бр-р! Ниже коротенькие синие шортики, тоже с вышивкой и плетёным поясом, а из-под пояса спускаются четыре широкие жёлтые полосы ткани до лодыжек: по две спереди и сзади. Что-то вроде юбки с четырьмя разрезами до талии. В общем, не пойми что! На ногах – красные сапоги до колен. Завершала образ зелёная накидка, пристёгнутая к ляжкам лифчика брошками. Цветовая гамма тоже вгоняла в ступор! Я на попугая похожа! Найду, кто меня в этот ужас вырядил, – придушу!

Тут оглушающее чувство дежа вю окончательно выбило меня из колеи. Я поняла, почему мне так знаком этот наряд. Точно такой же у

моей колдуньи Сонеали в игре. И я сама её одевала, когда генерила² персонажа. На экране это смотрелось ярко и красиво, в реальности же оказался дикий ужас! Это что же, я оказалась в игре в роли своей героини? Ну, электронная фея, только попадись ты мне! Я начала её мысленно душить, но вспомнила её печальный взгляд напоследок, и сразу сдулась. Сама виновата, никто ведь не торопил – незачем было желать первое, что в голову взбрело. Вот и получила. Ладно, попробуем найти положительные моменты. Я ведь загадала стать Великой Волшебницей? Значит, могу колдовать? Здорово! Сейчас попробуем...

Ну и дура! Первым делом, не задумываясь, швырнула фэйрбол. Ничего лучше не придумала, идиотка! И ладно бы подальше запустила, а то в ближайший холм. Холму-то ничего – ну, подумаешь, выжженное пятно осталось! – а меня волной горячего воздуха отшвырнуло назад, чувствительно припечатав об землю. Хорошо огнём не достало, но и без того дух вышибло знатно. Я далеко не сразу в себя пришла. С трудом поднялась. Пошатывает, и ноги дрожат. Теперь я знаю, почему фэйрбол – заклинание дальнего боя! На экране монитора это смотрелось не страшно: ну подумаешь, запустила огненный шарик в ближних врагов – только жизни слегка покоцались³. Полечилась – дальше пошла. Что я в игре частенько и делала. На собственной же шкуре ощущения те ещё – повторять не хочется! Сердце до сих пор колотится.

Немного успокоившись, принялась снова экспериментировать. Только теперь начала с простых заклинаний, и соблюдая осторожность. По мере того, как получались всё более сложные и мощные – меня охватывала всё большая эйфория. Обалдеть! Это то, о чём я всегда мечтала! Ощущение магии: словно бежит по венам, будоража кровь. Всё, что я хочу, получается почти без усилий. Стихийные творения расцветают в моих руках: светлячок, ледяная стрела, молния, огненный меч, ледяное копьё, огненное облако, ледяная буря, метеоритный дождь... Упс! Увлёкшись, я опять забыла про осторожность, применив последнее заклинание слишком близко. Когда меня чуть не пришиб метеорит, взрыв землю у самых моих ног, меня словно ледяной водой окатило. Мгновенный страх отрезвил от опьянения всемогуществом. В панике уворачиваясь от падавших с неба осколков, я обнаружила, что и летать умею, но

²**Генерить** – игровой сленг, от слова генерировать – создавать. Здесь используется в значении генерировать персонажа: выбирать навыки, характеристики, умения, комплектацию, одежду; цвет волос, глаз, кожи и прочее. При достаточно большом наборе параметров можно создать своё полное альтер эго, либо идеального героя по своему вкусу.

³**Жизни покоцались, покоцанные жизни** – игровой сленг, означает повреждение шкалы жизни. Чаще всего визуально обозначается красной полоской, при получении ран полоска укорачивается. Когда сойдет на нет – персонаж умирает.

выбравшись из опасной зоны, радости по этому поводу уже не испытывала. Дрожа от пережитого ужаса, обессилено рухнула на землю. Всё, хватит экспериментов! А то я так поседею.

Отдышавшись, села и огляделась. Ничего себе развлеклась! От прежнего райского уголка не осталось и следа, местность представляла плачевное зрелище. Взрытая и развороченная земля, усыпанная скальными обломками. Везде пятна гари. Кое-где почва спеклась до стеклянистой корки. Местами снежные наносы. Деревья и кустарники выворочены и разломаны, некоторые скрыты льдом, другие догорают, пятная голубое небо чёрным дымом. Прямо пейзаж постапокалипсиса. И всё это я одна? Чёрт, даже стыдно стало.

От сдавленного всхлипа за спиной я аж подскочила! Резко развернулась, создавая огненный хлыст (всяко безопасней фэйрбола будет – хотя это тоже, смотря как пользоваться). И тут же развеяла его. Девчонка-подросток на вершине холма опасной не выглядела. Миленькая, белокурая, одета просто, но опрятно. Больше с такого расстояния не разглядишь. Однако ужас на её лице видно невооружённым взглядом. Как много из моих дурацких выкрутасов она видела?

– Привет, – я неловко улыбнулась. – Тебя как зовут? Не подскажешь, где здесь поблизости люди живут?

– Влады... Владычица! – первоначально тихий сип девчонки сорвался на панический вопль, она развернулась и припустила прочь.

– Эй, погоди! – я хотела было рвануть за ней, но передумала. Так я только ещё больше её напугаю, а толку не будет. Если предположить, что она помчалась домой, то деревня или город в той стороне. Направление я запомнила, потом найду. В конце концов, человеческое поселение не иголка в стоге сена, а местность почти открытая – невысокие холмы и редкие перелески не в счёт. Только показываться людям в таком виде не хочется. Этот образчик дурного вкуса (я про наряд, если кто не понял) вряд ли поспособствует налаживанию отношений с аборигенами.

Снова оглядела себя: и что я с этим ужасом могу сделать? Переделывать фасон не рискну. А вдруг не получится? Переодеть-то нечего в случае неудачи. Нет, пока запасной одеждой не разживусь, экспериментировать не стоит. Остается сменить цвет. Ладно, попробую...

После нескольких комбинаций результат мне понравился. Да, так гораздо лучше. Шорты теперь стали одного цвета с лифчиком – чёрные. Пародию на юбку оставила жёлтой, а сапоги и накидку сделала светло-коричневые, теплого каштанового оттенка. Неброско, неярко и не режет глаз. И сам наряд перестал казаться совсем уж диким, хотя удобней от этого не стал. И почему создатели игр вечно обряжают женских персонажей в причудливые бикини? В реальности носить такое совсем неудобно. Но за неимением ничего другого – потерпим. Ладно, пора искать людей.

Куда там припустила эта трусиха? Ага, кажется, в ту сторону...

А поселок-то не трудно найти оказалось. За вторым холмом уже показались признаки человеческого жилья. Через час я добралась до первых домов. Но вокруг как-то подозрительно пусто. Почему? А это что ещё за шум впереди? Что ж, поглядим.

На главной площади (хотя можно ли назвать так свободный пятачок в центре посёлка?) царят невообразимый шум и гам. Здесь что, все жители собрались? Горячо спорят, руками машут. Гул такой, что с трудом выделяю отдельные фразы:

– ...Владычица в нашей глуши?...

– Я не буду никому служить!

– ...покарает нас...

– Давайте сначала...

– ...отнестись с почтением...

– Простите, что прерываю, но что здесь происходит? – мой вопрос произвёл эффект разорвавшейся бомбы. Наступила гробовая тишина. Вся толпа развернулась ко мне и угрюмо смотрит. Что-то неуютно мне. И зачем я влезла?

– Владычица... – прошептала давешняя девочка со страхом.

– Вот ещё! – возмутился какой-то парень. – Где мы, и где Владыки? Что им до нас? В нашу глушь никто из них не забредал. Самозванка какая-нибудь. Сейчас я докажу... – и он танком попёр на меня.

– Эй, эй! Притормози! Вы меня с кем-то путаете. Давайте всё выясним, как цивилизованные люди... – пытаюсь его заболтать, почти сразу поняла – бесполезно. В глазах парня горела какая-то детская обида, злость и решимость. Странное сочетание, но разумные доводы он сейчас явно слышать не способен. Я попятилась. Что же делать? Вспомнив последний неудачный опыт, я взмыла в воздух и отлетела подальше, оглянулась. Парень ошеломлённо замер. А вот теперь осознание сменилось в его глазах лютой ненавистью. Взыв раненым зверем, он рванул ко мне на всей скорости. Ой, это была плохая идея. Кажись, у него совсем крышу сорвало.

Перелетая с места на место, я пыталась лихорадочно найти выход. Улетать из деревни – не вариант. Неизвестно, где другие селения искать, и насколько они далеко. А скоро элементарно есть захочется. Засада! Что делать-то?!

Всё решил случай, и подвёл меня опять мой дурацкий наряд. В воздухе я не смотрела, куда лечу, потому что носилась выше крыш и не боялась никуда врезаться. Поэтому вертела головой, следя за этим придурком бешеным. И, как идиотка, зацепилась одной полосой ткани за позорный столб в центре площади, забыв, что он выше. Оглушительный треск разорвал тишину. Кусок ткани остался на столбе, но инерция от рывка уже направила меня вниз. Не успев сманеврировать, я рухнула на

чей-то прилавок, проломив его. Мало того, что больно приложилась, так ещё обломки досок и мелкий товар меня сверху засыпали.

Ой-ё, больно-то как!

Громкий рык совсем рядом заставил меня подскочить. Точнее я попыталась. Кусок доски соскользнул под моей рукой, и я рухнула обратно. Барахтаясь в обломках, кое-как поднялась и увидела почти вплотную своего преследователя – он уже тянул руки схватить меня. Мгновенный ужас окатил горячей волной, и я вскинула руки в жгучем желании защититься, всё равно как! В следующий момент парень застыл, замороженный в огромную глыбу льда. Оглушающая тишина ударила по ушам.

Переведя дух, я огляделась. Люди с ужасом смотрели на меня, и под моим взглядом начинали опускаться на колени и склонять голову. Через пару минут я видела только затылки и спины. И что это значит?

Вспомнилось моё желание: "...чтобы во всём мире мне не было равных, и все меня боялись!" Исполняете желания буквально, значит? Снова захотелось придушить электронную фею, но что тут поделаешь? Странно оказалось ощущать себя страшной и ужасной, но я пока не могла решить, как к этому относиться. Поживём – увидим. А сейчас надо прервать, наконец, это тягостное молчание!

– Может, поговорим уже?

– Простите недостойных, Великая, – заговорил самый солидный из мужчин. Староста? – Никто из вас давно нас не посещал, люди забыли, как подобает относиться к Владыкам. Мы исправимся, только не наказывайте нас.

– Да я и не собиралась. Я вообще за помощью пришла, а вы сразу нападаете. Негостеприимно!

– Простите нас! – мужчина вообще распластался в пыли. Мне аж неуютно стало. Ничего приятного смотреть, когда взрослый сильный мужик так унижается.

– Ладно, прощаю. Поднимайтесь уже. Все вставайте, а то неудобно с затылками разговаривать.

Люди неуверенно стали подниматься и пятились, желая сбежать по домам поскорее и не смея, пока их не отпустили.

– Приказывайте, Великая, – поклонился староста.

– Зовите меня Сонеали и представьтесь тоже, а то я не знаю, как к вам обращаться.

– Я – Гаюс, госпожа Сонеали.

– Хорошо, Гаюс. Я поживу здесь некоторое время. Со мной кое-что случилось, и мне нужно время освоиться, прийти в себя и решить, что делать дальше.

– Как прикажете, госпожа.

Недовольный ропот за спиной заставил меня обернуться. Под моим взглядом возмущения смолкли. А всё-таки неплохо иметь такую

репутацию: насколько проще стала жизнь! Один взгляд – и все желания выполняются. Здорово! Я вернулась к прерванному разговору.

– Мне нужна новая одежда. Моя по вине вашего идиота порвалась (вот и удобный повод избавиться от этого ужасного костюмчика!). Еду я могу отработать. Я многое умею.

– Не стоит беспокоиться, госпожа! – в глазах Гаюса мелькнул ужас. – Мы вас накормим и устроим, и лучшую одежду дадим! Вам не нужно напрягаться – отдыхайте!

Ничего себе! Это что же, он на всё готов, лишь бы я больше не колдовала? Интересно. А это начинает мне нравиться!

Так и повелось. Меня поселили в доме старосты в лучшей комнате (подозреваю, хозяева убрались из неё в помещение похуже). Подарили мне несколько красивых платьев. Я сразу же переоделась. Какой кайф! Ребра свободны – можно дышать полной грудью, – и корсетный узор больше не впивается в кожу. Теперь не путаюсь ногами в этих дурацких полосах ткани – обычная юбка намного удобней. Кормят вкусно. В школу ходить не надо, уроки делать тоже. Можно весь день бездельничать и развлекаться – райская жизнь!

Один минус – развлечений никаких. Книг здесь нет, телевизора и прочих благ цивилизации тем более. Магией забавляться тоже надоело. Податься поискать другие селения, что ли? А лучше город! И когда я уж совсем собралась предпринять что-нибудь, чтоб развеять эту скуку, неожиданное событие поменяло мои планы. Когда вернулась вечером с прогулки, нездоровое оживление в поселке меня удивило. Что на этот раз случилось? Подходя к центральной площади, я ещё не подозревала, что увижу.

Что это? Сон, бред, глюки? Ущипнула себя. Нет, не сплю. И вроде ещё в своем уме. Тогда как это возможно? Что Алекс делает здесь? Не помню, как оказалась рядом с ним. Дотронулась до щеки. Вокруг стало тихо. Алекс отдернул голову и настороженно посмотрел на меня. Что с тобой? Я просто хочу убедиться, что ты реален. Какие чужие глаза, смотрят на меня, как на незнакомку.

– Алекс, ты меня не узнаёшь?

– Вы меня с кем-то путаете, Владычица. Меня зовут Элиан.

– Брат... – в него вцепилась та самая девчонка, что встретила меня в этом мире. Она по-прежнему с ужасом смотрит на меня.

– Тише, Элия, – он задвигает её себе за спину и отступает ещё на шаг.

Это не Алекс. Какое разочарование. А так похож! Чувствую себя обманутой, хотя – с чего бы? Не могу больше на него смотреть: разворачиваюсь и ухожу.

Но забыть о его присутствии не могу. Я понимаю, что это не Алекс, но всё же... думаю о нём. Сама не замечаю, как начинаю следить за ним. Наверное, неуклюже, но я же Владычица – значит, не обязана в своих

действиях отчитываться. Люди странно косятся, но молчат. Объект слежки ходит напряжённый, его сестра чуть в обморок не падает от ужаса. Я что, такая страшная? Вроде не намного старше; рогов, копыт, хвоста – нет. Обнаруживаю, что могу магически усиливать слух и зрение. Радиус наблюдений увеличивается, и я перестаю шататься подозрительно близко с Элианом. Сразу узнаю много интересного.

Во время пожара несколько лет назад его родители погибли, дом сгорел. Брат с сестрой разом осиротели и остались без крова. Их приютила пожилая пара, потерявшая в этом пожаре сына с невесткой и внуков. Но если Элия восприняла эту заботу, как должное, то Элиан чувствовал себя неуютно от того, что их содержат посторонние люди. Поэтому через пару лет ушёл служить в армию. А половину жалования присылал людям, приютившим сестру, за заботу о ней.

Вот ведь... гордый, честный и такой... глупый. Сердце невольно сжалось. Решено: попробую сблизиться с ним. Ведь могу же я ему понравиться, правда?

Но решить – одно, а вот решиться... с духом я долго собиралась. Прокручивала в уме все варианты первого разговора, подготовилась к любому развитию событий, но сделать первый шаг всё равно страшно. Вот стою, как дура, смотрю на Элиана, а подойти не могу. Всё, хватит! Когда ещё выпадет удобный случай? И так долго караулила. Он один, укромную долину от посёлка закрывают холмы и лесок, вокруг никого – когда ещё так повезёт? Надо действовать! Пересиливаю себя и иду к нему.

Получается медленно. И тут увиденная картина вгоняет меня в ступор.

Из лесочка выпархивает (иного слова не подберёшь) Фиона – девушка из поселка – жизнерадостная, смешливая и очень хорошенькая. Такие вызывают нежность и умиление стариков, жгучую зависть женщин и совершенно обезоруживают мужчин. Она подлетает к Элиану, повисает у него на руке и что-то весело щебечет, то и дело стреляя глазками. Он тепло улыбается в ответ.

Нечестно! И вокруг этого девчонки вьются! Ну, нет! Сдаваться я на этот раз не собираюсь! Я – маг, и заставлю со мной считаться всяких девиц.

Решительно шагаю к ним.

– Элиан, можно тебя на минутку? – стараюсь говорить вежливо, но голос просто сочится раздражением.

Молодые люди застывают и оборачиваются. Опять эта опаска в глазах.

– А это не может подождать? Мы гуляем, – Фиона обезоруживающе улыбается.

– Гулять вы можете хоть круглые сутки, а мне нужно поговорить по делу, и прямо сейчас! – от яда в собственном голосе становится не по себе. Когда я успела стать такой злой?

– Коли так... – не привыкшая получать отказ, Фиона оглядывается на спутника и уходит.

– И о чём вы хотели поговорить? – голос Элиана безупречно вежлив, но я просто ощущаю подавленное недовольство. Ну, конечно! Такого милого общества лишили! Кобель!

А чего я так бешусь, собственно? Причины не понимаю, но остановиться не могу.

– Расскажи мне о столице и Владыках, – не в силах успокоиться ляпнула первое, что в голову пришло. – Ты видел их? В курсе последних новостей?

– А вы разве не знаете? – Элиан подозрительно нахмурился.

Вот идиотка! Ничего глупее не придумала? Придётся выкручиваться.

– Со мной кое-что случилось. Я почти ничего не помню. Хочу по возможности восстановить утерянное прежде, чем возвращаться. Не хочу в глазах остальных выглядеть слабой.

Подозрение в его глазах сразу рассеялось. Я попала в точку? Значит, среди владык царит закон джунглей: каждый сам за себя? Дальнейший рассказ Элиана это подтвердил.

Когда-то на людей со способностями были гонения – обычная охота на ведьм. Но лет пятьсот назад к власти пришли маги, они сумели объединиться и вместе уничтожить тех, кто их преследовал. Но понимая, что на место уничтоженных охотников придут новые, маги на достигнутом не остановились. Для них был единственный шанс выжить и изменить свою жизнь – получить абсолютную власть. Они полностью уничтожили королевскую семью, гвардию и всех, кто встал на пути. В процессе переворота маги сплотились во что-то вроде боевого ордена, а лидеры движения стали его Высшими Магистрами. Они и объявили себя новыми правителями. Остальные маги взяли на себя функции гвардии и стражи. Народу такие резкие перемены не понравились, и глухое недовольство то и дело выливалось в стихийные бунты, которые жестоко подавлялись. Это брожение длилось десятилетиями, и за это время маги приобрели репутацию жестоких и безжалостных церберов новой власти. Ведь от того, насколько они смогут её удержать, зависело их благополучие. Поэтому в своем рвении они не церемонились. Как итог, само упоминание магов стало вызывать ужас. В кровь следующего поколения страх вьелся с детства, и бунты со временем стихли. А Верховный Магистр стал фактическим правителем страны, деля власть с Высшим Советом, куда вошли остальные Магистры. По смерти главы преемник выбирался из их числа, обычно самый сильный и достойный. Но на этот раз явного лидера не оказалось, и Магистры передрались за власть. В ход пошли подлые приёмы, и члены Совета стали загадочным образом исчезать. Маги рангом поменьше, влезшие в эти разборки, тоже – якобы в несчастных случаях.

Видимо, Элиан принял меня за такого мага. Ну и ладно, не надо ничего объяснять. И хорошо, что я про другие города расспрашивать не начала. При таком раскладе это выглядело бы странно, а выдавать себя нежелательно. В этой глухомани, где живут такие простаки, скрыться проще. Другой маг её раскусит сразу, а стать случайной жертвой идущих сейчас разборок совсем не хочется. Лучше переждать.

Но теперь становится понятным отношение ко мне людей здесь. Для них страшнее мага пугала нет, и как только я показала свои способности, они сразу причислили меня к местной шайке. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Потому что снимает кучу проблем, но добавляет ещё больше других.

– Вы узнали всё, что хотели? – вопрос Элиана вырвал меня из задумчивости.

– Что? А, да... пока все.

– Тогда я пойду. Извините, – он обозначил намёк на поклон и, не спрашивая разрешения, удалился.

Я от неожиданности не нашлась, что сказать. Я же совсем не об этом хотела поговорить! Почему всё свелось к истории и политике? Засада! Я совершенно не умею флиртовать с парнями! Как быть? Сдаться? Ну уж нет! Попробую ещё раз...

Наи-и-ивная... Если бы я знала, во что выльются мои попытки, я бы двести раз подумала прежде, чем начинать. И каждая следующая кончалась хуже предыдущей...

– Элиан, подожди!

Он замедлил шаг, а лицо словно застыло, не отобразив и тени эмоций. Зато Элиа в ужасе прижалась к нему. Ничего, дорогая, ты мне не мешаешь – можешь и дальше молча бояться.

Я, как ни в чём не бывало, завела разговор о погоде и других пустяках. Он отвечал односложно и явно не испытывал от разговора удовольствия. Зато его почему-то испытывала я. И когда успела стать такой садисткой? Не замечала за собой! Через несколько минут такой прогулки девчонка стала запинаться на каждом шагу, потом чуть не упала. Я не обращала на это внимания, беззаботно болтая.

– Элия, иди домой, – тихонько сказал Элиан.

Она яростно помотала головой и ещё сильнее вцепилась в него. Парень уже почти умоляюще посмотрел на меня. Нет уж, дорогой! Никакая трусливая соплячка не заставит меня отказаться от своих планов! И я с самым невинным видом "не заметила" его взгляда.

Элиан помрачнел и, поколебавшись, подхватил девчонку на руки.

– Простите, Великая, но моей сестре плохо – я отведу её домой.

Не успела я и рта раскрыть, как он уже ретировался. Ничего, далеко не убежишь...

– Чудесная погода, не правда ли? – я подошла к сладкой парочке, с удовольствием наблюдая, как они испуганно шарахнулись друг от друга.
– Лето, солнце, чистый воздух, красивые пейзажи – так и гуляла бы! Только окрестностей почти не знаю. Не покажете мне самые интересные места?

Элиан застыл статуей, сидя в неудобной позе. Большеватый веночек из цветов медленно сползал ему на глаза. Второй, недоплетённый, расплзся в руках у Фионы. А как радовала растерянность в её глазах!

Ничего, переживёшь прерванное свидание. У меня вообще ни одного не было!

Переглянувшись, они молча повинувались. По напряжению, витавшему в воздухе, эта прогулка переплюнула предыдущую. Фиона натянуто улыбалась. Элиан даже не пытался делать вид, что ему нравится моё общество. И только я получала удовольствие, в основном от осознания того, что обломала им малину.

С живым интересом я расспрашивала обо всём, что видела, заставив их показать мне все окрестности. Мы бродили до вечера. И только когда они стали выглядеть совсем жалко, сжалась и отпустила страдальцев отдыхать. Фиона уже без всяких улыбок поплелась домой. Элиан, одарив меня неласковым взглядом, ушёл в другую сторону. А я, довольная, вернулась к себе.

– Почему ты не оставишь в покое моего брата?!

Я удивлённо обернулась. Эта малявка умеет быть решительной? Глазам своим не верю! Элия выглядит возбужденной, глаза лихорадочно блестят. Она не в себе? Или просто долго себя накручивала, чтобы решиться?

– Потому что он мне нравится.

– Но ты не нравишься ему!

– Это может измениться.

– Ни за что!

– Откуда тебе знать? Ты не можешь решать за брата. Не приписывай свои чувства ему. И он...

– Я знаю его!

– ...не трус, как ты.

– Я не...

– А что тогда паникуешь постоянно в моём присутствии? Я тебе ничего не сделала.

– Ты заморозила Мэтта!

– Кого? А-а... того парня. Так он сам на меня бросился, я защищалась.

– У него Владыка всю семью убил! Поэтому он так вас всех ненавидит. А тепер ещё и он...

У Элии слёзы по щекам потекли. Похоже, у девчонки накипело. Только что она судьбу того парня так близко к сердцу приняла? Неужели...

– Ты в него влюблена, что ли?

– Я... да как ты смеешь! – девчонка бросилась на меня с кулаками. Что-то она совсем невменяемая стала. Неужели я за большое задела? Да, язык мой – враг мой. Особенно в последнее время.

Я сначала просто пыталась удержать её на расстоянии, но когда она пару раз по мне больно попала, разозлилась. Поймала её за руки, пару раз больно встряхнула и зло прошипела:

– Угомонись, ненормальная! И запомни: я делаю что хочу, когда хочу и с кем хочу! И всякие психованные мне не указ! Будешь держаться от меня подальше – не пострадаешь. А начнешь мешать – пожалеешь! Ясно?

– Не смейте угрожать моей сестре! – Элиан вырвал её из моих рук и закрыл собой. Она прижалась к нему и расплакалась.

Какой взгляд! словно небо перед грозой – того и гляди, польхнёт.

– Я не...

– То, что вы Владычица, не дает вам права ломать чужие жизни!

Что? Да я и не собиралась! Почему сразу я виновата? Несправедливо!

– Не хочешь, чтобы я её трогала, перестань встречаться с Фионой и избегать меня! Тогда твоя сестра не пострадает.

– Это угроза?

– Ну что ты, всего лишь предупреждение, – не могу сдержать торжествующую улыбку.

Его взгляд становится ледяным и колючим, а потом словно гаснет, и между нами опускается стена.

– Как прикажете, Великая, – глаза пустые и больше ничего не выражают.

– Завтра с утра идем гулять к Звонкой Роще.

– Как прикажете, Великая.

– Да что ты заладил! Других слов не знаешь?!

– Что хочет услышать, Великая?

– Идиот!

Отворачиваюсь и убегаю. Теперь мне слёзы на глаза наворачиваются. Почему всё так обернулось? Кажется, я совершила непоправимую ошибку.

И очень быстро об этом пожалела. Наши встречи с Элианом превратились в изощрённое издевательство, только теперь я ощущала себя мазохистской.

– В такую погоду хорошо сидеть в тени, – я развалилась в траве на опушке, с удовольствием вдыхая душистый запах цветущего луга.

– Да, Великая.

– Садись рядом.

- Хорошо, Великая, – Элиан безучастно опустил голову.
 - К вечеру, наверно, дождь пойдёт.
 - Вам виднее, Великая.
 - А ты как думаешь?
 - Как угодно вам, Великая.
 - Да что ты заладил! У тебя своего мнения нет?!
 - Вы не позволили мне его иметь, Великая.
 - Да не хотела я! Само вырвалось!
 - Вам виднее, Великая.
 - Может, ты снова нормальным станешь, а?
 - Как вы хотите, чтобы я себя вёл, Великая?
 - Р-р-р... Как ты меня достал со своей великой! Поцелуй меня!
- Что я несу?! Язык, как помело!

Поздно. Элиан наклонился и поцеловал меня. Лучше б он этого не делал! Арктический холод и то теплее этого поцелуя! Такой же ледяной и бездушный, как поведение Элиана все последние дни.

Чувствую, что по щекам текут слёзы, и не могу остановиться. Теперь понимаю значение слов "чёрное отчаяние". Хуже просто не придумаешь...

– Убирайся и больше не приближайся, видеть тебя не хочу! – кажется, что кричу, но получается надломленный шёпот. Закрываю глаза и ковьялю прочь.

Сижу в тени раскидистого дерева и бездумно смотрю вдаль. Уже ничего не хочется. Моё желание сбылось – я маг, и все меня боятся – а толку? Это не сделало меня счастливой. Да и того ли я желала? Уже не знаю. Тоскливо.

Шорох за спиной даже не заставляет меня обернуться, и так знаю – это Фиона. Мнётся там уже давно, не решаясь подойти. Но я не оборачиваюсь – не собираюсь облегчать ей жизнь. Наконец, решается.

– Простите, Великая, можно спросить?

– Спрашивай, – любопытства в моем голосе не больше, чем вон в том камне. Уже просто всё равно.

– Что произошло между вами и Элианом? Он сам не свой: подавленный и мрачный. Да и в вас радости не видно.

– Спроси у него.

– Спрашивала. Не отвечает.

– Ну и я не скажу. Можешь забирать своего Элиана обратно и проваливать.

– Вы убедились, что насильно мил не будешь? – Фиона и не старается скрыть торжество в голосе. Совсем страх потеряла! А впрочем, какая разница? С каких пор я стала рассуждать с позиции силы? Неужто магия мне совсем разум затмила? А ведь когда-то обычной девчонкой была.

– Что во мне не так? – спрашиваю неожиданно для себя. – Я некрасивая? Глупая? Подлая? Жестокая? Почему это должна быть ты? Чем я хуже?

– С внешностью и умом всё в порядке, но последние два пункта недалеко от истины.

– И поэтому он выбрал тебя? Но я же маг! Я сильная, самостоятельная, решительная девушка.

– Именно поэтому.

– Что?

– Потому и не нравишься. Ты *слишком* сильная для него. Мужчины любят главенствовать, это заложено в их природе. А настоящая сила женщины – в её слабости. Действует безотказно.

– Как это?

– Когда поймёшь, тогда и научишься покорять мужчин, – неприкрытое самодовольство Фионы взбесило меня, вырвав из апатии.

– Считаешь себя неотразимой? Сейчас я это исправлю! – вне себя вцепляюсь ей в волосы со жгучим желанием выдрать патлы этой фифе, и хоть так отомстить. Она яростно сопротивляется. Не удержав равновесие, мы падаем в траву. Очень скоро обе становимся похожи на пугала: одежда испачкана и порвана, волосы всклокочены, открытые участки кожи в царапинах и ссадинах.

– Фурия!

Ни фигу она разозлилась! Про всю почтительность разом забыла.

– Так и останешься всю жизнь одна! Эгоистичная, властная мегера! Да кому ты такая нужна?!

В глазах потемнело: ах ты ж стерва... Жгучая ненависть бежит по венам и выливается в огненный шар на ладони. Краем сознания мелькает мысль: опять совершаю ошибку – но остановиться не могу.

– Перестань! – Элиан закрывает её собой.

Он обратился ко мне на "ты"?! Ушам своим не верю! От удивления забываю про фэйрбол и теряю над ним контроль – он взрывается между нами, раскидав нас в разные стороны.

С трудом поднимаюсь и прислоняюсь к дереву. О-ох, как в голове звенит. Переждав головокружение, оглядываю себя.

– Да-а, платье теперь только выкидывать...

– Выкидывать?! – Элиан так и взвился. – Эгоистка!

– Что теперь-то не так?!

– А ты не понимаешь? – в его глазах странная смесь удивления и разочарования. Сердце больно сжимается.

– Я не виновата! Она первая начала! Стала меня оскорблять и... – опасливое недоверие в его глазах заставляет меня заткнуться. Запоздало понимаю, что зло ору на него. Ну кто так оправдывается? Идиотка!

Тихий стон Фионы привлекает наше внимание.

– Прости, Элиан, я не думала, что так выйдет. Я пришла спросить у Владычицы, почему ты так расстроен. Она разозлилась и набросилась на меня. Я так испугалась! – и сидит при этом в жалкой позе, плечи опущены, волосы мило растрепаны, губы дрожат. Того и гляди заплачет, такой жалостливый вид.

– Теперь всё хорошо. Я не дам тебя в обиду. Не бойся! – Элиан бросается к ней и крепко обнимает. – Пойдём домой, тебе переодеться надо.

Я смотрю, как он хлопочет над ней, и в голову приходит ужасающая мысль: неужели Фиона была права? Тут она кидает на меня из-за плеча Элиана торжествующий взгляд, и я с трудом сдерживаю злость. Вот же стерва! И после этого верить ей? Нет уж! Лучше спрошу у него.

– Почему ты меня ненавидишь? Что плохого я сделала?

Элиан оборачивается и долго смотрит на меня. Не могу определить выражение его лица. Хорошо хоть, оно больше не бездушное.

– Вам по пунктам перечислить? – наконец, роняет он. – Первое: вы полностью уничтожили главное пастбище. Луг настолько разворочен, что не один год восстанавливаться будет. Это добавит жителям хлопот.

Стыдно. И возразить нечего.

– Второе: вы заморозили Мэтта. Парень и так пострадал от Владык. Не было нужды быть с ним такой жестокой. Можно было обездвигить его, вылить сверху воды, оглушить – в общем, остудить горячую голову. Прошёл бы первый запал – он бы смог держать себя в руках.

Но это случайно вышло! Я себя не контролировала! Хотя это слабое оправдание, и я молчу.

– Опустим то, что вы выжили старосту с женой из их комнаты, – они сами вызвались. Но вы позаимствовали одежду у селян.

Тут уж я не утерпела:

– Но они тоже сами предложили!

– Потому что староста приказал. И заметьте, они отдали вам не повседневную одежду, а самую лучшую, праздничную. У многих она единственная. То, что на вас сейчас, – свадебное платье Лиэны. Девушка вышивала его три года, это её единственное приданое – ведь она сирота. Вы испортили многолетний труд и с лёгкостью хотите выкинуть. А ей теперь ещё долго новое себе делать. Правду говорят: то, что дается легко, – не ценится. Значимость этого платья для вас и для бедной Лиэны несравнима. Но вы же никогда не думаете о чувствах других людей. Только ваши важны, а на остальных наплевать.

– Это не так!

– Разве? А вы хоть раз задумались о моих чувствах? Элии? Фионы? Хоть кого-нибудь здесь?

Молчу. Бьёт по больному, а не возразишь. Ведь так и есть. Неужели я законченная эгоистка?

– И наконец, вы угрожали моей сестре. Она слабая, напуганная девочка. Вместо того чтобы убедить её в беспочвенности страхов, вы запугали её ещё больше. Вольно или невольно вы нагнали страху на каждого здесь. И вели себя спокойно, словно это в порядке вещей. Значит, вам нравится всеобщий ужас и поклонение. Вы загнали меня в угол, лишив выбора. Имеете ли вы представление о том, что это такое? Когда бессилие, злость, ненависть, отчаяние, безысходность становятся единственной реальностью? Вы, правда, думаете, что в этом чёрном болоте способно родиться какое-нибудь светлое чувство?

Как паршиво! Впервые чувствую себя настолько виноватой. Я ведь и впрямь довела его до этого – и результат мне не понравился. Значит, больше никаких шансов? Так погано мне никогда ещё не было.

Сердце щемит. Прижимаю руку к груди и бреду прочь...

Мысли вертятся по кругу, сводя с ума. Виновата, виновата... Я всё не так сделала. Когда я успела превратиться в такого монстра? Сразу, как в этот мир попала? Потом, избаловавшись магией? Или всегда была такой, просто хорошо скрывала?

Остро ощущаю спиной взгляды селян. Страх, ужас, опаска и снова страх. От меня словно невидимый волнолом расходится, раздвигая толпу. Люди спешат убраться с дороги, отводят взгляд. Остро понимаю: больше никогда я не смогу ни с кем поболтать на равных, посмеяться и подурачиться, погулять. В моей жизни всегда будет только это холодное преклонение, замешанное на страхе.

Одиночество...

И так будет и завтра, и через месяц, и через год. Всегда отстранённая почтительность, ужас и больше ничего. Годами, до самой моей смерти.

Безысходность...

Никаких свиданий, походов в кино, совместного поедания мороженого в парке, первых неловких поцелуев – тех глупых мелочей, которые доставляют радость большинству девочек шестнадцати лет.

Грудь сдавило и не могу вздохнуть. Как больно...

Оседаю на землю, скрючившись. Хочу исчезнуть. Не могу больше.

– Что с вами, Великая?

С трудом фокусирую взгляд: Лиэна. Присела рядом, смотрит с искренней тревогой. Откуда в тебе столько великодушия? После того, как...

– Прости... за платье... – горло сдавило, получается только слабый хрип.

– Ничего. Это только вещь. Вам плохо? Чем я могу помочь?

Мой смешок больше похож на рыдающий всхлип. Вот дурочка! Почему же у меня ощущение, что она счастливее меня?

Судорожно вцепляюсь в неё и зажимаюсь. Девушка испуганно дёргается – я не отпускаю – и замирает. Неистово желаю ей помочь и хоть

частично возместить всё. Пусть хоть у неё всё сложится! И платье будет лучше испорченного, и жених хороший.

Измученный возглас заставляет меня открыть глаза. А неплохо получилось. Лиэна стоит, боясь шевельнуться, а на ней переливается и сверкает шикарное свадебное платье, которое я как-то видела в витрине магазина. А ей идёт.

Вымучено улыбаюсь:

– Спасибо, что дала поносить своё платье, и прости, что испортила его. Это тебе вместо него. Подарок к свадьбе. Надеюсь, понравится.

Поднимаюсь и иду дальше. Теперь почти нормально – кажется, отпустило. Осталось ещё одно исправить. Глыба льда с замороженным парнем никуда не делась с площади, стоит на том же месте диковинным украшением. И не тает, а ведь лето довольно жаркое.

Подхожу и раздумываю, как осуществить задуманное. А, неважно! Буду действовать как обычно: на авось. Прикладываю ладони ко льду, зажмуриваюсь и отчаянно желаю освободить парня. Ничего не выходит.

– Что вы делаете?! – испуганный возглас Элии отвлекает меня. Вот же... как всегда не вовремя!

В этот момент опора под руками исчезает, и, не удержавшись, я падаю на землю. Мэтт валится на меня. Пару минут мы барахтаемся, потом встаём и ошеломлённо смотрим друг на друга. Парня шатает, а взгляд неменяемый.

– Мэтт! – Элия радостно обнимает его и чуть не сбивает с ног снова. Пару минут она живчиком суетится вокруг, пытаясь Мэтта одновременно согреть, накормить, уложить спать, расспросить и бог весть что ещё. Бедняга. С такими друзьями врагов не надо.

Немного придя в себя, он сердито отстраняет девчонку и зло смотрит на меня.

– Ты...

– Я. Всё ещё хочешь убить меня? Вперёд! Я даже сопротивляться не буду. Приступай.

Встаю перед ним, раскинув руки, и закрываю глаза. Будь, что будет! Я уже от всего устала.

– Что-то задумала? Или разжалобить меня хочешь? Не выйдет ни того, ни другого! – Мэтт, судя по звукам, бросается к ней.

Испуганный возглас Элии сливается с яростным рыком:

– Да что ж ты творишь, ненормальная?!!

Ощущаю сильный толчок в грудь и отлетаю назад. Глаза сами распахиваются: успеваю увидеть Элиана между мной и Мэттом. Он меня спас?.. Обрадоваться не успеваю – в глазах темнеет.

И лечу подозрительно долго. Врезаюсь во что-то, аж дух вышибает. Инерция кидает меня вперёд, и теперь сильно стучаюсь лбом. У-уй! Больно-то как!

С трудом придя в себя, разлепляю глаза и оглядываюсь вокруг. Быть не может! Я дома?!

Моя комната ничуть не изменилась. Сажу в кресле, передо мной включён компьютер, на экране всё ещё мёртвая Сонеали сорок третьего уровня. Ничего не поняла. Сколько я отсутствовала? Оглядываюсь в поисках феи – никого. Странно.

Вспоминаю про маму, вскакиваю, и бегу на кухню.

Мама, как ни в чём не бывало, накрывает на стол.

– Прости за долгое отсутствие, мам.

– Я рада, что в тебе вежливость проснулась, но за пять минут прощения просить не обязательно.

– Сколько? Но я же много дней отсутствовала.

– Каких дней? Ты последние мозги в игрушках оставила? Или в других мирах заблудилась?

– Заблудилась? Да, пожалуй... – обессилено опускаюсь на табуретку. Неужели мне всё привиделось? На самом деле ничего не было? Как узнать?

– Возвращайся в реальный мир, пока не поздно, а то совсем в других потеряешься.

– Ты права. Надо.

– Ты? И со мной соглашаешься? Что-то крупное сдохло?

– Мам! Не так уж я безнадежна! Ты мне поможешь?

– В чём?

– Одеться, как девочка. Чтобы красивой быть.

Мама удивлённо обернулась, пристально посмотрела на меня, потом улыбнулась:

– Конечно.

Чувствую себя неудобно, но парни в коридоре заинтересовано оглядываются. Наверно, не так уж плохо выгляжу. Заставляю себя выпрямиться и идти спокойно. Мама помогла мне подобрать блузку с юбкой, сделать причёску и слегка накраситься.

В классе я произвожу фурор. Парни косятся на меня все уроки, на переменах подходят поболтать. Я не отказываюсь. Может зря я раньше юбки не надевала? Вон и Алекс на меня смотрит. Он не подходит, но его взгляд я ощущаю все уроки. Немного странно снова думать о нём после Элиана. Но я не могу сказать, где в моих мыслях кончается один и начинается другой. Они почти слились для меня. Может, это и неправильно, но разделить их у меня уже не получается. Даже если все мои приключения были бредом, видением, сном – для меня они реальны. И не могу воспринимать их иначе. Разве можно испытать во сне боль настолько сильную, что дышать нельзя и сердце останавливается? Всё пережитое останется моей реальностью навсегда.

А Лизка-то злится всё больше и больше. Как её перекосило! Ещё вчера я остереглась бы так перед ней выделяться, а сегодня мне всё равно. После всех испытаний, зависть одноклассницы кажется такой ерундой, даже если она опасна. Я переживала вещи и похуже.

После уроков постаралась ретироваться из школы, минуя Элизабет. И мне это даже удалось. Но я недооценила её коварство. За школой есть широкая бетонная лестница, спускающаяся в парк. И эта начинающая злодейка на этот раз без всякой подножки просто сильно толкнула меня в спину. Хорошо, лестница невысокая была, в шесть ступенек. Но бетон от этого мягче не стал. Я кубарем скатилась вниз, больно врезавшись в бордюр ограждения.

Вот невезуха!

Полежала, пережидая приступ боли, потом попробовала подняться.

Ай! Уй! Чтоб вас... с трудом сдержала ругательства. С истерическим смешком села, привалившись к забору. И что теперь делать?

– Помощь нужна?

Я подняла взгляд. Алекс. Улыбнулась.

– Я идти не могу. Не знаю, что с ногой. На перелом не похоже. Может, вывих или растяжение.

– Чего тогда улыбаешься?

– Плакать, что ли? Что от этого изменится?

– Интересная точка зрения. Что собираешься делать?

– Не знаю. Ждать, пока кто-нибудь не сжалится и не поможет доковылять до дома. Сама я и не доползу. К ноге даже прикоснуться больно.

– Тогда почему уверена, что не перелом? Тебе в больницу надо.

– Не хочу.

– А тебя и спрашивать никто не будет. Капризы – капризами, а здоровье дороже, – Алекс решительно подошёл, подхватил меня на руки и понёс.

Мой возмущённый возглас был нагло проигнорирован.

– Хочешь пешочком?

– Нет.

– Тогда лежи и молчи.

Я затихла, не веря в реальность происходящего. Алекс! Меня! Несёт на руках! С ума сойти!

Заметила Лизку за оградой парка. Что у неё было за лицо при виде нас! Наглеть, так по полной: обняла Алекса за шею и положила голову ему на плечо. Элизабет совсем перекосило. Я почувствовала себя отомщённой.

– Как долго ты меня нести собираешься?

– До больницы. Потом домой.

– А выдержишь?

– Это вызов? Ты лёгкая.

– Должна предупредить: если принесёшь меня домой, не избежишь допроса. Мама одержима идеей пристроить меня в хорошие руки. Увидев такую сцену, она сделает далеко идущие выводы и сразу запишет тебя в мои парни.

– Ну и пусть.

– Ты не против?

– Нет.

– Почему?

– Ты забавная. С тобой не скучно будет. А дальше... посмотрим.

– Вот как? – утыкаюсь ему в плечо, чтобы скрыть улыбку. Сила женщины в её слабости, да? Теперь у меня появился шанс это проверить. Я собираюсь удержать его. В идеале – на всю жизнь. А уж как получится, поживём – увидим...

Фея довольно потёрла руки, достала миниатюрный блокнотик, такой же карандашик и черкнула галочку напротив имени.

– Ещё одна есть. Отлично. Служба исполнения желаний всегда их выполняет, не прямым путём, так окольными. Если глупый человек не понимает своих истинных желаний, мы поможем понять, а потом исполним. Это дольше и трудней, но результат того стоит.

Довольная фея проводила взглядом красивую пару и полетела искать новую жертву... то есть избранного или избранную.

Татьяна ТОМАХ (г. Санкт-Петербург)

ОБРЕТЕНИЕ ЗВЕРЯ

- 3 -

Бамбуковая занавеска дрогнула под ветром, застучала похоронной дождевой капелью, заплакала обломками несбывшихся дудочек. Огонёк на кончике тонкого фитиля съёжился, мигнул и опять заплескался, заструился золотой шёлковой лентой в чёрной реке. Темнота густела, ворочалась тяжёлыми волнами, тянула из ладони светильника огненный лепесток – а он всё не рвался. Бился – обрывком тонкой ткани в сильном течении. Бился – будто надеялся победить...

Ветер принёс ароматы пряной горечи трав, сладости ночных роскошных цветов.

Георгий судорожно вздохнул, дёрнул ворот штопаной застиранной рясы. Вязкий воздух застревал в горле, мучил грудь удушьем. Грозу бы... Настоящую. Не тёплый дождик из тех, что щедро поят эту землю весной и осенью. Интересно, почему здесь никогда не бывает гроз? С молниями и громом, в которых ещё древние люди различали лик и голос разгневанного бога. Может, потому, что местные жители не верят в богов

– а значит, и некому сердиться, швырять с неба сияющие перуны и громopodobные упреки?

«Господи, помоги мне», – вздохнул Георгий, кляня себя за бестолковые мысли. Потянулся рукой к белому лбу мальчика. Так и не решился тронуть – сжал задрожавшие пальцы в кулак, медленно опустил на колено. Испугался, что прикосновение отзовется холодом – ещё более жгучим, чем час назад. С тех пор, как закатилось солнце, мальчик не открывал глаза и не шевелился. Только иногда вздрагивали тонкие ноздри, и слабо дёргалась жилка на шее. Редко. Слишком редко.

Георгий зажмурился, чтобы не видеть бледного лица мальчика.

«Господи, – взмолился он беззвучно, но горячо: – Я был глуп и слеп, хотя меня ты не лишил глаз... Безумен я был, когда просил тебя о знании и справедливости... Зачем знание, когда вместе с ним понимаешь своё бессилие, зачем справедливость, когда она не есть добро... Прошу тебя... теперь в последний раз прошу – пусть будет жить этот мальчик. Возьми вместо него мою жалкую жизнь, которая и так твоя... Пусть живёт он, потому что в его смерти будет моя вина, которую я никогда не смогу искупить...»

Слова приходили неправильные, мутные. Будто здесь, в этом мире, не знавшем богов, Георгий теперь и сам научился молиться. В странном невозможном мире, который Георгий, умирая, вымолил у своего Бога...

- 2 -

Сперва он научился видеть. Кровавое сияние с огненными всполохами постепенно утихло, перелилось в спокойный золотистый свет. Из света сгустились дрожащие тени, затанцевали вёртким хороводом, ускользя от глаз – а потом вдруг сложились в изумрудные и жёлтые пятна колышущихся листьев. Вспыхнул синий цвет – летнего, невозможно высокого неба; взгляд сейчас же бросился туда – лететь, взбираться выше и выше, тонуть, растворяться с восторгом и ужасом в головокружительной светлой бездне... Но все цвета неожиданно заслонил светло-коричневый – незнакомого смуглого лица. Лицо было напряжённым, гладкая юная кожа смялась на лбу парой морщинок, виноградины иссиня-чёрных глаз смотрели встревожено, тонкие губы шевелились. Голос, сначала еле различимый, становился громче и громче, и скоро стало можно разобрать немного искажённые, но всё же понятные слова:

– Ты кто?

Так он научился слышать.

Говорить было сложнее. Первые звуки получились беззвучными. Потом он почувствовал, как с усилием рвётся щель непослушного рта – и вместе с именем и кровью, обжигающей трещины на запёкшихся губах, возвращается боль и память.

– Я – Георгий...

Занавеска опять заплакала, жалуясь на свою безъязыкую судьбу. Вместе с ветром в хижину проскользнули две тени – и тотчас расположились по-хозяйски. Георгий ещё только поворачивал голову, а пятнистый ягуар уже разлёгся возле входа, и смуглокожий человек уселся перед светильником.

– Доброй ночи... Энн-Га-Ирр, – запнувшись, сказал Георгий. Он так и не смог привыкнуть к их именам... точнее – к тому, как они составляли эти имена.

Ягуар дёрнул ухом и зевнул, блеснув лезвиями влажных клыков. В темных глазах человека отразился дрожащий огонь.

– И тебе доброй ночи.

– Плохая ночь, – выдохнул Георгий, опять вцепляясь неловкими пальцами в ворот рясы, – плохая...

Взгляд Энн-Га-Ирра был неподвижен и тёмн. Будто чернота, сворачиваясь водоворотами, втекала в его глаза, как в бездонные колодцы – чтобы потом, когда Энн-Га-Ирр устанет удерживать её, выплеснуться и утопить того, на кого он посмотрит. На блестящей поверхности этой черноты плавали отражения пламени светильника – обрывки огненной ленты в чёрной воде – бились... бились, будто надеялись победить...

– Как... – Георгий замолчал. Он хотел спросить про мальчика – но испугался. Испугался, что Энн-Га-Ирр, не умеющий лгать, ответит на вопрос.

– Как... твой олень?

– Спит.

– А, – Георгий следил, не дрогнут ли ещё ноздри мальчика, – мне всегда хотелось спросить, что ты чувствуешь, когда они спят...

– Тогда мне тоже хорошо, друг Георгий.

Энн-Га-Ирр повернул голову – огонь исчез из его глаз, осталась одна чернота. Уточнил:

– Когда мои звери спят – я спокоен.

– Я так и думал, – кивнул Георгий, отводя взгляд в сторону. Темнота в глазах гостя пугала его. И не только темнота...

Смуглые пальцы опустили на судорожно сжатый кулак Георгия.

– Ты ведь не об этом хотел спросить, – голос Энн-Га-Ирра был мягким. Как движения ягуара, подкрадывающегося к добыче. – И ты до сих пор боишься нас. Потому что не понимаешь?

– Не понимаю, – глухо согласился Георгий.

– А ты пробовал – понять?

– Я – Георгий...

– Странное имя... странное... – голос то отдалялся, то приближался; влажная прохлада гладила лицо – исцарапанные щеки, растрескавшиеся губы. – А где твои спутники, Георгий?

– Спутники? – слабо удивился он. Хотелось закрыть глаза и вернуться обратно – в сон? смерть? Происходящее было невозможно. Зелёные листья – вместо вымороженных до звона чёрных голых веток; синее летнее небо – вместо серого зимнего; участливый мягкий голос вместо сухого голоса мертвеца. – Я один, – сказал Георгий.

Виноградины блестящих чёрных глаз наполнились печалью и сочувствием.

– Из-за какой беды ты потерял своих спутников, Георгий?

– Я всегда был один.

- 3 -

– Я попробую объяснить, – Энн-Га-Ирр поднялся легко и бесшумно. Георгий моргнул, в который раз изумляясь неувлимым летучим движениям гостя. Кувшин с водой и две чашки, спрятанные под салфеткой в углу хижины, в один миг оказались аккуратно расставленными на полу возле светильника.

– Извини, – смутился Георгий, – я даже не предложил... Но у меня только вода. А, ещё осталось немного меда...

– Не нужно. Ты ведь знаешь, мне необязательно есть. Довольно воды. Но если тебе было бы приятно угостить меня... Ты говорил, в твоём мире было принято угощать проходящих в дом... чем?

– Ну... хозяин обязательно предлагал гостю чаю или вина...

– Вина? – Энн-Га-Ирр нахмурился. Подхватил кувшин, задумчиво погладил его гладкий глиняный бок, провёл пальцем по краю узкого горлышка. – Вино, – сообщил он, вручая кувшин Георгию. Тот опасливо принял дар, недоверчиво вдохнул терпкий кисловатый запах. Очень аккуратно задрожавшими руками поставил кувшин на пол.

– Как.. Я до сих пор не могу понять, как вы это делаете...

– Это просто, – Эн-Га-Ирр смотрел внимательно, и опять в темноте его глаз плясал алый огонёк. – Просто. Не сложнее, чем владеть своими зверьми. Ты не понимаешь? Для тебя это чудо? Ты тоже для нас чудо, Георгий. Ты один – но ты до сих пор жив и не сошёл с ума. И твои звери не овладели тобой.

– Я не...

– Твои звери, – Энн-Га-Ирр поднял ладонь, обрывая его. – Я тоже наблюдал за тобой, как и ты – за нами. И я тоже пытался понять. И постепенно понял разницу между нами. Мы даём имена своим зверям – и обретаем над ними власть; ты – пытаешься спрятаться от них. Ты веришь в чудеса, мечтаешь о них – и одновременно боишься; мы – делаем то, что можем, и когда происходит невозможное ранее – просто принимаем это,

не называя чудом. Так, как приняли тебя. Скажи, Георгий, а как твои соплеменники приняли бы одного из нас?

– Как бога, – сейчас же ответил Георгий.

– Да, ты рассказывал, – кивнул Энн-Га-Ирр. И уточнил: – Как бога? Чтобы поклоняться ему – а потом избить до полусмерти – и заживо распять?

- 2 -

– Ой, плохо быть одному, – сочувственно вздыхал незнакомец, помогая Георгию подняться на ноги. – Поэтому ты такой слабый, Георгий. Не пугайся, это Га – мой белый олень. Видишь, он тоже боится тебя; но я сейчас его успокою. Обопрись на его спину. Вот так. Теперь легче?

Густая шерсть была жёсткой и гладкой; тёмно-карий, навывкате глаз косился на человека настороженно, но олень стоял смирно, только иногда вздрагивал всей шкурой.

– Га – хороший олень. Быстрый и сильный. Пугливый – но так и положено оленям. А зачем боишься ты, Георгий?

– Там... там...

– А. Это мой ягуар. Ирр – огненный охотник. Он рычит, потому что хотел бы напасть на тебя. Ты кажешься ему странным, и ещё он не любит чужаков. Как все ягуары. Не обращай на него внимания, и он успокоится. Пойдём, Георгий. Скоро начнётся дождь, а ты слишком слабый даже для дождя. Обопрись на мое плечо – вот так, а другой рукой – на спину Га. Мы поможем тебе идти.

– А... а ягуар?

– Не беспокойся. Я не позволю ему напасть на тебя.

– А разве... разве он не может напасть на твоего оленя?

– Ты и вправду странный, Георгий. Разве я могу допустить, чтобы мои звери причинили вред друг другу?

Идти было легко. Человек и олень шагали на удивление слаженно и ровно, и Георгий, почти висевший на их спинах, будто даже и не тяготил их.

– Спасибо, – с искренней благодарностью сказал он. – Я ведь даже не спросил, как тебя зовут?

Смуглокожий спаситель запнулся и удивленно покосился на Георгия.

– Энн-Га-Ирр, – ответил он. – Я ведь уже сказал.

- 3 -

– Все верно, – Георгий вздохнул. – Ты говоришь верно. Вы умеете разделять зверя и человека, мы же всю жизнь живём с нашими зверьми... со страхами, ненавистью, алчностью, жадной убивать и быть первым в стае... Иногда мы не замечаем их, иногда – бьёмся с ними, но в этих битвах победа редко бывает нашей...

– Ты сильный человек, Георгий. Вряд ли кто из нас смог бы жить так, как ты говоришь.

– Я слаб, – тот покачал головой. – Я даже не могу решиться посмотреть в глаза своим зверям...

– Тогда ты заранее проиграл свою битву, Георгий. Нельзя сражаться с неизвестностью.

– Наверное, – Георгий смотрел, как плещется на кончике фитиля упрямый огонёк. Гнётся под ветром, испуганно отступает перед темнотой – а потом опять распрямляется. Когда через несколько часов неравной битвы он умрёт, спалив последнюю нить фитиля – или ослепленный солнцем, – будет ли рассвет его победой?

– У меня был друг, – Георгий прикрыл глаза. Если смотреть на огонь вот так, прищурившись и не двигаясь, кажется, что темноты нет. Только свет. Каким было лицо Петра тогда, много лет назад, когда он пришёл звать Георгия идти вместе с собой? Уже и не вспомнишь... – Много лет назад, в другой жизни... у меня был друг. Он бился с неизвестностью – и иногда побеждал. Однажды он позвал меня с собой – а я струсил. Наверное, это называется предательство?

- 1 -

Дождь задумчиво постукивал по крыше – решал, то ли обрушиться ливнем, то ли передохнуть до утра. Крутобокий чайник опустел, последний кусок пирога зазывно блестел румяной корочкой, сиял багряными каплями запечённых вишен, но никто не обращал на него внимания. Запах мятной настойки щекотал ноздри.

– Ещё? – предложил Георгий, трогая пузатую бутылку. – Анна делала. Добрая женщина, помогает мне по хозяйству, ну да я говорил... А пирог-то как хорош, а?

– Хорош, – согласился собеседник. Поднялся, подошёл к окну, скрипя кожей новых сапог. Сказал, глядя в густеющие сумерки дождливого вечера: – Гроза будет.

– Так ведь с утра моросит, – удивился Георгий. – Гроза – это когда сперва душно, дышать нельзя, а потом...

– Гроза по-разному бывает. Иногда мается весь день то слезой, то всхлипом, а потом – как запыхает... а иногда – исплчется по капле, на огонь и гром уже и сил не останется, – стоящий возле окна обернулся, пристально посмотрел на Георгия. Отрывисто спросил: – Нравится тебе здесь жить, а?

– Ну... – Георгий смутился под требовательным взглядом. – Знаешь, Петр... сперва я ведь и отсюда сбежать хотел... тоска и жуть, вроде как в болоте тонешь, а никто на помощь нейдёт... и люди... А теперь...

– Так что – люди?

– Ну... люди как люди. Как везде. Рождаются – я их крещу; умирают – отпеваю; венчаются... Живут... Анна вот, добрая душа, всё норовит

вкусненьким меня побаловать – того и гляди растолстею на её пирогах... Симеон, плотник, взялся церковь подновить – работу свою забросил, днём и ночью новые двери ладит, узор на них вырезает – лучше прежнего... Неплохие люди. Они ко мне привыкли – и я к ним...

– Ты изменился, – Петр подошёл, оперся крепкими кулаками о стол, заглядывая в лицо друга. – А помнишь, в университете, наши споры до рассвета? Как мы, юнцы желторотые, на два года тебя младше, открыв рты, тебя слушали? А как ты говорил, а?! О назначении человека – каким совершенным задумал его Господь – потому что Он не мог создать нелепости и скверны, которыми полон мир... И человеку некого винить, кроме самого себя, за то, что он искажил данное, сломал прямое, уронил в грязь светлое... Но и в его же руках исправить всё – и стать таким, как было задумано... Помнишь?

– Да-да, – Георгий напряжённо улыбнулся. – Тогда казалось всё так ясно... А ведь меня едва в ереси не обвинили за такие речи...

– А сейчас – что? Георгий, – Петр схватил друга за плечи, сжал до боли: – Я ведь помню, как ты нищим ушёл от своего богатого отца, потому что тот был лгун и подлец; как ты сбежал из монастыря, потому что нашёл в этом святом месте разврат и мздоимство... Я помню, какие ты вначале мне письма писал отсюда... Твои... неплохие люди, это ведь они сожгли знахарку в неурожайный год? Они чуть не забили насмерть камнями согрешившую девицу – а ты едва сумел остановить их? Это ведь они, да? Люди – как люди? А ты... ты... А теперь – что? Пироги с вишнями?! – руки на плечах Георгия затряслись и разжались; тяжёлый кулак Петра ухнул в середину стола. Звякнула тарелка, пирог разлетелся по полу, пятная светлое дерево кровавыми каплями вишнёвых ягод.

– Извини, – силло выдохнул Петр. Отвернулся к окну, горбя широкую спину.

– Как же ты... – Голос дрожал и срывался; Георгий никак не мог усмирить его, и потому говорил тихо – и зачем-то пытался улыбаться – в напряжённую спину Петра. – Как же ты собираешься обращать в истинную веру своих язычников, если сам не владеешь добродетелью смирения...

– Так помоги мне. – В лице обернувшегося Петра не было и следа прежней ярости. Ярко-синие глаза, по которым в давние студенческие времена безуспешно вздыхало немало девиц, блестели. От раскаяния? Слёз? Воодушевления? – Помоги. Поедем вместе. Помнишь, ты говорил, что если найти народ, не испорченный дурным воспитанием и нашей культурой, невинный и дикий – мудрый пастырь сумел бы приручить его и как из мягкой глины вылепить совершенных людей, задуманных Господом... Так поедешь?

Георгий опять – в который раз – смутился под его ясным взглядом. Теперь всё было по-другому. Раньше Петр смотрел на старшего товарища

молча и благоговейно, веря, что тот знает ответы на все вопросы; теперь он задавал такие вопросы, на которые Георгий не умел ответить...

– Видишь ли, – неловко начал он, избегая взгляда Петра. – Как я могу учить людей, какими им надлежит быть, если я даже не знаю, какие они есть... Я пытаюсь разобраться, – он покосился в сторону своей гордости – книжного шкафа, уместающего на полках немало драгоценных фолиантов. – Я пытаюсь, но...

Петр проследил за его взглядом. Заметил Сенеку и Платона рядом со Священным писанием. Хмыкнул.

– Эдак ты вернее запутаешься, пожалуй.

– Понимаешь, Петр... Я говорю с людьми; иногда им нравится слушать меня. И если после моей проповеди кто-нибудь станет хоть на самую малость добрее и лучше, это уже хорошо... Да, это мало, но...

– Это – мало.

– Ну, видишь ли...

Георгий вдруг припомнил один их старый разговор из тех самых студенческих времен. "Вот странно, – сказал как-то Петр – твой святой победил дракона; а мой – начал с того, что отрёкся от своего учителя. Это несправедливо, что мне достался такой святой." И как потом Георгий не убеждал его, что, во-первых, глупо так думать; а во-вторых, апостол Петр совершил немало святых и достойных деяний; Петр стоял на своём: "Но ведь вначале-то, он – отрёкся"...

– Видишь ли, не всем же драться с драконами, – улыбнулся Георгий. И тотчас пожалел о своих словах, потому что по изменившемуся лицу Петра понял, что тот тоже вспомнил старый разговор.

– Верно, – тусклым голосом отозвался Петр. – Не всем.

Провёл пальцем по корешкам плотно втиснутых на полку книг, взглянул на след, оставшийся в пыли; пробормотал еле слышно:

– Вишневые пироги...

И, горбясь сильнее прежнего, пошёл к двери.

Георгий хотел окликнуть его, но не смел. А когда дверь уже закрывалась за широкой спиной друга, решил:

– Постой! Так что – значит, мы больше не увидимся?

– Нет, – ответил тот.

В следующий раз, когда Георгий увидел своего друга, на месте яркосиних ясных глаз Петра бугрились уродливые шрамы, затягивающие провалы опустевших глазниц.

- 3 -

– Зачем, – Энн-Га-Ирр говорил еле слышно: – Зачем эти язычники выжгли твоему другу глаза?

– Ты говорил о разнице между нами. Человек из моего мира спросил бы не "зачем?" а "почему?". Потому что у нас люди редко ищут в поступке пользу, но почти всегда поступают именно так по какой-нибудь

причине. Не рассуждая. Как олень, который убегает, когда напуган; как ягуар, нападающий, если его рассердить. Как звери...

- 1 -

– Почему? – дрожащая рука Георгия тянулась к изуродованному лицу друга, которое он помнил сравнимым по красоте и гармонии с ликами древнегреческих статуй. Тянулась – и никак не могла дотянуться. – Почему...

– Я не отрёкся, – ответил Петр, и улыбка на мгновение осветила его страшное лицо отблеском прежнего совершенства.

Петр стал молчалив и нелюдим. Он не спрашивал, как и зачем Георгий отыскал его. Не отвечал, когда Георгий звал вернуться назад или пытался хоть как-то разговорить, с отчаянием перебирая все темы их прошлых бесед. Казалось, что Петр разучился есть и спать – дни и ночи он сидел неподвижно возле грубого самодельного распятия, трогал его неловкими пальцами – будто пытался сложить верный облик из кривых линий, прорезанных в дереве; беззвучно шевелил губами и горестно морщился – будто говорил с кем-то невидимым – а тот всё никак не мог услышать Петра. Или не хотел.

Иногда Петр приходил в себя – вертел головой, словно оглядывая слепыми глазами своё убогое жилище; соглашался съесть горячей похлебки, предложенной Георгием; жадно хлебал воду. Говорил, улыбаясь в лицо своего старого друга:

– А... Георгий, что, всё ещё ищешь своего дракона?

От этой улыбки и слов у Георгия по спине бродили мурашки; и казалось, что под тонкой кожей, стянутой уродливыми червяками шрамов, прячутся прежние огненно-синие глаза Петра – только тот пока почему-то не хочет открывать их...

Иногда Петр выходил из своего добровольного заточения. Пробирался на капище, где местные жуткие боги скалили звериные морды с верхушек гладко вытесанных, бурых от жертвенной крови, столбов. Или вставал в центре посёлка – утоптанном до каменной твёрдости пяточке земли. И говорил. Вдохновенно и громко, размахивая руками. На дикой смеси латыни и здешнего картаво-гортанного языка. Местные иногда приходили послушать – охотники стояли, то улыбаясь, то хмурясь; маленькие скуластенькие женщины робко выглядывали из-за спин мужей, сочувственно цокали языками, замечая худобу и изношенную одежду чужеземца; бесстрашные дети подбирались к долговязому белому человеку ближе всех, с любопытством трогали драные полы длинной рясы. Когда лица слушателей мрачнели, Георгий пытался увести друга домой – но не мог остановить его. Коченея под неприязненными взглядами, он думал, что так и не смог выяснить, не эти ли самые язычники ослепили Петра...

Несколько раз, испуганный отрешённым видом Петра, подолгу сидящего неподвижно перед своим распятием, Георгий звал местного знахаря. Тот растирал в пыль какие-то пахучие корешки, пришепetyвал, заливал кипятком, поил Петра бурым, горько пахнущим настоем. Объяснял, сдвигая на затылок мохнатую лисью шапку, сам похожий на лиса – рыжий, скуластый, улыбочивый, с хитро прищуренными блестящими глазками:

– Совсем слепой. Заблудился. Своего бога зовёт. А тут вашего бога нет, тут наши боги. Иди домой, большой белый человек. Домой, к своему богу иди. Понял?

Георгий кивал, соглашался. Проводив знахаря, смотрел на стену глухого леса, окружающего посёлок. Щурился от мороза и колючего ветра. Если вот так щуриться – из года в год, глаза станут такие, как у местных жителей – узкими щёлочками, прячущими на самом дне тускловатые звериные огоньки. Знахарь прав – тут свои боги, с ликами, похожими на звериные морды, и лапами вместо ног. Тут нет места для иного бога...

Когда установилась зима, лёд скрепил панцирем зыбкие болотные тропы, превращая их в дороги. Петр неожиданно запросил деликатесов из прежней жизни – белой муки, пахучих пряностей, лимонов.

– Пирога бы, – мечтательно сказал он, повернув лицо к очагу – будто глядя в огонь, и улыбаясь такой светлой улыбкой, какую Георгий помнил только в той, прежней жизни. – Сдобного, с корочкой. С вишнями. Помнишь Анну, а?

Георгий вздохнул. Какие пироги, когда тут даже печь никто сложить не умеет. Эх, надо было раньше не книжки читать, а на печника учиться. Или плотника...

Георгий напросился к охотникам, собиравшимся по новой зимней дороге на большой торг. Обрато торопился, прижимал к груди драгоценный мешочек с белой мукой, грел за пазухой пахнущий свежестью и праздником лимон. Улыбался. Представлял, как слепит какой-никакой, а пирог из настоящего теста; сложит из камней жаровню. Выпьют с Петром чаю, поговорят о прежней жизни – а там, глядишь, получится убедить его вернуться. Не место здесь изнеженным белым людям – и их богу. Не место.

Торопился – будто боялся не успеть.

Не успел.

Знахарь в лисьей шапке поджидал Георгия возле посёлка, не хотел пускать. Хватал за руки, торопливо бормотал, заискивающе заглядывал в лицо:

– Не ходи. Здесь не твой дом, не твои боги. К себе возвращайся. Не ходи.

Он нашел Петра на капище. На утопанном снегу у подножия одного из деревянных идолов. Петр улыбался в низкое бесцветное северное небо; в рваную дыру между развороченных рёбер падали пушистые снежинки. Высокий столб блестел от свежей крови, медвежья голова на вершине скалилась довольно и сыто; а подвязанное к столбу ловкими руками улыбчивых скуластеньких женщин сердце было ещё тёплым...

- 3 -

– Зачем вы приносите жертвы своим богам? – Темнота в глазах Энн-Га-Ирра шевелилась бездонной беспокойной рекой.

– Мой бог не... – возмущённо выпрямился Георгий – и сейчас же отпрянул.

Две тени метнулись одновременно.

Ягуар, рыча, припал к земляному полу на напрягшихся лапах, пылая зелёным огнем разъярённых глаз и пламенем оскаленной пасти.

Энн-Га-Ирр вскочил на ноги, заслоня Георгия от своего разозлённого зверя.

– Лежать! – велел Энн-Га-Ирр. – Лежать.

Ягуар повиновался. Отступил, продолжая скалиться; опустился на прежнее место возле двери, ворча и хлеща по напряжённым ляжкам плетью пятнистого хвоста.

Когда Энн-Га-Ирр повернулся, в его глазах испуганному Георгию почудился отблеск звериного изумрудного пламени; а в голосе – сдержанный рык ягуара.

– Ты рассказывал мне про своего бога довольно, Георгий, чтобы я спросил именно так. Зачем вы приносите жертвы своим богам?

Георгий отвёл взгляд. Посмотрел на мальчика, на мертвенно-бледном лице которого шевелились тени и отблески света, создавая иллюзию жизни – движения ресниц, дрожи ноздрей, улыбки. Вздохнул.

– Наверное, – глухо сказал он, не решаясь взглянуть на Энн-Га-Ирра. – Наверное, нам так проще. Мы просим бога... о разном... о помощи, здоровье, богатстве, мудрости, справедливости... А взамен мы приносим ему жертвы... тоже разные... себя – или других людей...

– Взамен?

– Ну да. Как торговец на базаре пытается сменить рыбу на глиняный горшок, – Георгий попытался улыбнуться, но улыбка не получилась.

– Ты, Георгий, приносишь в жертву своему богу других людей? – голос Энн-Га-Ирра больше не вздрагивал от звериного рыка – он был бесстрастен и сух.

– Да, – осипнув, почти беззвучно, ответил Георгий. И опять посмотрел на мальчика.

- 1 -

Он не стал хоронить Петра рядом с капищем – отнёс в глубину леса, подальше от звероголовых богов. Вложив сердце в развороченную грудь,

Георгий долго сидел, баюкая худое, почти невесомое тело друга на руках – будто надеялся, что остывшее сердце опять зашевелится – и Петр оживёт. Потом долбил могилу в мёрзлой земле; кровь от мозолей на ладонях смешалась с кровью сердца Петра; деревянное топорщице скоро заблестело, как жертвенный столб.

Потом Георгий долго шёл, не разбирая дороги. Он устал, ноги и руки ооченели; но просто лечь и уснуть в уютном пушистом снегу – здесь, в этом чужом лесу, заживо сожравшем весёлого и жизнерадостного Петра – было противно. Георгий спотыкался, увязал в буреломе, падал – и опять заставлял себя подняться и идти. Всё равно куда. А потом появился Петр. Прежний – широкоплечий и сильный, с ярко-синими ясными глазами. Поддержал за локоть споткнувшегося Георгия, помог встать на ноги. Спросил, улыбаясь:

– Что, Георгий, всё ещё ищешь своего дракона?

Георгий, плача и смеясь, шупал держащую его руку; не доверяя зрению, тянулся обмороженными пальцами к лицу друга, больше не изуродованному шрамами. Пальцам было тепло от прикосновений.

– Живой, – сквозь слезы и смех бормотал Георгий, – живой... Да на что мне сдался этот дракон, ты о чём? Петр, ты живой...

– Как – на что? – не соглашался Петр. Он подставил под руку Георгия своё сильное плечо и поддерживал его за пояс – теперь идти было легко. Так бы идти и идти – до самого дома. А там добрая Анна приготовит горячего чаю, с причитаниями разотрёт замёрзшие руки, уложит в тёплую постель...

– Как – на что, Георгий? А зачем же ты тогда пошёл за мной следом – сюда, к диким язычникам, в неизвестность? Что тебе не давало покоя в твоей уютной жизни – ведь и книги, и пироги, и любовь почтенных прихожан?

– Я ведь пошёл за тобой, Петр... потому что... ты верно говоришь – мне не было покоя с той поры, как ты ушёл, оставив ошметки пирога и свои слова...

– Не лги себе, Георгий, – ярко-синие глаза посмотрели на Георгия строго и укоризненно. – Не лги себе – сейчас.

А потом Георгий открыл глаза. И увидел над собой сквозь густую сетку голых веток стылое зимнее небо с разгорающимися звёздами. И понял, что он один.

Он зажмурился, вспоминая живой голос Петра и его последние слова:

– Найди его. Пообещай, что не остановишься, пока не найдёшь.

– Да кого, Петр?

– Своего дракона. Найди, иначе он так и не даст тебе покоя...

Георгий больше не чувствовал ни рук, ни ног. Редкие снежинки падали на его лицо и таяли всё медленнее и медленнее. Холод подбирался к сердцу. Ледяной медведь, страшное божество здешних краёв,

заглядывал в лицо, обжигал снежным дыханием; улыбался, примериваясь как съесть ещё неостывшее сердце – так, как недавно съел сердце Петра.

Георгий думал о жертвенном столбе и улыбчивых женщинах, обвязывавших цветными ленточками дёргающееся сердце странного человека, который пытался рассказать им о добре и справедливости. О своём отце, с изощрённой жестокостью издевавшемся над прислугой, устроившем в своей спальне пыточную для юных служанок. О пухленьком и весёлом настоятеле, совращавшем молоденьких послушников и беззастенчиво обиравшем паству. О девушке, которую добрые односельчане едва не забили камнями до смерти – только за то, что она была слишком доверчива... Обо всей той человеческой мерзости и грязи, от которой Георгий сперва пытался бежать; потом – примириться...

«Господи, – беззвучно взмолился он – потому что замёрзшие губы уже не слушались, – Господи, если ты в самом деле задумал нас совершенными – если ты дал нам разум, веру, жажду справедливости – ну почему тогда ты не дал нам способности навсегда отделить от себя звериное, и оставить только человеческое?»...

- 3 -

– Он исполнил мою просьбу. – Георгий, наконец, решился посмотреть на Энн-Га-Ирра. – Я увидел, что это возможно. Хотя я так и не понял – как.

– Я обещал объяснить, – мягко сказал Энн-Га-Ирр. – Но сперва расскажи, что ты знаешь.

– Ритуал, – ответил Георгий. – Когда ваш ребёнок вырастет, он поднимается на вершину Зверя. На рассвете пропасть между тропой человека, обозначенной отпечатком ладони и звериной тропой, отмеченной следом лапы, становится узкой трещиной. Её легко переступить. Но это можно сделать только тогда, когда ты повзрослел и сумел осознать и понять своего зверя. Иначе... что будет иначе?

– Иначе ты упадёшь в пропасть между двумя этими дорогами, – отозвался Энн-Га-Ирр, – а она бездонна.

– Так. Потом... Потом ты называешь своего зверя – и обретаешь власть над ним. Если это получается верно, ты можешь опять увидеть вместо пропасти узкую трещину – и перейти обратно. Чтобы спуститься вниз по дороге уже человеком – бок о бок с тем зверем, которого ты обрёл. Иногда это пугливый олень, иногда – тигр, иногда – как у тебя, олень и ягуар вместе...

– Верно. Только прежде чем обрести власть над своим зверем, тебе нужно приручить его. Иногда для этого приходится драться с ним – и победить.

– Ты говоришь так, будто я... Я не собираюсь...

– Я обещал объяснить, то, что тебе непонятно, – оборвал его Энн-Га-Ирр. Поднял кувшин, налил доверху в чашку. Велел: – Смотри. В моих руках одна чаша с вином цвета и силы крови. Я крепко держу его. Теперь я отливаю половину из этой чаши в другую – пустую. Это то же самое вино? Того же цвета, крепости и силы? Верно? И оно по-прежнему в моих руках. Только не в одном сосуде, а в двух. Теперь тебе понятно?

– Почти, – Георгий задумчиво смотрел на чаши, крепко сжатые в тонких пальцах Энн-Га-Ирра. – Получается... Жизнь, данную мне... вы не верите в богов... хорошо... просто – жизнь, данную мне, – эту смесь, которая жжётся и бурлит, и кажется мне отравой, я могу разделить на части... расплести на отдельные нити – и опять соединить, так как захочу... Страх – оленю, которому положено бояться по своей природе; ярость и жажду крови – ягуару... столько зверей, сколько я захочу?

– Столько, сколько ты сможешь удержать, – Энн-Га-Ирр аккуратно поставил чаши на пол.

– Чтобы самому остаться человеком. Энн, безмянным. Желать – без страха, думать – без гнева... Понимать, где твоё движение, а где – движение зверя...

– Ты объясняешь лучше меня, – кивнул Энн-Га-Ирр.

– Я всегда говорил хорошо, – Георгий опять сгорбился. Посмотрел на мальчика. Попросил неуверенно: – Энн-Га-Ирр... ты умеешь делать то, что у нас называют чудесами... ты не мог бы... Этот мальчик, который слушал мои речи и верил им больше, чем нужно... Энн-Ра-Тот – он может поправиться?

– Не Энн-Ра-Тот. Теперь просто Энн. Безмянный. Он умрёт завтра днём. Теперь ты понял, что с ним случилось?

– Я говорил... – Георгий закрыл глаза, не имея сил смотреть ни на мальчика, ни в строгое лицо Энн-Га-Ирра. – Я говорил, что удивительно хорошо, если вы умеете отделять зверя и человека – но ваши звери всегда ходят рядом. Рычат, когда злятся; пытаются убежать, когда пугаются. Если бы ещё можно было не только отделить звериное и обрести над ним власть – но и отринуть его...

– Тебе всегда недостаточно того, что есть, верно, Георгий?

– Верно, – еле слышно согласился он.

– Это не плохо. Плохо то, что ты пытаешься найти дракона – и боишься это сделать. Ты понял, что случилось с мальчиком? Он поднялся на вершину раньше времени. Он вычерпал себя без остатка, считая почти все свои мысли и желания звериными. Он сумел спуститься вниз – шаг в шаг с двумя тиграми; но потом даже не пытался удержать хотя бы одного из них. Он прогнал своих зверей, потому что думал, что так избавляется от звериного и становится настоящим совершенным человеком.

Энн-Га-Ирр вылил всё вино в одну чашу и протянул опустевшую Георгию.

– В нём не осталось жизни.

– Я убил его, – Георгий принял чашу задрожавшими руками, заворожено следя, как багровая капля стекает по стенке на обнажившееся дно. – Я всегда говорил хорошо... Я отравил веривших мне своими словами и мечтами... А сам не выпил ни глотка... Я трус...

– Мы не верим в чудеса, – тихо сказал Энн-Га-Ирр, – но иногда делаем то, что считается неправильным. Когда у человека погибает его зверь, он слабеет и обычно скоро умирает. Но случается... случается, что на вершину Зверя поднимается муж с умирающей женой на руках; или сын с отцом... или... Случается, когда кто-то ценящий жизнь другого человека больше своей, готов рискнуть и попытаться ещё раз разделить свою жизнь... – Энн-Га-Ирр налил в чашу Георгия половину вина из своей чаши. – Иногда это получается...

- 4 -

Вершина, казавшаяся снизу такой близкой, с каждым шагом будто всё отдалялась. Пот заливал глаза, мешал смотреть; Георгий задышался и уже начинал спотыкаться, пару раз едва не упал, оступившись на узкой крутой тропе. Но шага не сбавил – боялся опоздать к рассвету. Только крепче прижал к себе драгоценную ношу – худенького, почти невесомого, мальчика с закрытыми глазами.

- 3 -

Энн-Га-Ирр легонько стукнул краем своей чаши о чашу Георгия. Улыбнулся:

– Видишь, я тоже знаю ваши ритуалы. Теперь у вас положено сказать пожелание – а потом выпить вино до дна?

– Так. Мы верим, что тогда желание исполнится. Ты знаешь, мы ведь вообще верим в чудеса...

– А я думаю, что твои мечты не такая уж отравка, Георгий. Пока – кислятина, которую нельзя пить. Но перебродит – и станет вином. Может, когда-нибудь, мы сумеем обходиться без наших зверей – но не прогоним их, а отпустим на волю. Может, когда-нибудь мы станем теми совершенными людьми, о которых ты мечтал... и, о которых, возможно думал твой бог, создавая людей...

Энн-Га-Ирр поднёс чашу к губам, выпил медленно, маленькими глотками, улыбаясь – то ли терпкому богатому вкусу вина, то ли своим мыслям. Допив, взялся за кувшин. Спросил:

– Ещё? Здесь много...

– Энн-Га-Ирр... ты думаешь я не слишком стар для того чтобы подняться на эту вершину?

– Старость – это не слабость, Георгий. Когда зверь вырывается из клетки человеческого тела, он обретает свободу. Если его приручить, он будет более послушен, чем зверь, измученный тесной клеткой. Но чтобы его приручить, нужна сила и мудрость. Первое у тебя есть. Но повзрослел ли ты?

- 4 -

Небо на востоке порозовело – стыдливо, еле заметно. Новый день робко замер на пороге, будто размышляя – идти, не идти?

Воздух был как сотни раскалённых кинжалов, вонзающихся в грудь; ещё один кинжал, покрупнее, намертво застрял в правом боку, под рёбрами. Сипло дыша, и почти ничего не различая в огненной дымке, кружащейся перед глазами, Георгий ускорил шаг.

- 3 -

– Как ты думаешь, Энн-Га-Ирр, каким был бы мой зверь, если я решился бы... если бы я сумел...

– Думаю, это был бы странный зверь, – усмехнулся Энн-Га-Ирр. – Сочетание противоречий. Храбрость и нерешительность. Безумие и разум. Ящерица и птица. Огонь и небо...

- 5 -

Георгий даже не посмотрел, глубока ли пропасть под ногами. Он шагнул вперёд, будто продолжая идти в воздухе по невидимой тропе, приведшей его к вершине. Навстречу невозможно прекрасному чудовищу, которое танцевало, выгибая грузное тело и плеча радужными крыльями – радуясь наконец обрётённой свободе...

Надежда Шишкина (г. Новокузнецк)

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Лампочки, огоньки, кнопки, переключатели, проводки... Стэну казалось, что он попал в одну из фантастических книг, которые читал в детстве. Криокамера напоминала нутро космического корабля – каким мог его представить десятилетний мальчишка. Сейчас Стэну было пятьдесят три, но его воображение и неутолённая за все эти годы любовь к фантастике мгновенно вернули старика в те самые десять лет... Нет, лучше! Они воплотили на секунду его мечту оказаться в настоящем звездолёте! И это ощущение могло продлиться много дольше, если бы не назойливое сопение за спиной.

– Это совершенно безопасно, Стэн. Я лично гарантирую тебе полную безопасность! – Доктор Митчел протиснулся в камеру, представлявшую собой комнатку два на четыре метра, чьи стены были завешаны приборами и датчиками, а в центре, на небольшом постаменте возвышался "саркофаг".

– Вы не первый, кто обращается к нам, так что будьте спокойны – вы будете заморожены на сто пятьдесят лет, а за этот срок, надо полагать, медицина уже дойдёт до нужного уровня...

– Дойдѣт, дойдѣт! – ворчливо перебил его Стэн. – Не надо меня успокаивать.

Самому Стэну начало казаться, что это доктор волновался больше самого пациента.

– Я позову лаборантов, а вы пока посидите тут... Только ничего не трогайте!

Стэн подавил раздражение и ничего не ответил. Только проводил доктора выразительным взглядом. Ничего не трогайте! Можно подумать, это не Стэн, а кто-нибудь другой участвовал в разработке половины этих приборов! Однако, стоило мужчине остаться в одиночестве, раздражение прошло. Осталось только лёгкое волнение – ведь ему наконец-то удастся стать участником чуда, им же созданного! Жаль, конечно, что для этого понадобился такой неприятный повод... Зато он сможет не просто испытать на себе новейшие технологии крионики. Он увидит будущее! Может быть, те самые звездолѣты, ракеты, суперкомпьютеры! Может, к тому времени люди освоят другие планеты. Может... может быть, даже найдут разумную жизнь в космосе! Создадут киборгов! Победят все болезни! Построят идеальное общество!

Стэн усмехнулся, покачал головой – из всего этого идеальное общество казалось ему более фантастичным, чем всё остальное. Но что терять старому мечтателю, так и не научившемуся жить в реальной жизни, заработавшему рак и плохое зрение, раннюю седину и изжогу... Только и думать о лучшем, надеяться, что собственное детище не подведѣт и отправит его в светлое будущее...

– Добро пожаловать! Вы – Стэн Стивенсон. Пол – мужской. Год рождения...

– Где я?

– Вы в Нью Голд Сити, Стэн Стивенсон.

– Можно включить свет?

– Приносим свои извинения. Но здесь нет освещения. Сейчас мы отключим вас от системы жизнеобеспечения и вы сможете пройти в светлое помещение.

Стэн напрягся, прислушиваясь к звукам вокруг. Он не видел ничего в кромешной темноте, никаких отблесков, никакого движения. Не было шагов, дыхания, бормотания лаборантов... Только странный, чуть гудящий звук, слишком тихий, чтобы опознать его.

– Как вы отключите приборы? Вы видите в темноте?

– Мы не нуждаемся в освещении, Стэн Стивенсон.

– Как? У вас есть какие-то приборы? Или это такое зрение?

– Мы не уполномочены отвечать на эти вопросы, Стэн Стивенсон.

– Вы можете называть меня просто Стэн.

– Как вам будет угодно, Стэн.

Мужчина пролежал ещё несколько минут, вслушиваясь в механические звуки вокруг. Ему казалось, что комната, в которой он находится довольно большая. Больше, чем криокамера, в которой стоял его "саркофаг". Да и самого "саркофага" не было, он лежал, словно статуэтка в куске паралона, идеально вырезанного по форме. И отовсюду пахло металлом.

– *Вы можете встать, Стэн.*

Мужчина неуверенно пошевелил ногой. К его удивлению паралон оказался "живым" и даже разумным – он быстро стал менять форму, словно помогая Стэну спуститься. Босые пятки ощутили холодный пол.

– Куда идти? – растерянно пробормотал Стэн. Он ничего не видел, и боялся в темноте наткнуться на какой-нибудь агрегат. Кроме того ему было холодно – в камере он, разумеется, лежал без одежды. И одеться ему пока никто не предложил.

– *Прошу, Стэн.* – Голос прозвучал совсем рядом, и что-то мягкое, но холодное коснулось его руки. Мужчина вздрогнул, но тут же сообразил, что это. Это кисть – совсем как человеческая, с подвижными пальцами и широкой ладонью. Только сделана она из какого-то неизвестного материала. Киборг?

– Можно мне получить какую-нибудь одежду? – Кое-как справившись с удивлением, спросил Стэн. Киборг ответил:

– *В этом нет необходимости. Нагота нас не волнует.*

– Здесь довольно холодно, – уточнил мужчина. Хотя его как раз волновала собственная нагота.

– *Сейчас мы уйдём отсюда.*

И они ушли. Стэн медленно двигался в темноте, крепко держась за искусственную руку. Шагов спутника он не слышал, только мягкий, шуршащий звук. Через минуту (комната и правда оказалась велика!) впереди забрезжил свет. Стэн почувствовал, как замирает в груди сердце – от предвкушения, от тревожного ожидания. Что там? Там будущее...

– А где же люди? – Стэн смущённо посмотрел на своего спутника... вернее, спутницу. Встретившая его особа назвалась Джулией. Хотя внешне она ничем не напоминала женщину. Невысокое, стройное тело без каких-либо половых признаков, выполненное из непонятного Стэну материала – нечто среднее между пластиком и металлом. Вместо ног – несколько подвижных опор с маленькими шаровыми колёсами.

– *Человечество давно отказалось от физического мира, Стэн.*

– Как это?

Джулия подошла к стене, что-то нажала – и панели отошли в сторону, открывая гигантское окно. Или экран? Стэн подошёл ближе, пытаясь понять, что показывает ему новая знакомая.

– Что это?

На экране виднелось огромное помещение, заставленное стеллажами. Полки были забиты бесчисленным количеством одинаковых светло-серых кубов, примерно полтора на полтора метра.

– Это люди.

– Люди?!

– Человечество нашло средство достижения бессмертия, Стэн. После того, как учёным удалось создать систему полного копирования человеческого сознания, большинство людей предпочло избавиться от физических тел.

– Это что, как в Матрице?

– Что такое Матрица?

Стэн махнул рукой – объяснять было бы слишком долго. Взгляд его скользил по бесконечному лабиринту полок, а разум никак не мог признать, что это и есть – люди. Это – будущее...

– А как же космос? Наука? Медицина?!

– Люди отказались от освоения космоса. Поскольку они не нуждаются в физических телах, у нас появилась возможность значительно снизить потребление ресурсов, и нашей планеты стало достаточно для содержания всего человечества. Всё, что нам требуется, – это поддерживать работу Системы.

– И кто же этим занимается? – уточнил Стэн, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Машины.

– Такие, как вы?

Джулия неожиданно обиделась. То есть, её голос и тем более мимика не могли этого передать. Но она сказала довольно ясно:

– Мы – люди. То, что мы используем механические тела, не означает, что у нас нет разума. По-вашему, я разговариваю, как банальная программа?

– Я думал – искусственный интеллект, – смутился Стэн.

– Выдумка. Создать искусственный интеллект невозможно.

Стэн разочарованно покачал головой. Будущее? Люди, заключённые в коробки? Никаких космических кораблей, ничего, о чём он читал, о чём он мечтал...

– Я знаю, с какой целью вы были заморожены, Стэн, – произнесла между тем Джулия. – К сожалению, я не могу предложить вам услуги наших медиков. Как вы, наверное, поняли, у нас их нет. Но я могу обеспечить вам доступ к системе.

– То есть?

– Скопировать ваш разум. И уничтожить физическое тело.

Стэн долго думал, разглядывая пол под ногами.

– А как там... что они видят? Как они живут?

– Этого мы не знаем.

– Почему? Если вы – тоже люди, почему вы не вместе со всеми?

– Потому что есть ещё около пятидесяти таких же людей, как вы. Как только они будут разморожены и скопированы, мы присоединимся к остальным.

– А если я не захочу быть... скопированным?

– Вы умрёте. Поймите, у нас нет еды, воды, ничего, в чём нуждаются человеческие тела.

Стэн снова поднял взгляд на экран. Вот оно, будущее, которое ему так хотелось увидеть. Вот оно, будущее, о котором мечтали люди. Без болезней, смертей, войн, голода... Нехватка ресурсов? Истощение планеты? Личные амбиции каждого человека? Их больше нет!

– Так что вы скажете, Стэн?

Мужчина устало потёр виски. Вот то будущее, которого он хотел. Никакого рака. Никакой изжоги. Может быть там, в Системе, можно полетать на звездолёте. Интересно, когда его скопируют, он будет знать, что всё это – не по-настоящему?

– Можно, я пока посижу здесь? Недолго?

Джулия медленно кивнула.

– Как вам будет угодно. Если я вам понадобится, просто позовите.

Стэн остался один. И ему сразу нестерпимо захотелось обратно. В криокамеру, так живо напомнившую ему книжный космический корабль. И чтобы доктор Митчел сопел за спиной и убеждал его в безопасности эксперимента... И чтобы он, Стэн, ему не поверил.

Надежда ДВОРЦОВА (г. Новокузнецк)

ПУСТОТА и ОДИНОЧЕСТВО

Четвёртый час дежурства, около полуночи. А в наше отделение всё везут и везут. Избитых, порезанных, с переломанными руками и ногами. Этакое всеобщее помешательство – спать днём и бить, резать, жечь друг друга ночью. Ну вот, меня опять зовут, нужно отвести кого-то к слесарям. Ой, солидный дядечка в синем домашнем халате и пушистых тапочках, а вместо головы – как будто большая круглая тёрка. По дороге выяснилось – это не тёрка, а барабан от стиральной машинки. Оказывается, туда рубль упал, а дядечка решил его найти, рукой не нашарил – засунул голову. Зубами, что ли, хотел достать? Ну и, конечно же, застрял. Машинку разобрали, врачи «скорой», хихикая, доставили бедолагу к нам, и вот мы идём в другой корпус, снимать это украшение.

Ох, навстречу Катерина с перевязочного. Ресницы – во, ноги лошадиные напоказ, мордой в потолок – гордая, плечами качает, не замечает. А дядечке эта красота по барабану! По железному! Ну и обломись, мы с ним тоже гордые. Беру дядечку под ручку и интимно наклоняюсь к его барабану. Кошусь назад – стоит, отвесив челюсть, провожает нас взглядом. Отлично, сплетня обеспечена, так пусть же эта

сплетня будет яркой! Отвела пациента, захожу в отделение – и опять меня кричат с того конца коридора, анализы отнести. Господи, не присесть, всё бегом да бегом, опять срочно. А в свободную минутку присядешь – слова молвить не с кем, все только орут да работёнки подкидывают.

– Хорошо, Василь Иванович, обязательно сбегаю, вот только анализы ... Ай, ну вы чего? Больно же!

Вот гад противный, опять щипается! Прямо не поворачивайся к нему тылом! Ёлки-палки, деду под шестьдесят, а всё туда же! Ух, зайду к нему с этими анализами, да всю мочу на лысину! Ага, размечталась! Врача, старейшего работника! Тогда уж сразу с местом прощаться.

– Оль, привет!

Ольга – это наша лаборантка. Дай ей волю – и коматозника заговорит до смерти, легко.

– Ой, Лен, а ты чего сегодня на рапорте не была? – вот, затрещала! – Начальство по тебе так проезжалось, так чморило! В основном, конечно, говорили, что ты нерасторопная. Больных полон коридор, а ты с ними лясы точишь!

– Лясы точку? Ну ладно, тогда я пошла работать, мне некогда.

Лихо скрипнув резиновыми тапками на повороте, удаляюсь быстрым шагом. Мне даже не надо оглядываться, я прекрасно знаю, что у Оленьки сейчас лицо дебила, у которого отняли конфетку. Она так надеялась со мной потрещать, да чтобы дежурный врач это заметил!

Насчёт разговоров с больными... много вы наговорите без сознания, с сотрясением мозга или с парочкой переломов? Мне, может быть, и хотелось бы пообщаться с пациентом, узнать, как его к нам занесло, но им не до рассказов – только шипят да матерятся от боли. Вот сестричкам в отделении над нами хорошо – пациенты отмыты, зашиты, загипсованы, а страдают по большей части от скуки. И напрочь не помнят, кто их вчера отмывал от крови и грязи, вытирал им сопли и терпел их маты.

– Ой, извините, Иван Андреевич, задумалась! – Это я налетела на дежурного хирурга. Вот тут даже неплохо, что ночка тяжёлая выдалась, а то снова приставать бы начал. Пристаёт будто по дурной привычке, липко и скучно. Всерьёз я ему не интересна – мало ли по отделению сестричек бегают. Он, по ходу, даже не помнит, кто ему постоянно отказывает. Достал! Затрахал всё отделение, и всех, похоже, в переносном смысле.

И вот так я живу каждый день и почти каждую ночь. Карусель, круговорот, уже ничего не хочется, всё омертвело. Дни и недели свернулись в кокон из пустой беготни и мелочных, никому не нужных дел. А внутри кокона прямо-таки космическая пустота, куда потихонечку утекает моя жизнь. Грустно. Пришла из училища помогать людям, избавлять их от страданий. Где они, мои розовые мечты и голубые идеалы? Мне двадцать два года, а я – старая, усталая лошадь, которую переехал асфальтный каток. Ох, куда б деться отсюда, от этой вони, грязи,

от интриг этих подленьких, от похоти и равнодушия! Одиночества хочу! Тишины и о-ди-но-чест-ва!!! Оу-у-у! – Я подняла голову к лампам коридора, тихонько повыла. И туда смотреть противно! Грязные, пыльные, жужжат мерзко и горят через одну. О-у-у-у!

Ладно, анализы определила, жаль, что не за шиворот кому-нибудь, теперь посидеть в уголочке, минут на десять ноги вытянуть, а то совсем не ходят, шнурки бледные ...

Открываю глаза – ночь, рядом потрескивают угли костра, ноги замёрзли, к спине тяжело привалился кто-то тёплый. А где одеяло? Блин, я в мешке лежу, в спальнике синтепоновом. Вот это да, приснится же... хотя очень уж свежий воздух в моём сне, за щёки так и кусает. Да что же это такое, люди? Куда я попала? Ага, а рядом с костром – куча сухих веток. Подбросить для начала – куда бы ни попала, а нос-то мёрзнет! Мамочки, какой огромный пёс дрыхнет рядом, привалившись к моей спине! Серый, пушистый. Попробую тихонько вылезти, может, не цапнет...

– А-А-А-А-А!!! – От моего крика посыпался иней с деревьев, вскочил и залаял пёс.

Это я, решив согреть руками лицо, обнаружила на нём БОРОДУ! Ужасную, жёсткую и колючую! Что же это делается, ёшкин кот! И руки такие огромные, как лопаты, шершавые все – ужас какой-то! Плечи широкие, талии нет почти ...

Хорошо, что за низ живота я схватилась, уже немного подготовленная. А то так и скончаться от страха можно! Н-да, и как мне вот с этим вот жить?

Подкинула в костёр, села, пригорюнилась. Ветки занялись, затрещали, пёс успокоился, сел рядом. Я нашупала ружьё, отложила в сторонку. Не люблю оружия! А вот и рюкзак; развязав, я рассеянно изучала его содержимое. Потом, тяжело вздохнув, открыла банку тушёнки, поставила её к огню, отрезала хлеб. Получила, называется, тишины и одиночества по полной программе. А с ними в придачу, ёшки-тетёшки, и ещё кое-что!

Костёр уютно потрескивал, ветер шуршал о вечности, а деревья вокруг тихонько качали в такт серебряными лапами. Пёс преданно заглядывал мне в глаза, намекая на поздний ужин. Спасибо тебе, милый! Без тебя бы я тут совсем...Что же, перекусили, залезла опять в спальник. Ну точно не усну после такого стресса, так хоть погренюсь!

Ах, каким солнечным выдалось утро! Что белее – облака или снег? Наверное, снег – на тёмных хвойных ветках, на пожухлой траве он лежит такой свежий, чистенький. И какой вкусный, морозный воздух! Кажется, приключение начинает обретать и положительные черты! Я с трудом справилась с утренним туалетом, перекусила, и, обнаружив недалеко тропу, – двинулась по ней. Рюкзак удобно лежит на спине, ружьё на плече

совсем не кажется тяжёлым – пожалуй, пройдуся, не сидеть же тупо посреди леса! Лес поздней осенью – оказывается, это здорово! Синее небо в просветах еловых крон, под ногами хрусткий снежок, под ним мягкая трава, а по снегу следы – много следов, большие, маленькие. Как жаль, что я не умею их читать! Деревья огромные, стоят тихо-тихо, мудро поглядывают на меня, такую мелкую. Тропу пересёк ручей, сверкают под солнцем ледяные крошечки. От воды в ручье заломило зубы и руки – я напилась из горсти и долго потом не могла согреть эти грабки. Ух ты, какая прелесть! В ручье полощется травинка – а у неё на кисточке намёрз хрустальный шарик, и звонко плюхает по маленьким волнам, рассыпая солнечные блики по берегу. Ой, какая огромная чёрная птица опустилась на ветку! Наверное, глухарь. Или тетерев какой-нибудь. Поглядел, наклонив голову с красными бровями, подпрыгнул, снялся, шумно забив крыльями. И снова тихо, только слышен голос ручья и звенят-шуршат синички в ветках огромной ёлки ...

Открыла глаза – Олино лицо, вглядывается внимательно, отскочила, молчит ...

– Что, чудовище увидала, красавица? – господи, как же мне в таком виде с ней теперь общаться? Небрежно потягиваюсь, провожу по лицу. Ура! Бороды нет! Значит, и всё остальное исчезло, как страшный сон, а я пришла в себя в прямом и переносном смысле!

– Лен, а ну-ка объясни, чего ты мне сейчас подмигивала? – потребовала Оля.

– Как подмигивала?

– Много-обе-щаю-ще!

– Знаешь, Оль, у меня иногда нервный тик бывает, не бери в голову!

Так я ей и рассказала! Сама ещё, ежовый корень, не разобралась, Ольга мне тут не помощница.

– А, так это ты от нервов Василь Иваныча по стенке размазала? – хихикнула Оля.

– Ну-ка–ну-ка, расскажи подробнее, спросонья голова раскалывается, ничего не помню.

– Да ты тут вообще шалила по полной программе! Идёшь впереди меня по коридору, и во все двери заглядываешь, как будто ищешь кого-то. А тут этот старый пердун тебе навстречу. Да как щипнёт пониже талии! А ты его матом! Да гомиком перезрелым! Да ещё как-то заковыристо, уж и не помню! К стенке притиснула, он аж ножонками засучил, замакал, забекал. Ну, потом ты его на пол поставила, халатик ему заботливо поправила и спокойно удалилась. Слушай, а где ты так вывихи вправлять научилась?

Ой, ёлы-палы, ни себе чего! Кому чего я тут ещё вправила? Теперь прощай травмотделение, что ли?

– Чего молчишь, и этого не помнишь? – это опять Ольга. – Ты к мужику, который с гололёда, подкатила, а тот давай тебе жаловаться, что к нему уже два часа никто не подходит. Ты одеялко-то ему откинула, головушкой покачала, да как его за руку – раз! Он взвыл, а ты бормочешь, что рука от копыта сильно отличается, мол, не сердчай, если что. Дядька смолк, рукой покрутил, с каталки прыг – и на выход. А ты уже следующего расспрашиваешь, как его так угораздило. Тут Иван Андреич выглянул, чего-то насчёт быстренько сбежать ему за сигаретами. Ты его спокойно так, не торопясь, послала. Сначала туда, потом за сигаретами. Он, прикинь, быстренько сбежал, и вы уселись курить. Я и не знала, что ты куришь! «Приму»! Как он на тебя смотрел! Лен, прикинь, ты ему получаса про привычки дырок, ой, то есть, норок, вкручивала. Ей-богу, не вру! Я мимо как пробегу – всё норки да хорьки какие-то! Потом его позвали пациента шить, а ты меня за халат поймала, рядом усадила и давай заворачивать, как пусто в тайге одинокой душе, как по ночам ветер с волчьим воем соревнуется! Будто ты не из училища, а из глухого леса к нам пришла! Одиночество, говоришь, пустота, страшное дело, сидишь там и воешь под ёлкой с кобелём на пару. Лен, кто у тебя кобель, скажи, а? Я, правда, не поняла!

А у меня перед глазами – жаркий костёр в лесу, добрая собачья мордаха, запах дыма и хвои...

Дальше жизнь, взбрыкнув, закрутилась своим чередом. Если, конечно, этот кошмар можно назвать жизнью. Одно неплохо: Василий Иваныч, увидев меня в коридоре, теперь шустро ныряет в свой кабинет и щёлкает замочком двери. А Иван Андреич пристаёт только насчёт покурить. И упорно не верит в то, что я не курю. Вот зануда! Гонять меня меньше не стали, а женская часть отделения поглядывает как-то странно. И такая тоска по ночам, когда убегалась до смерти, ноги гудят, и ждёшь, что каждую минутку могут окрикнуть, отправить, заставить! Господи, пусто как, даже поплакаться некому! Там, в лесу, хоть собака была! Теперь, ненадолго засыпая на дежурстве, я мысленно запускаю пальцы в серебристую шерсть. Она мягкая, пушистая, а печка так славно трещит, и руки у меня опять огромные... ЧТО? Опять эти грабки, эти широкие плечи... ну, и всё остальное? Так, ёшки-тетёшки, снова отдыхаем от работы в чужом уютном теле? Люди, да что же это такое? Ладно, уймись, не блажи, второй раз, кажется, уже не так страшно. Осмотрелась – бревенчатые стены, керосиновая лампа, за окошком висит огромная луна. Ну что, пёс, не будем рушить традиции, покушаем – и баиньки? Где у нас тут тушёнка, а, серенький?

Проснулась от холода – за ночь печка погасла, изба остыла. За окном сияло позднее утро. Ничего себе, неплохо выспалась! С трудом натянула тяжёлую одежду, слегка запутавшись жутко волосатыми ногами в широких штанах, побежала во двор. А двора-то и нет! Стоит маленькая избушка среди глухой тайги. Хорошо, что утоптанная тропа от крыльца

через лес тянется. Ладно, оставлю пока всё как есть, отдохну немного. А если надолго в этом теле застряну – пойду по дорожке к людям. Печка почему-то никак не хотела растапливаться, плевалась дымом прямо в глаза. Но я всё равно справилась и, когда огонь загудел ровно и надёжно, почувствовала, что совершенно по-дурацки улыбаюсь. Не знаю, как долго на этот раз придётся здесь быть, но, ёшкин свет, мне это нравится, точно! Поставила на печку старенький чёрный чайник, чугунный котелок с водой, нормальную кастрюлю не нашла – и снова вытянулась во весь рост, попутно отметив, что лежу на дощатом настиле, щедро укрытом упругими хвойными ветками. Ничуть не хуже кровати, честное слово! А как пахнет! Вдруг мой пёс – жаль, не знаю, как его зовут – подошёл к двери и гавкнул. Дверь отворилась, на пороге стоял бородатый кряжистый мужик.

– Петрович, ты чего, зараза, так долго спишь? Я тебя, б, боялся и не застать уже, а ты, б, вот он! Не приболел? – я помотала головой, ошеломлённая его громким басом. Тут из-за его плеча показался ещё один, худой и без бороды. Одеты оба были в какую-то чёрную с зелёным форму, по воротнику с дубовыми листьями, я такой никогда не видела.

– А это к нам Иван Андреич, из области, с проверкой! Прошу, на, любить и, это, жаловать!

Даже в тайге – и то свой Иван Андреич нашёлся! Интересно, а этот тоже будет приставать? Ой, я же теперь такая большая, вся из себя мужская, наверное не будет. Ошибочка! Даже не присев, начальство занялось моим воспитанием. Мерзким гнусавым голосом, постепенно распаяясь, оно кричало, что животным корма не завезли, сушняк не вывезен, работа по восстановлению леса не ведётся, в общем, собаки не доены и муравьи не кормлены. А я ему даже возразить не могу – откуда мне знать, что я должна была делать? Я слушала, а волна праведного гнева, родившись в груди, грозно поднималась, и наконец затопила всё пространство между ушей. Как? Пережить такое превращение, оказаться в глухом лесу в огромном неуклюжем теле – и даже здесь нашлись желающие сесть мне на шею? Да ни за что! Завизжав басом, я бросилась в атаку. Четыре классных царапины украсили побледневшие щёки проверяющего, а я развила успех, схватив и выплеснув на него весь котелок. Жаль, вода в нём даже не успела нагреться. Незваные гости быстренько выкатились за порог, и мой пёс долго лаял им вслед. Я опустила на лежанку, так дрожали колени, часто подышала, потом понемногу успокоилась. Да, кажется у этого парня, ну, в чьём теле я нахожусь, теперь будут неприятности.

Прошли сутки, больше нас с собакой никто не беспокоил. Я вволю выпалась, отдохнула и немного подъела запасы продуктов. А прибираясь в избушке – нашла деньги. Значит, надо сходить в магазин. Ну, правда же? А то хозяин в своё тело вернётся – а оно, бедное, голодное, и еда в

доме кончилась. Ну и немного оглядеть окрестности мне совсем не помешает. Собралась, вышла – и дальше обрыв, не помню.

Проснулась на больничной кровати. Почему человек сразу понимает, что кровать больничная? Да потому что продавленная, скрипучая и пахнет мерзко. В окошко глядел пасмурный вечер, на соседних кроватях лежали и сидели, бормоча и вскрикивая, какие-то лохматые старухи. На меня они не обратили ни малейшего внимания, и я выскользнула в коридор. На стене прямо напротив палаты висел стенд: «Ветераны психиатрического отделения № 2» и снимки бодрых старушек в белых халатах. Я хихикнула – это что, те, кто здесь часто лежит? И тут до меня дошло... ой, а ведь я, наверное, тоже здесь теперь лежу! Допрыгалась, ёлки-метёлки, во всех смыслах допрыгалась! Ой-ой-ой, мамочка родная, как же мне теперь свою нормальность доказывать? Я прижалась лбом к стеклу коридорного окошка, обхватив плечи руками: из окна немилосердно дуло. Наверное, с работой теперь придётся проститься – ведь если я очутилась здесь, то парень в моём теле накуролесил побольше, чем я – в его. Накуролесил и сбежал к себе, паразит! В свой уютный домик посреди тайги сбежал, к моему славному пёсику! Ничего, он ещё не знает, в смысле – парень, а не пёс, как к нему теперь начальство из области относится! Вдруг за спиной послышались торопливые шаги и голоса:

– Пошли скорее, там мужика вертолётom МЧС доставили! Здоровенный такой, справиться не могут! Говорят, от одиночества крыша съехала. Ну, чего возишься? – железная дверь грохнула, лязгнул замок, отсекая меня от выхода на свободу. Да, крыша съезжает не только от тоски, но, оказывается, и от одиночества... За окном медленно падали крупные снежинки, качалась ветка клёна с остатками сухих листьев, неприятно скребла по стеклу. Такое вот, ёжики зелёные, у меня теперь одиночество, и оно меня вовсе не радует. Я совсем замёрзла и ушла в палату.

Ночь была ужасной, мои соседки бормотали, чесались, кашляли и храпели. Так что, едва дождавшись подъёма, я снова вышла в коридор и устала в окошко. Когда же будет беседа с врачом? Вспомнив, как долго ждут врача экстренные больные в нашей «травме», я приуныла. Но, может быть, остатки знаний по психиатрии помогут мне выкрутиться? Ох, дурочка я, ну точно сумасшедшая! Ноги вдруг ослабли, и я присела на кушетку. Ведь беседа с врачом, скорее всего, уже состоялась, когда меня в это отделение доставили. Только говорила-то с ним не я... представляю, чего бедный врач наслушался! О мужской-то душе да в женском теле! Интересно, я здесь никого по стенке не пыталась размазать? Вот, зовут на завтрак... кажется, на моей тумбочке стоят железные миска и кружка? Ладно, пойду, гляну чем кормят, всё равно больше делать нечего.

И подняв глаза – замерла на пороге столовой.

Угрюмо сидит в уголочке, уныло опущены плечи.
Знакомые руки застыли, большие, широкие руки.
Потом поднял взгляд – и замерло что-то со звоном.
Все звуки ушли вдруг куда-то, забрав с собой запах.
Лишь миска и кружка катились, беззвучно и странно.
Три шага, тихонько, неслышно, три шага.
– ...Ну, здравствуй...

Александр КЕСЛЕР (г. Кировоград)

ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ

Стас угрюмо брёл по пустым улицам, обходя кучи мусора, канавы и каркасы того, что некогда было автомобилями. Где-то вдали зловеще поскрипывала оконная рама, которую раскачивал ветер. В царящей вокруг тишине этот скрип казался особенно громогласным, режущим слух звуком. На его пути то и дело возникали кустарники сорняков в рост человека, пробившие себе дорогу жизни сквозь слой асфальта. Стас огибал эти заросли и уверенно шёл дальше. Брошенный город-призрак был мёртв и пуст. Не было слышно даже щебета вездесущих воробьёв, которые покинули это зловещее место, давно склевав здесь то, чем можно было поживиться.

Так и не встретив на своём пути ни одной живой души, Стас дошёл до серого мрачного здания, взиравшего на окружающий мир пустыми глазницами оконных проёмов. По периметру территории, примыкавшей к зданию, торчали покосившиеся бетонные столбы бывшего некогда ограждения, напоминавшие проеденные кривые зубы старца. Местами столбы осыпались, обнажив взгляду своё нутро – ржавые прутья каркаса. Взирая на столь неприглядную картину, Стас вспомнил подобные брошенные дома, которых повидал за годы службы немало. Одни были разрушены снарядами, другие – просто оставлены жителями, спасавшимися от надвигающегося огненного смерча войны.

Вокруг здания колосился лес таких же кустов из сорняков, как и на улицах города. Огибая их, Стас проследовал в дальний угол двора – к цели своего путешествия. Заказчик рассказывал, что когда-то здесь была некая научная лаборатория. Учёные умники, как это часто бывает, открыли какой-то очередной ящик Пандоры, после чего их самих и городок пришлось спешно эвакуировать. Место это, считавшееся проклятым, люди обходили десятой дорогой. Со временем о городке и об этой истории все благополучно забыли, тем более, что место, где располагался городок с лабораторией находилось у чёрта на куличках. Так всё было на самом деле или заказчик рассказал это для пущего страха, Стас точно не знал. Но открывшийся его взору пейзаж подтверждал, что какой-то катаклизм в этих местах таки случился.

Бункер, как и говорил Петрович, находился глубоко под землёй, и располагался именно в том месте, которое было указано на карте. Место это Стас нашёл без труда, а вот с крышкой люка, которая заржавела и прикипела к проёму, пришлось повозиться. Открыв вход, он облачился в защитный комбинезон, хотя никаких вредных или опасных веществ его универсальный сканер не зафиксировал. «Бережёного Бог бережёт, – решил Стас. – А не бережёного беда стережёт».

Спустившись в сливной коллектор, он осветил дорогу лучом мощного фонаря и двинулся в путь. Дверь в бункер располагалась за поворотом, сливаясь с полукруглой стеной коллектора, и непосвящённый никогда бы её не заметил. Стас отыскал дверь сразу, поскольку знал что и где искать. Вскрыв её, он спустился ещё на один уровень, приближаясь к цели. В тот миг Стас и предположить не мог, что датчики движения, о которых его никто не предупредил, уже зафиксировали проникновение на объект постороннего.

Его шаги гулким эхом разносились по пустым бетонным коридорам, которыми Стас передвигался совершенно спокойно, ни от кого не таясь. Имея на руках схему, любезно предоставленную заказчиком, он быстро отыскал нужную дверь. Она была круглой и похожей на дверь сейфа банковского хранилища. Стерев ладонью пыль с замка, расположенного по центру двери, Стас ввёл нужный код и, затаив дыхание, прислушался к происходящему в металлическом чреве двери. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем раздался лязг защёлки замка. «Отлично! – подумал Стас. – Пока всё идёт по плану». А затем навалился своим могучим корпусом на массивный, толщиной в полметра металлический диск, заставив дверь плавно приоткрыться. Дверь двигалась без малейшего скрипа, словно её установили здесь только вчера, обильно смазав петли маслом.

Всё выглядело именно так, как и рассказывал Хитрый: посреди огромной пустой комнаты возвышалась гора металлических банок цилиндрической формы, похожих на банки от колы, только закупоренные крышками. Казалось бы, дело сделано. Стасу только и оставалось, что взять один из контейнеров – первый попавшийся, закрыть за собой дверь, и отправиться за причитающимся вознаграждением. Но любопытство сыграло свою роковую роль, возобладав над здравым смыслом.

* * *

Стас с детства не любил, когда кто-то диктовал ему условия. В таких случаях он всегда поступал по-своему и обязательно вопреки требованиям, даже если оказывался из-за этого в проигрыше. За свой тяжёлый характер он и получил прозвище «Скорпион», по аналогии с историей о скорпионе и жабе. Скорпион знал, что погибнет, но всё равно на середине реки ужалил жабу, которую уговорил перевезти его на другой берег. Просто скорпион не может не жалить – в этом его сущность. Стас, благодаря своему острому языку и непростому, норовистому характеру

был таким же. Поэтому до высоких чинов и званий он не дослужился, а после своего выхода в отставку, в звании майора войск спецназначения, ни на одной работе подолгу не задерживался.

Последние полгода Стас попросту бездельничал, благо пенсии на жизнь хватало. Он не проявлял ни малейшего беспокойства по поводу отсутствия работы, и дополнительного заработка. Стас резонно рассуждал: «Была бы шея, а ярмо на неё найдётся. Кто-нибудь рано или поздно да вспомнит о старом служаке, и какая-нибудь работёнка наверняка подвернётся со временем».

Как ни странно, но его теория себя оправдала, и именно так всё и случилось. В один из дней, похожих друг на друга как две капли воды, ровно в восемь часов утра затрещал видеофон, чем привёл Стаса в состояние негодования. Он нехотя встал с постели, нажал кнопку приёма, совершенно не беспокоясь по поводу своего внешнего вида – в коем его, непременно, должен был увидеть собеседник на другом конце линии, и, не скрывая недовольства, буркнул:

– Кому там не спится в такую-то рань?

На экране видеофона расплылась в улыбке елейная физиономия одного из бывших работодателей Стаса, Григория Петровича Хитрого. Господин этот возглавлял компанию, занимающуюся разработкой нетрадиционных эксклюзивных видов оружия, которые затем успешно продавал по всему миру. Фамилия этого человека вполне соответствовала его характеру. Стас целых три месяца проработал у него телохранителем и даже предотвратил одно покушение на бывшего шефа. Ему было достаточно одного взгляда, брошенного на монитор, чтобы понять, что за маской неискренней доброжелательности скрывается определённый интерес к его персоне, светившийся в глазах Хитрого.

– Узнаю Скорпиона, – произнёс тот, продолжая доброжелательно улыбаться. – Привет, Стас. Хотел спросить как дела, но и сам вижу, что не блестяще.

– Нормально у меня дела, не жалуюсь.

– А может, стоило бы? – с нотками ехидства в голосе поинтересовался Хитрый.

– Как я понимаю, Петрович, ты не для того позвонил, чтобы моими делами, здоровьем там поинтересоваться или о погоде потрендеть. Так что, давай – выкладывай, что у тебя стряслось и для чего я тебе понадобился?

– Как был ты, Стас, грубияном, так им и остался. Никакой дипломатии. Но тут уж, как говорится: горбатого могила... – вздохнул Петрович, и улыбка сползла с его лица. – О деле, так о деле. Есть одно подходящее для тебя. Возьмёшься?

– Если дело стоящее, отчего не взяться? – не проявляя внешне особого интереса к предложению, согласился Стас, учуяв, что запахло деньгами. А это значило, что нужно вести себя сдержанно. – Ты мою таксу знаешь.

– Я даже знаю, что ты уже полгода без работы сидишь, – ехидно улыбнулся Петрович.

– И что с того? – ошетинился Стас. – Мне и пенсии на жизнь хватает. А если надеешься меня за дешёво купить, то не по адресу обратился. Не нуждаюсь я, Петрович. Так что – бывай.

Увидев, что Стас собрался нажать кнопку, прервав, тем самым, их беседу, Петрович поспешно затрепал:

– Ладно тебе, не лезь в бутылку. Таксу твою я знаю. Подъезжай к обеду в офис – обсудим детали.

– До встречи, – сказал Стас и отключил видеодфон.

Как и было условлено, уже к часу дня Стас сидел за круглым столом, в прямом и переносном смысле, в офисе Хитрого и вёл с ним переговоры.

– Дело, как ты понимаешь, конфиденциальное, – начал Петрович издали. – Ты выполняешь работу – я плачу, а затем мы забываем, что были знакомы. Вкратце схема такова.

– Пока ты снова меня не дёрнешь?

– Ну, там видно будет, – уклончиво ответил Петрович и уточнил. – Принимаешь условия?

– Прежде чем ответить, я хотел бы знать, хотя бы в общих чертах, суть работы.

– Всё узнаешь, но только после своего согласия, дружище. Могу только сказать, что она тебе по силам и ты справишься. Иначе я к тебе не обратился бы.

– Ох, темнишь ты что-то, Петрович. Чую, что в какой-то блудняк меня хочешь втравить и всучить мне kota в мешке.

– Обеспечить тебе, дураку, безбедную старость. А ты ещё и артачишься. Работа плёвая и риск минимальный, но не исключается возможность внештатной ситуации, почему, собственно, к тебе и обратился.

– Помнится, когда мне последний раз обещали плёвую работу, я потерял пять человек из своей роты. Не верю, знаешь ли, в халявный сыр.

– Сравнения у тебя, Стас. Я же тебя не на войну отправляю, а на прогулку, можно сказать.

– А что же ты сам не прогуляешься?

– Далековато туда добираться, а у меня дела. Встречи с клиентами на месяц вперёд расписаны, третий год без отпуска работаю. Короче, Стас, берёшься за работу или мне другого исполнителя искать?

– Ну, чёрт с тобой, старый лис, ты и мёртвого уболтаешь, – хряснул по столу здоровенным, как кувалда кулаком Стас, и добавил: – Согласен, открывай карты.

* * *

Он поднял с пола ближайший к нему контейнер, оценивающе повертел его в руке, прикидывая вес и рассматривая. «Интересно, что за хрень хранится в этих банках? – подумал Стас, отметив: – Весит прилично,

несмотря на то, что маленькая». Затем он решил протестировать контейнер, что не входило в условия договоренности.

Никакой радиации тот не излучал. Состоял он из внутренней и внешней оболочек, как показал рентгеноскоп, между которыми просматривались какие-то микросхемы. Что хранилось внутри контейнера, рентгеноскоп не отображал, словно тот был пустым. «Занятно, – подумал Стас, – по логике вещей внутри однозначно что-то должно быть. Иначе зачем, спрашивается, весь этот сыр-бор?» И вместо того, чтобы дальше неукоснительно последовать инструкциям и быстренько убраться восвояси, он попробовал отвинтить крышку контейнера. Из этой затеи ничего не вышло, и крышка не поддавалась, словно была приварена к банке. Тогда Стас уселся на корточки, и попробовал подковырнуть её ножом. После нескольких минут упорного затупления широкого лезвия охотничьего ножа, между корпусом и крышкой появилась узенькая щель. Довольный проделанной работой, Стас оценивающе осмотрел плоды своего труда, а затем тряхнул банку, прислушиваясь к звукам внутри. Внутри всё было тихо и ничто не предвещало беды. Стас повертел банку в руке, а затем разочарованно бросил её к подножью пирамиды таких же контейнеров, решив, что только зря потратил на неё время и силы. Она звонко ударилась о бетонный пол, после чего всё и началось.

Вначале через образовавшуюся щель из банки потянулась струйка не то пара, не то дыма, которая с каждой секундой разрасталась и вскоре преобразовалась в полноценную дымовую завесу, повисшую перед Стасом. В первую секунду рука инстинктивно потянулась к противогазу, который Стас запасливо прихватил с собой. Но почувствовав, что газ не вызывает ни слёз, ни рвотного рефлекса и удушья, а глаза не вылезают из орбит, немного успокоился.

А затем раздался вопрос, звучавший откуда-то из-под потолка: «Чего желаешь, хозяин?» Ситуация была дурацкой. Желаний у Стаса было хоть отбавляй, но в данный момент он впал в некий стопор, объясняющийся закономерным следствием стресса от всего происходящего, и ничего путного на ум ему, естественно, не приходило. Он-то надеялся, что в банках этих здесь спрятано что-то ценное – вроде золотых монет или каких-то секретных научных разработок, а получалось чёрт знает что – и сплошные непонятки.

– Ты кто такой будешь? – резонно поинтересовался Стас, собравшись с мыслями и духом, задрав голову к потолку, и силясь рассмотреть полупрозрачного собеседника.

– Я Садык, – ответило существо, голова которого с остроконечными ушами, венчавшая «дымовую» завесу, упиралась в потолок. – Последний отпрыск своего рода.

«Садык, говоришь, – подумал Стас про себя, подавив бушевавшие внутри эмоции усилием воли и заставив мозг работать рационально. – И с

какого перепугу я тебе хозяин, последний отпрыск?» А затем мозг Стаса, переварив информацию, полученную за несколько последних минут, выдал очередной вопрос, который тот и озвучил:

– Так ты говоришь, Садык, что можешь выполнить любое моё желание?

– Три желания, хозяин, но не больше, – объяснил положение дел джинн.

«Прикольно», – подумал Стас, чувствуя, как волна восторга накатывается на него, накрывая с головы до самых пяток. И в этот миг произошло то, чего он не ожидал и на что совершенно не рассчитывал: дверь за его спиной неожиданно захлопнулась и раздался уже знакомый металлический лязг замка.

– Что за дурацкие шутки?! – заорал Стас, подскочив к двери и руководствуясь скорее инстинктом самосохранения нежели здравым смыслом, навалился на неё, пытаясь открыть. Полуметровая твердыня естественно не сдвинулась с места ни на дюйм. И тут до сознания Стаса донёсся голос, который он услышал с противоположной стороны двери – из коридора:

– Несанкционированное проникновение на объект блокировано.

– Эй, приятель, выпусти меня отсюда! – тоном, звучавшим скорее как приказ, нежели просьба, потребовал Стас.

– Это исключено, – ответили из-за двери. – Кроме того, во избежание нежелательных последствий, хранилище будет обработано сигма-излучением. Обработка будет включена через десять минут. Отсчёт времени запущен.

«Не хилая заявка, – подумал Стас. – Хрен его знает, что за излучение такое, но думаю, здоровья оно мне не прибавит». И попытался воззвать собеседника к помощи, не особо рассчитывая на успех:

– Ну, будь ты человеком, открой эту проклятую дверь.

– Это невозможно.

– Почему?

– Я не могу быть человеком, я Хранитель. Я руководствуюсь заложенной в мой мозг программой и строго следую её требованиям.

«Робот, – сообразил Стас. – С ним точно не договоришься. Ну и влип я в историю, причем по самое не балуй». И вдруг его осенило. Он повернулся спиной к двери и навёл луч фонаря на «дымовую завесу» – Садыка, который молча и невозмутимо наблюдал за всем происходящим из-под потолка.

– Кажись, Садык, пришёл твой звёздный час, – обратился Стас к джинну. – И назревает острая необходимость в исполнении моего первого желания.

– Слушаюсь и повинуюсь, хозяин, – высокопарно ответил Садык тоном, свидетельствующим о его готовности к действию. – Что ты желаешь?

– Не торопись, приятель, – охладил его порыв Стас. – Прежде, чем мы отсюда свалим прямёхонько в мою квартиру, я хотел бы кое-что прояснить. Дело в том, что насчёт какого-то Хранителя меня никто не предупреждал... – и тут он осёкся. – Или, может, это и есть та нештатная ситуация, на которую Хитрый намекал? Да и кроме этого накопился целый ряд вопросов. Воспользуемся, для внесения ясности, оставшимися девятью минутами, а потом стартуем – по моей команде.

А затем, вновь повернувшись к двери, Стас спросил:

– Ты ещё здесь, Хранитель?

– Я покину место проникновения только после устранения угрозы и проведения всех необходимых, предусмотренных инструкцией, мероприятий.

– Это похвально с твоей стороны, – одобрил беспрекословное выполнение роботом его обязанностей Стас. – А можешь ты мне кое-что объяснить, пока мы тут томимся в ожидании своего неминуемого конца? Ну, чтобы как-то скоротать оставшиеся минуты жизни?

– Спрашивай, – дюбезно позволил Хранитель.

– Что это за хранилище и что здесь хранится?

– Ловушки с аномалами.

«Во как!?» – удивился услышанной новости Стас, а вслух спросил:

– Кто такие аномалы? И откуда здесь столько этого добра скопилось?

– Аномалы – это нематериальные субстанции: призраки, демоны, вампиры и прочие индивидуумы, незаконно проникшие на территорию планеты из параллельного мира. В результате проведённых службой СОС спецопераций все отловленные аномалы были помещены в это хранилище.

«Понятно, экстрадиции с параллельным миром наши предки заключить не удосужились, вот и устроили здесь эдакую тюрьму», – саркастически подумал Стас и задал следующий вопрос:

– А что за служба такая СОС и что за спецоперации она проводила?

– СОС – Служба Очистки Среды – секретное спецподразделение, созданное в конце двадцать первого века для борьбы с аномалами. Спецоперации по отлову аномалов осуществлялись спецотрядами СОС, воздействуя на них сигма-излучением парализующего действия при помощи секретного оружия, созданного учёными для борьбы с аномалами, под кодовым названием «Дудка Нильса».

«Чем дальше, тем интереснее, – подытожил услышанное Стас, глянув на часы и констатировав, что у него остается ещё четыре минуты в запасе. – Так следует понимать, что это долбанное сигма-излучение для людей не вредно. Уже легче, но вот Садьку от него точно не поздоровится».

– Какой принцип действия этой Дудки Нильса? – задал он очередной вопрос.

– Акустическое воздействие на объекты на частоте, к которой те восприимчивы, что подавляет волю, а затем втягивает их в ловушки,

которые здесь хранятся.

– Остались ли где-то на Земле Дудки Нильса сегодня?

– Они вмонтированы в контейнеры-ловушки, – невозмутимо ответил робот-Хранитель.

Теперь Стас знал практически всё, во что его не посчитал нужным посвятить работодатель. Он бросил беглый взгляд на часы, затем схватил с пола контейнер-ловушку джинна и крикнул:

– Садык, пора. Поехали.

* * *

Не успел Стас моргнуть глазом, как тут же оказался стоящим посередине своей квартиры с контейнером в руке. Он тут же плюхнулся в стоявшее рядом кресло, перевёл дух и предался размышлениям: «Ну что же, господин Хитрый, подставил ты меня. Не захотел прямо сказать: «Так, мол, и так. Принеси-ка ты мне, Стас, из бункера Дудку Нильса – оружие такое секретное, что в контейнер встроено. Но имей в виду, объект может охраняться, а это несколько опасно для жизни, причем настолько, что можно и домой не вернуться». Тогда бы я трижды подумал, стоит ли оно того? А то про какую-то нештатную ситуацию как-то вскользь намекнул, типа предупредил. Хитрый он и есть хитрый. Беспроигрышный вариант придумал. Если у меня всё выходит, то я приношу ему то, что он заказал. Если погибаю – платить мне не надо, а на сэкономленные деньги можно другого исполнителя нанять. И так до тех пор, пока кому-то повезёт. При любых раскладах он в выигрыше.

«Вот только не люблю я, когда меня пытаются использовать вслепую, – и злорадно подумал: – Придется тебе теперь ответить, раз уж я вернулся. Окажись в том контейнере не Садык, а какой-нибудь вампир или демон – кранты бы мне. И раскопал же где-то, гад, информацию об этом хранилище? Ну, да ладно, веселье только начинается, и хорошо смеётся тот, кто смеётся последний. Дудку Нильса хотел заполучить, а вот фиг тебе. Думаю, что теперь мне Садык обеспечит безбедную старость, а вот третье мое желание будет посвящено исключительно вам, господин Хитрый. Тут-то я уже душу отведу. Только нужно хорошенько подумать, что бы такое загадать, чтоб тебе, «дружище», мало не показалось?..»

Обдумывая варианты мести, Стас немного успокоился и решил, что времени для этого у него ещё предостаточно, а для начала неплохо было бы позаботиться о собственном будущем.

– Ну что, Садык, – обратился он к джинну. – Пришло время второго желания.

– Слушаю тебя, господин, – покорно ответил тот.

– Сооруди-ка ты мне богатство, – мечтательно произнёс Стас.

Вот тут-то и возникли осложнения, которым Стас не придал должного значения. Джинн поинтересовался: в какой именно форме уважаемый освободитель желает получить это самое богатство? Если в форме

древних сокровищ: золотых монет, драгоценных камней, украшений и прочего добра, хранящегося по сей день в усыпальницах именитых вельмож, – то нет проблем.

Стас прикинул, что ему весь этот ювелирный антиквариат и головная боль с его сбытом совершенно ни к чему, и решил упростить задачу, конкретизировав её. Стас не был жадным, поэтому потребовал, чтобы на его банковский счет поступило зачисление трех миллионов амеро. Джинн начал уточнять, куда следует доставить деньги, явно не понимая, чего от него хотят? Смекнув, что посвящать того в тонкости банковской системы – занятие неблагодарное, Стас сказал: «Ладно, дружище Садык, валяй наличкой, хоть рассчитываться наличными у нас и не популярно. А в банк я уже сам их отнесу».

В ответ на это Садык начал что-то лепетать о законе сохранения материи, на что Стас ему резонно возразил: «Если кишка тонка, то нефиг было и выпендриваться».

Джинн вроде даже слегка обиделся на такое замечание и надменно заявил:

– Ты получишь то, что пожелал, но я обязан предупредить о возможных побочных эффектах...

– Ты мне деньги сделай, а со всякими там эффектами, я уж сам как-нибудь разберусь, – прервал его нравоучения Стас.

– Как скажешь. Деньги у тебя в опочивальне, – невозмутимо ответил Джинн и спрятался в контейнер.

Заглянув в спальню и увидев там аккуратно сложенные стопки купюр в банковской упаковке, Стас впал в состояние эйфории. Он закурил сигару и принялся фантазировать, как круто с завтрашнего дня изменится жизнь.

Не всем фантазиям суждено было сбыться, но на следующий день его жизнь действительно круто изменилась.

* * *

– Нам пока неизвестно, каким образом Вам удалось отключить сигнализацию и видеонаблюдение, загипнотизировать охрану и проникнуть в хранилище, – спокойно объяснил комиссар полиции Стасу причину его задержания. – Но мы в этом разберёмся.

«Неплохо было бы. Только фиг вы в чём разберётесь», – грустно подумал Стас.

– Тот факт, что Вы дважды расплачивались украденными из банка деньгами, неоспорим. Как Вы объясните, что номера ваших банкнот оказались идентичными украденным из банка? – припёр Стаса к стене своим вопросом на первом же допросе комиссар полиции.

«Вот тебе и побочный эффект, чёрт его подери, – резюмировал Стас, сидя в тюремной камере, куда его любезно препроводили. – Жаль тратить последнее желание на ерунду, но придётся попросить Садыка открутить всё назад. А самое скверное во всей этой истории то, что Хитрому опять

повезло. Таким образом, встреча с ним теперь неизбежна, и хочешь или нет, а таки придётся топтать к нему на поклон. Эх, дурачина я, простофиля. Надо было соглашаться на сокровища из гробниц».

Затем в голове у Стаса возник забавный вопрос: «Интересно, кого Хитрый собирается заставить плясать под эту Дудку Нильса, если всех аномалов давно переловили, и они мирно сидят в своей тюрьме-подземелье?» Так же внезапно пришёл и ответ, повергший Стаса в некое смятение. «Это что же господин Хитрый удумал? – возмутился он, просчитав комбинацию оружейного магната. – Никак решил выпустить изгоев из подземелья на свободу, а затем предложить правительству спасение от них, имея в руках образец такого эффективного оружия. А я ему ещё и помогу».

* * *

Позвонив утром Хитрому, Стас доложил, что заказ выполнен, но возникли кое-какие непредвиденные трудности. Объяснив, где сейчас находится, не уточняя – как и за что угодил в тюрьму, он предложил работодателю вытащить его оттуда, чтобы отдать товар. Зная связи и возможности Хитрого, Стас не сомневался, что его юристы приложат максимум усилий и не пожалеют денег для того, чтобы мера пресечения до суда была изменена, и заключённый поскорее оказался на свободе.

Расплатившись за Дудку Нильса, Хитрый порекомендовал Стасу как можно быстрее исчезнуть, благо той суммы, которую он вручил за товар, хватило бы на ближайший год беззаботной жизни. Последний не стал спорить, что было совершенно на него не похоже, а поспешил воспользоваться добрым советом. И уже к вечеру Стас покинул не только город, но и страну.

Хитрый и не предполагал, что за кругленькую сумму приобрёл совершенно бесполезный предмет, поскольку третье желание Стаса Садык выполнил беспрекословно и точно. На месте бывшего бункера в дёбрях брошенного города-призрака теперь зиял громадный котлован, а бункер с ловушками и содержащимися в них аномалами был перемещён в космос – в недра необитаемого, покрытого льдами астероида.

Кира МАЛЬЦЕВА (г. Новокузнецк)

ЭКСПЕРИМЕНТ

Часть 1

Сидоров решил отправиться в будущее. В настоящем ему было плохо и неуютно.

На работе не ладилось. Сын-«оболтус» приносил двойки и приглашения явиться для очередной беседы с классным руководителем. Жена Людмила не давала покоя, требуя: то – купить картошки, то – вынести мусор, то – пропылесосить ковер; а, главное – не уважала

изобретательской деятельности Сидорова, называя всё это: «Чем бы дитя не тешилось...», и постоянно «тыкала его носом» в бреши, пробитые в тощем семейном бюджете его «чёртовым увлечением».

И вот, отправившись в очередной недельный «отпуск без содержания» по причине «отсутствия фронта работ», Сидоров понял – момент настал. В настоящем ни его голова, ни его руки не нужны. Торговать, то есть «делать деньги», он не научится никогда, как бы ни «пилила» его Людмила, приводя в пример своих удачливых знакомых. Может быть, он пригодится в будущем, а не пригодится – так хоть посмотрит, как там люди живут...

«Машина времени» была готова. Сидоров бился над ней два года, превратив в лабораторию бывшую комнату тётчи. Тётца, по мнению Людмилы, «на старости лет сойдя с ума», вдруг заявила, что отдала им достаточно лет жизни, пора подумать и о себе – и, удивив всех, вышла замуж и переехала к мужу. Замужество оказалось на редкость удачным, и, обретя покой и счастье впервые в жизни, тётца, на радостях, полюбила вдруг и Сидорова, оставив в его полное распоряжение свою маленькую комнатку. Она почти совсем перестала приходить к ним, звонила иногда и периодически забирала к себе внука.

Сидоров, впервые в своей тридцатилетней жизни, вдруг обрёл собственную комнату, «лабораторию», как любовно называл её он, и «берлогу», как пренебрежительно говорила Людмила.

Перед путешествием он честно вынес мусор, вымыл посуду и пропылесосил ковер. Время пришло.

«В дорогу» он решил отправиться в десять часов. Никто не мог помешать. Сын до обеда в школе, Людмила на работе.

Сидоров долго думал над запиской, объясняющей его исчезновение. Писать он был не мастер.

Наконец, тяжело вздохнув, он сел к столу и написал: «Прощайте, родные мои! Надолго отправляюсь в будущее. Сынок, слушайся маму! Людмила, прости, коли что не так... Привет тётце.»

Больше писать, вроде бы, было нечего. Оставив записку на видном месте, на диване, Сидоров надел спортивный костюм, и, подумав, кроссовки. Появляться в будущем в домашних тапочках было как-то неловко. Он положил в карман паспорт, военный билет и семейную фотографию.

Подсев к столу, Сидоров проверил питание на установке, надел на голову присоединённый к «Машине времени» шлем, переделанный из мотоциклетного, и задумался над таймером.

Жалко было так надолго расставаться с сыном, но Людмила, всё же, его «достала». Сидоров, решившись, установил таймер на 35 лет, по номеру своей квартиры. Когда его эксперимент удастся, в чём он не сомневался, сын, наконец-то, сможет им гордиться, а Людмила – так ей и надо, она никогда не ценила его, и не верила в его талант! Так уж он с ней

точно больше не встретится! Она выйдет замуж, по примеру тещи, и пусть будет счастлива...

Всё было готово. Глубоко вздохнув, Сидоров нажал на красную кнопку «Пуск», и зажмурился. Путешествие началось...

Часть 2

В эту минуту злой и раздражённый жэковский электрик дядя Федя стоял у распределительного щитка на втором этаже.

Злым и раздражительным дядя Федя стал по причине двухнедельной вынужденной трезвости. Зарплату не платили третий месяц. (События происходили во время тотальных неплатежей).

Дядя Федя не был кристально честен, но даже он не смог решиться оторвать от скромной суммы выданного жэковским кассиром аванса деньги на выпивку.

Так что – ни тебе выпить по-человечески, ни закусить, ни, тем более, опохмелиться, – было нечем. Поэтому, когда утром его вызвали к мастеру и вручили список «злостных неплательщиков квартплаты», поручив провести временное, на три часа отключение электроэнергии, дядя Федя, несмотря на дополнительную работу, злорадно усмехнулся.

Мастер, на всякий случай, сказал, что мера эта, конечно, не совсем законная, но действенная. В суд из-за трёх часов никто не побежит, зато сразу начнут звонить в ЖЭК, а им в ответ: – «Не хотите ли погасить долг за квартиру, и свет, в том числе?»

«Пусть им тоже будет несладко, холодильники-то уж точно «потекут», – подумал дядя Федя. – Будут знать, как оставлять трудящихся людей без законной зарплаты!» – «разжигал» он себя.

Того, что многие «неплательщики» сами сидят без зарплаты, дядя Федя как-то не хотел брать во внимание. У них – свои проблемы, а у него – свои!

Начал он своё местное «веерное отключение электроэнергии» с квартиры № 35, поднялся на второй этаж, открыл щиток и решительно отсоединил кабель. «Допрыгались, голубчики!» Добравшись до пятого этажа, дядя Федя ещё раз посмотрел в список, и, огорчённый, чертыхнулся. «Ну что за почерк у этой Марьи Ивановны, сразу и не разберешь! Вот, опять лишняя работа. Надо было отключить не 35, а 33 квартиру.» Пришлось спускаться, опять подключать к электроэнергии квартиру № 35.

Да, день начался явно неудачно!

Часть 3

У Людмилы день начался тоже неудачно.

Утром она опоздала на работу, как всегда, по причине в очередной раз сломавшегося трамвая. Другого транспорта от их «тупика» просто не было.

А через час, оступившись на лестнице, она сломала каблук у туфли. Пришлось срочно брать служебную машину и ехать домой, менять туфли.

Было уже одиннадцать часов, когда она, прихрамывая, вошла в квартиру. Её сразу насторожила тишина. Неужели Сидоров ещё спит? Обычно он вставал «чуть свет», и сразу отправлялся в свою «берлогу», пропадавая там весь день.

«Нет, чтобы чем-нибудь дельным заняться, – с привычным раздражением подумала Людмила, – все люди, как люди, а тут!..»

Потом она насторожилась, заметив чистый ковер. Зашла на кухню, и, не найдя в раковине привычно оставляемой Сидоровым после завтрака посуды, забеспокоилась ещё больше, а, заглянув под мойку и увидев пустое мусорное ведро, поняла окончательно – тут что-то не так!

Войдя в комнату, она заметила на диване записку. Людмила схватила её и, не веря своим глазам, начала читать: «Прощайте, родные мои...»

Она рванулась в «берлогу». Там Сидорова не было тоже. У стола стояло его любимое подаренное тёщей вместе с комнатой старое кресло, а на столе, на его «дурацком аппарате» весело мигали разноцветные лампочки; аппарат тихонько жужжал и как будто издевался над Людмилой.

«Опять дурацкие шуточки!» – с облегчением подумала она, и обошла кресло, чтобы забрать и повесить на место спортивный костюм, как всегда брошенный неряхой-Сидоровым где попало.

И тут Людмила тихонько ахнула. На костюме, сладко посапывая и счастливо чему-то улыбаясь во сне, лежал светловолосый младенец с сидоровской родинкой на щеке, как две капли воды похожий на сидоровский портрет в нежном годовалом возрасте, и сосредоточенно сосал палец. На голове у младенца был мотоциклетный шлем...

И всё-таки эксперимент удался! Уж он-то точно попадёт в то будущее, в которое так стремился Сидоров...

Осторожно прикрыв голого младенца свёрнутой махровой простыней, которой любил укрываться Сидоров, лёжа на диване, Людмила загордила его подушкой, чтобы не упал.

Взгляд её остановился на цифре «35», высвеченной на аппарате. «Доигрался, подлец!» – подумала она и, обречённо вздохнув, пошла варить манную кашу.

Сидоров всегда любил плотно покушать!

Дмитрий СЕМЕНОВ (г. Новокузнецк)

ЗЕМЛЯНЕ В КАВЫЧКАХ

(рассказ на тему космической фантастики)

На родной планете мне, наверное, сейчас жутко завидуют. Ещё бы. Единственный человек, который первым встретится с инопланетной, а

вернее, даже инозвёздной цивилизацией. Я даже знаю, кто завидует больше всех, Ник Дуглас, кто ж ещё? Ну, разве только какой-нибудь юный мальчуган, мечтающий о чужих планетах, а из обитателей звёздной Базы никто, кроме Ника Дугласа, так не переживал, когда из 1200 кандидатов «Большой Мозговик» – наш супер-пуперный компьютер – выбрал меня. И то верно, ну скажите, какой из меня по внешнему виду герой-первопроходец? Обычный молодой человек 27 лет от роду, без какой либо значительной биографии. Сейчас журналисты всех континентов безуспешно пытаются изобразить из моей непримечательной внешности что-нибудь героическое.

Я уже представляю фотоколлаж, на котором мой курносый нос, бесцветные глаза и два моих подбородка пытаются высветить в героическом антураже. Надо полагать, я там мужественно стою перед иллюминатором главной рубки, сжимая в руках некий футуристический штурвал. А выглядит сейчас всё на самом деле очень даже буднично: я просто валяюсь в гамаке и пялюсь на выведенную под потолок панель, на которой со 2-й космической скоростью ко мне навстречу бежит цель нашей 12-й космической экспедиции – загадочная Магнито-Ионная Аномалия Фау-Линка. Я не торопясь дожевываю шоколадный батончик и складываю фантик в карман комбинезона. Третий фантик уже, кстати. «Поросёнок», так меня дразнил Ник Дуглас. Кумир всей женской половины Базы, спортсмен, красавчик и космонавт в четвёртом поколении. И вот теперь этот «поросёнок», то есть я, буду героем. А Ник будет мужественно грызть ногти в надежде, что я заремлю в чёрную или зелёную дыру, а он за меня выполнит Великую Миссию и, может быть, даже спасёт мою задницу. С целью хорошо так от всей души над ней поглумиться. Он же настоящий «мачо»! Супер-Дуглас, супер-герой супер-галактики.

Я, по честности, в герои никогда и не набивался. Специальность моя на базе была – старший аналитик систем жизнеобеспечения главной экосистемы Базы. По здравому размышлению, должность абсолютно непонятная, чего там анализировать-то? Грёбная политкорректность. Никто на нашем «Ковчеге Куклачева», как иронично в моём отделе называют нашу базу, не хотел назвать мою должность по её прямому смыслу. А смысл примитивен до жути: обеспечить, чтобы волки не съели овец. А вернее – кошки не подрались с собаками, крысы с кошками, дельфины с мартышками и все остальные с этими самыми «хомосапиенсами», мнящими себя вершиной эволюции. Звучит как бред? Нет, бредом был тот самый эксперимент Аарона Штеймана, который «осчастливил» нашу планету разумной цивилизацией Землян. Теперь мы все стали Землянами, хотя каких-то 35 лет назад речь шла только о человечестве. В общем, люди долго искали грабли, чтобы на них наступить. И ведь нашли!

Примерно 50 лет назад учёные Массачусетского Технологического построили «Цикловизор Янгенса» – бредовую установку манипулирующую магнитными, световыми, плазменными и прочими полями и излучениями, создавая из них всякие разные кружева. Не вдаваясь в технические детали, могу сказать, что в теории, а потом и в практике, это стало «открывашкой» для дальних космических перелётов. Полтора века назад все были помешаны на чёрных дырах, а тут люди сами смогли создавать нечто аналогичное. Дыры получились зелёно-голубовато-фиолетовые с золотистой искрой и выглядели не в пример наряднее и красивее. Само собой, у учёных появилось просто огромное желание закинуть кого-нибудь в эту дыру. Сначала они кидали туда друг друга или сами прыгали. Но потом этот бардак прекратился, самодеятельность прекратили и «Дырконафтами» стали наши любимые животные. Гм... Оять запрещённое слово сказал. Исправлюсь, – представители Земной Фауны. Но по вполне понятным причинам толку от рассказов вернувшихся подопытных было немного; впрочем, от людей толку было ещё меньше, так как люди после перелёта вообще возвращались сумасшедшими, вернее, – разумно-стерильными. Был объявлен конкурс на создание скафандров для преодоления «Барьера Рыбаковского», – так звали первого превратившегося в растение учёного экспериментатора. А также конкурс на снятие с «подопытных существ» наиболее полной информации о барьере. Загадкой барьера было то, что «представителям фауны» он, похоже, совсем не вредил. Точнее на их поведении это никак не отобразилось.

В конце концов, 30 лет назад один чокнутый учёный (а как иначе назвать одинокого человека, живущего в однокомнатной квартире с 14 кошками?) по имени Аарон Штейман разрешил данную проблему весьма оригинальным способом. Он просто решил сделать подопытных зверушек разумными. Его фраза: «Пусть они нам сами расскажут и сами всё объяснят» перевернула тогдашнюю цивилизацию. Первый шаг был сделан. Грабли начали свой разбег в направлении лба человечества. Когда ещё в двадцатом веке некоторые романтики пытались научить обезьян языку жестов или расшифровать мяуканье кошек, их можно было смело назвать чудаками. Штейман пошел дальше. Как видный учёный, изучавший функцию мозга и точно описавший в машинных кодах алгоритмы его работы, он достоин всяческого уважения. Но вот его идея вживлять чипы-имплантаты кошкам и собакам была приличной дурью. Нет, я конечно признаю, что нейро-стимуляторы Штеймана излечили кучу патологий мозга и буквально перенесли диагноз «даун» в один ряд с диагнозом «проказа», т. е. куда-то в пункт история медицины... Но вот идея, что все твари должны стать разумными, меня как-то не прельщает. Меня угораздило жить в период этой самой «Революции Разума», и я до сих пор помню, что животных... Ой, блин, оять ругаюсь! Представителей фауны, конечно же! Продавали в зоомагазинах и водили

на поводках! Современным детям это приходится объяснять. И не все верят, между прочим. Штейман проработал теорию Революции Мозга, он построил первый мозговой нейро-резонатор и подключил кибернетическую систему модуляции речи для млекопитающих. Первым описал схему наноробота для инициации развития мозговой деятельности у приматов, первым совместил функционал мозга жи..., ой, представителя фауны, с электронными вычислителями и манипуляторами. Мне было лет восемь, когда я вживую видел по головизору первую пресс-конференцию со знаменитой кошкой Перси. Кошкой, прошедшей тест Тьюринга. Кошкой с IQ = 122.

Так или иначе, разумные представители фауны уже реальность. 5-е и 7-е поколение, с которым я по должности работаю, ведёт себя вполне по-человечески. Вернее, они себя ведут как в мультиках моего детства. В том числе и активно конфликтуют между собой и с людьми. А я обычно разгребаю их проблемы и ссоры. Но вот название «Специалист по конфликтам среди фауны» нашим руководителям, а вернее, спонсорам не нравится. Поэтому я по документам числился как аналитик. А сейчас числюсь как командир 12-й космической экспедиции. Неплохая карьера сразу с 14 разряда на 49-й.

Однако пора исполнять свои командирские обязанности. Надо провести инструктаж с командой. Конечная цель экспедиции прямо по курсу. Скоро вернутся зонды. Придётся выбирать один из 19 вариантов контакта.

Вилли Кригсмайер, наверное, предложит военный, а Марисабель Мурзиковна просто наблюдение. Каспер просто отмолчится. Значит, мне придётся опять выбрать самому. Ох, как мне это всё надоело за эти 4 месяца перелета!

Я нажал динамик селектора, прислушиваясь к звукам в кают-компании. Никто не собако-кошачился. Значит, опять бойкотируются. Только Каспер монотонно булькал в своем отсеке. Главный пилот экспедиции вообще не интересовался внутренними делами экипажа. Надо сказать, я с дельфином был полностью солидарен. Последний месяц мне приходилось большую часть времени полёта разруливать конфликты между главным инженером и заместителем по безопасности.

Когда я зашёл в кают-компанию, моим глазам предстала классическая картина: Марисабель Мурзиковна, сняв скафандр, демонстративно вылизывалась, а лабрадор Вилли задумчиво крутил шейными манипуляторами прозрачный лист универсального ридера. Видок у пса был заметно обиженный.

– Командир! – прогнусавил его синтезатор речи. – Командир, сделайте замечание члену экипажа Марисабель, которая нарушает правила утилизации сероводорода в общей санитарной зоне!

– Ниееет, ион саам нарушает этэтикеет! Оон ввалился прряямо в саан отсек, когда я тааам былааа! – промяукала Марисабель Мурзиковна. Она

терпеть не могла синтезаторов речи и предпочитала разговаривать своим голосом. Её кошачий акцент был вполне понятный, но иногда совсем не разборчивый.

– Уважаемый главный инженер, скребла когтями... по поверхности покрытия пола, – начал свой доклад лабрадор. – Я ошибочно полагал, что ею обнаружена неисправность, так как мои обонятельные рецепторы обнаружили резкое увеличение концентрации сероводорода в отсеке... И я хотел просто проверить!

– Иии вламилсаяя прямо в туаалет!!! – дополнила его речь кошка Марисабель.

– О как мне это надоело! – подумал я, но углубляться в свару не имел никакого желания. Поэтому я сразу начал по существу инструктажа.

– Конфликт, я думаю, уже исчерпан? Марисабель Мурзиковна (с чего ради кошки настаивают, чтобы их называли по отчеству, я до сих пор не понял), вас, думаю, не затруднит включать после туалета вытяжку вентиляции? К сожалению, санитарная комната у нас одна и надо быть взаимно вежливыми. А пришёл к вам я не просто так. Каспер мне доложил, что мы вышли на курс и согласно его расчётам через 15 минут будем в пределах видимости Аномалии. Зонды уже возвращаются, передачу сигнала я им запретил, на всякий случай, во избежание перехвата. Через 2 часа приступим к расшифровке данных. Всем быть готовыми к работе.

– Нуу не моглааа этааа... киийлька мне штолиии СсМсСс прислатььь! Я жжжж инжжжжнеер! Ннааадо ааварийныые системыы гооотвить! – прошипела недовольная кошка, забираясь в свой скафандр.

– Командир! Орудийные системы готовы к обороне. Разрешите приступить к настройке системы запуска радиоэлектронной борьбы? – прогнусавил пес. Одновременно его лохматый хвост начал махать со скоростью пропеллера. Чует собака потеху! Не терпится поди залезть в боевой скафандр космодесантника...

– Разрешаю! – отдал я команду псу.

– Я пойду в пилотскую к Касперу. Надо уточнить маршрут эвакуации на всякий случай. Если что – я на связи по основному каналу. Только ради Бога не отвлекайте Каспера во время маневров! Марисабель Мурзиковна, я вам официально запрещаю играть с ним в морской бой по коммуникатору, начиная с этой минуты, – я развернулся и направился в отсек, где в специальной капсуле находился наш пилот – чёрный дельфин Каспер.

Когда у нас в сквере Базы решили поставить памятник кому-нибудь из учёных, занимавшихся проблемой разума живых существ, я голосовал за статую дельфина Клипера, было бы весьма стильно. Но кошачье лобби (2/3 негуманоидного населения Базы!) из своих кошачьих интересов выбрало клоуна Куклачева. Я тогда ещё пошутил, что хочу ознакомиться с научными работами данного учёного. Но кошки совершенно не поняли

мою шутку и подсунули мне диск с записью интервью данного клоуна-дрессировщика, в котором тот высказался, что кошки умнее и честнее людей. Вот за это ему и поставили памятник. А вот дельфину Клиперу памятник не поставили, хотя именно он произвёл все необходимые расчёты для преодоления «Барьера Рыбаковского», закрывшего человеку дорогу в межзвёздные туннели. Вообще последние годы, не смотря на то, что все вроде свыклись с говорящими собаками и кошками, проблемы во взаимном сосуществовании нескольких разумных рас в рамках общей цивилизации остались. Появились десятки научных теорий и концепций развития земной ноосферы, появились кучи страшилок и экстремистских организаций различного толка. Если ортодоксальные «гринписовцы» ратовали за уравнивание прав всех разумных, то ксенофобские группировки «Мы – люди», «Божьи дети», «Истинная церковь» и «Живодёры» пугали всех тем, что человечество выродится совершенно и будет истреблено новыми разумными расами. Всё это породило новые векторы политики, социологии и психологии. И в принципе, многие люди от этого выгадали. Я например. Моя кандидатская по теме «Земная цивилизация и проблемы освоения космоса» была положительно оценена кошками... И вот я стал космонавтом. Вернее, даже командиром космической экспедиции. Конечно, если вы спросите Ника Дугласа, то он наверняка скажет, что карьерой я обязан своей младшей сестрёнке Анне. Конечно, персона Анны уже лет пять как более известна, чем моя. Всё-таки один из ведущих функционеров «гринписа». Можно сказать единственный человек, от которого тащатся абсолютно все кошки. И не только из-за того, что она вживила себе кошачьи гены, сделала пластическую операцию чтобы внешне походить на кошку и вступила в брак с котом Маркизом Батоновичем, она просто умеет с кошками ладить, а кошки – это вам не скромняги-дельфины. «Кошки будут править миром» – есть такая цитата в запрещённой книге Али Махмади-Юсифа «Наследники человечества». Кстати, одна из моих любимых книг фантастики. Необычайно много Али угадал. Просто прямо как по нотам всё расписал. И хотя его антиутопия заканчивается истреблением человечества восставшими домашними животными, но первая часть романа сбылась почти полностью.

Кошки добились признания их дееспособности, получили паспорта, право голосования на выборах и вообще почти всё, что можно (дельфинам и собакам до них как до Луны). Сейчас кошки – авангард интеллектуальной элиты негуманоидных землян. Я вот иногда думаю, что было бы, не окажись Аарон Штейман кошатником? А был бы он, например, любителем канареек? В общем, кошки получили за счёт Штеймана огромный бонус. Работы по «совершенствованию» их разумности начались на десяток лет раньше, чем у тех же собак. Все наиболее совершенные мозговые биочипы разрабатывались именно для кошек. Генномодификация голосового аппарата кошек была закончена

ещё 18 лет назад. А для собак подобное всё ещё в разработке и не вышло за стадии экспериментов! Адвокаты кошки Перси добились того, что все патенты Штеймана по его завещанию перешли в собственность «Кошачьей Лиги». Даже Ватикан признал кошек разумными и достойными причастия. А котом-священнослужителем никого сейчас уже не удивить.

Собакам и дельфинам так не подфартило. Хотя, по честности, они по развитию ничем не хуже кошек. Но вот собаки по Ветхому завету и Корану – нечистые животные, а с дельфинами общаться можно только специалистам. Уж больно ограничена сфера их среды обитания. Вот так и сложилось, что разумных дельфинов сотни, разумных собак десятки тысяч, а кошек уже сотни тысяч. Так сложилось, что собаками занимались военные и спецслужбы, причем узкопрофильно занимались. Натаскивали собак на замену людям-солдатам. Кошки изначально не были «служебными» животными, они сугубо утилитарно не рассматривались. Просто домашние любимцы. И полноценных киборгов из них никто делать не собирался, иначе получилось с разумными собаками. Те почти на 100 процентов стали киборгами.

Возьмем, к примеру, нашего пса Вилли. Может ли он без своих ошейниковых манипуляторов исполнять свои обязанности? На задних лапах он не ходит, конечности под применение человеческих предметов не рассчитаны. Вот и сует свою голову в свою конуру, чтобы автомат присоединил к его нейро-ошейнику нужный манипулятор или прибор. С кошками всё было проще. У них по умолчанию голосовое управление техникой устанавливалось и универсальное управление приборами, такое же, какое инвалидам делали. Когда ещё кошки были просто кошками, мне и в голову не могло прийти, что они, оказывается, имеют склонность к технике. Никогда бы мне такие мысли в голову не пришли бы. Ну, наш домашний котятра Бендер любил смотреть головизор. Но вот за интерфейсами компьютера его я просто не представлял.

Тем не менее, факты говорят сами за себя. Математические способности у кошек обнаружили, память тоже феноменальная, способность на слух воспринимать инженерные схемы вообще нечто невообразимое. Для меня, по крайней мере. Может быть, дело в том, что кошки любят игрушки? Взять хотя бы, к примеру, нашу Марисабель Котофеевну, т.е. Мурзиловну. Она может целыми днями своих «мышек» гонять. Конечно, универсальные ремонтные дроиды на мышку даже размерами не похожи, но Марисабель упрямо их называет мышками. Причуды нечеловеческого сознания. Хотя, по настоящему, необычное мышление как раз у дельфина Клипера.

Я зашёл в помещение «штурманской». Каспер, как всегда, завис в своём прозрачном «одуванчике», расслаблено подрагивая плавниками. Конечно, назвать капсулу дельфина «одуванчиком» было неправильно. Но по мне при виде в фас именно так она и выглядела. Зависший в

желеобразной субстанции дельфин был весь укутан расходящимися от него прозрачными нейроконтактами. 12 265 штук – если быть точным. Основная система управления была замкнута на дельфина. Каждый нейродатчик на его теле имел свой аналог на внешней поверхности нашего космического корабля. Дельфин просто плавал в своей капсуле, а корабль повторял его маневры в космическом пространстве. Вы скажете – очень запутанная схема управления? Согласен, но вот иначе обойти пресловутый «Барьер Рыбаковского» пока не придумали. Пока «плавать» внутри радужных дыр могли только дельфины. Есть, конечно, компьютерные модели управления. В соответствии с формулами Клипера можно было рассчитать примерное отклонение от «магнитного стрекала» радужных дыр в пространстве, только вот в формуле присутствовала переменная – коэффициент напряжения в точке флуктуации по гребню. У компьютера гребня не было, а у дельфинов был. Поэтому точность отклонения от «магнитного стрекала» дыры у дельфина за счёт его не фиксируемого ничем механическим «равновесия ныряния» была 99%, а вот у техники всего 50%. Поэтому без дельфинов соваться в радужные дыры могли только психи-одиночки. Вообще, дельфинам нравилось управлять космическими кораблями. Наверно, также детям нравится кататься на велосипеде. Учёным удалось скопировать чувство удовольствия от плавания на чувство удовольствия от полёта в космосе. Космический корабль просто воспринимался дельфином как его тело.

Вначале учёные пытались использовать дельфинов в качестве био-компьютеров, но к науке, оказалось, имели предрасположенность едва ли 2% от всех «одарённых разумом» особей. Большинство дельфинов предпочитали наслаждаться полётами или просто играть. Единственный признанный учёный дельфин с дипломом доктора наук был Клипер. Кстати, Каспер приходился ему какой-то родней, какой – чёрт его знает. Дельфины живут в рамках «семьи-стаи», в стае Каспера все имена начинаются на К и кончаются на Р. Катер, Квазар, Кир, Комар. Причем, имена совсем от пола не зависят. Меня это больше всего развлекает. Подругу Каспера, например, зовут Контейнер... Впрочем, дельфинам, в отличие от кошек, чувство юмора более присуще. Без компьютерного переводчика с ними не поговоришь. Причём дельфины предпочитают общаться текстовыми сообщениями, переданными ими напрямую. Всякие мозговые «озвучиватели» они не приветствуют. Хотя это верно. Даже простые СМС Каспера иногда понимаешь не сразу. Вот сейчас Каспер на полном серьёзе со мной поздоровался: «Свежей рыбы тебе, Указующий пути миграций. Курс 2345-345-467-39876 без отклонений. Направление 3456-435-345-89677 для стыковки зондов. Отмечено резонансное отклонение на 12 градусов. Рыба уходит».

У дельфинов имелись особые только им понятные образы. Например, «Рыба уходит» значило, что Каспер показывает своё нетерпение. «Свежей рыбы» – обычное приветствие.

Курс и направление дельфины показывали в своей любимой 4-плоскостной системе координат. Вообще у них там была ещё одна переменная. Но, вот в космосе нет координат точки поверхности воды.

Спустя полтора суток наша уставшая в усмерть команда снова собралась в кают-компания. Миссия окончилась. Мне, как командиру, предстояло сочинять отчет. И я, хоть убейте, не знал, как это всё, что на нас свалилось, понятно сформулировать. Моё состояние очевидно легко читалось на лице даже собаками.

– Командир, мы сделали всё, что можно... – проскрежетал динамик Вилли. «Верный пёс, но недалекий», – подумал я.

– Мы вообще ничего не делали! – парировал я. – Нас тупо поставили перед фактом!

– Ссогласна, – почти без акцента сказала кошка. – Предлагаю уничтожить все записи и сказать, что никакого контакта не было! Просто это была аномалия! Играа природы!

– Как ответственный за безопасность, я не могу разрешить уничтожение всех аварийных и контрольных звуковых носителей информации! – проскрежетал динамик Вилли. О! Как мне хотелось сейчас отвинтить ему динамики вместе с головой!

– Тогда, Вилли, я предлагаю тебе прямо сейчас вступить в половую связь с нашим инженером для выполнения пожеланий этого Высшего Космического Разума! Ты сэкономишь много времени нашим учёным! – Я просто сочился сарказмом.

И было отчего! Эта долблённая аномалия оказалась «Проекцией Единения Вселенского Высшего Космического Разума!» И этот «умник» отказался вступать с нами в контакт! Вернее, делиться крупицами своего разума с нами! Ну и чёрт с этим! Но то, что он с нами сотворил было неопишимо! Какого хрена я прочитал заготовленное приветствие??? Какого лешего мне надо было заикнуться о том, что мы Земляне. Разные по происхождению, но с единым духом? Какого хрена я сказал, что «наша сила в нашем многообразии»? Этот разум, подобно отстойному калькулятору, всё это проглотил, пережевал и выплюнул:

«ВЫ ГЕНЕТИЧЕСКИ НЕЭДЕНТИЧНЫЕ СУЩЕСТВА, ВЫСТУПИВШИЕ ПОД ЕДИНЫМ НАИМЕНОВАНИЕМ «З Е М Л Я Н Е», В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ ГОТОВЫ К ПОЗНАНИЮ СОВЕРШЕНСТВА КОСМИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В ПОЛНОЙ МЕРЕ.

ВАМ НЕОБХОДИМО ПРОЙТИ НЕСКОЛЬКО ЭТАПОВ ПОЛНОГО КОСМИЧЕСКОГО ЕДИНЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ, НО УЧИТЫВАЯ ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ, МЫ – ПРОЕКЦИЯ ВСЕЛЕНСКОГО ЕДИНЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО РАЗУМА ДАРИМ ВАМ ШАНС НА ВХОЖДЕНИЕ, ВЫ, ВСТУПИВШИЕ В КОНТАКТ СУЩЕСТВА, ЧЕРЕЗ СУТКИ ОБРЕТЁТЕ СПОСОБНОСТЬ ИГНОРИРОВАТЬ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ ВНУТРИ ВАШЕГО СООБЩЕСТВА ЗЕМЛЯН И

СПОСОБНОСТЬ ПЕРЕДАТЬ ЭТО СВОЙСТВО СВОИМ ПОТОМКАМ. ВЫ ЧЕТВЕРО СТАНЕТЕ ОСНОВАТЕЛЯМИ ЕДИНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ РАСЫ ЗЕМЛЯН.

ПО НАШИМ РАСЧЁТАМ, ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ МЕЖДУ ВАМИ СОТРУТСЯ, И ВЫ СНОВА ПРЕДСТАНЕТЕ ПЕРЕД НАМИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ПРИНЯТИИ ВАС В НАШЕ ЕДИНСТВО. ЭТО БУДЕТ ВТОРОЙ ИЗ ЧЕТЫРЁХ ЭТАПОВ НА ВАШЕМ ПУТИ ИСТИННОГО ЕДИНЕНИЯ!»

Как говорится, «Занавес!»

– Ну что, дорогой мой экипаж! Кто-нибудь в себе чувствует генетическую трансформацию? – спросил я, оглядывая свою команду. В ответ была тишина, только Каспер булькал в своём аквариуме. Пёс настороженно молчал. Марисабель Мурзиковна колотила о пол хвостом. Надо полагать, как единственная женская особь, она чувствовала себя очень неуверенно... Будущая Мама новой расы...

Я махнул рукой и побрёл в медотсек, прикидывая, хватит ли мне запаса медицинского спирта для снятия стресса... Уже при входе в отсек, я услышал со стороны камбуза жалобный вопль: «Коммандирр!!! Эта сабакка на меня странно ссмотрит!!! Мяу!!!»

Александр КЕСЛЕР (г. Кировоград)

«ПОДАРОЧЕК»

Моисей не поверил собственным глазам. Перед ним вдруг внезапно возник странный субъект. Он мог бы поклясться чем угодно, что ещё секунду назад того здесь не было, и вот те на – стоит, осматривается по сторонам. Кто таков, чего пожаловал и, самое непонятное, как проник в дом? Ни дверь не скрипнула, ни шагов слышно не было. Из-под земли, что ли, вырос?

Персонаж и впрямь был странным, если не сказать большего, да и появился он действительно необычно. Но обо всём по порядку.

Итак, справедливости ради, следует заметить, что явившийся материализовался прямо из воздуха. Каким таким образом это произошло, оставалось загадкой. Выглядел он несколько необычно: из его чёрной курчавой шевелюры торчали два костяных отростка, похожие на рога молодого телёнка, из того места, на котором люди обычно сидят, у него рос длинный, как у коровы, хвост, а в довершение животноводческого ансамбля его ноги заканчивались раздвоенными копытами. На этом, собственно, аномалии заканчивались. Во всём остальном прибывший походил на человека, причём на довольно состоятельного. Одет незнакомец был во всё чёрное, а его плащ-накидка ещё и подбита красным бархатом, что свидетельствовало о достатке,

позволяющем иметь подобный мало практичный, но щегольской наряд. В руке гость держал трезубец.

От цепкого взгляда Моисея не укрылись вышеперечисленные физические несоответствия, и он даже подумал: «Как не повезло-то бедняге. Столько врождённых уродств на одного свалилось». Меж тем незнакомец, дружески подмигнув Моисею, изрёк:

– Здравствуйте, уважаемый. – И поинтересовался. – Как дела?

От неожиданности Моисей слегка опешил и даже не нашёл что ответить в первую минуту, а только пошамкал губами. Но затем, взяв себя в руки, всё же выдал:

– Нормально у меня дела.

Далее любопытство взяло верх над страхом, и он спросил:

– А ты кто такой будешь?

– Неужели не признал?! – с вызовом спросил незванный гость.

– Да, нет, – как-то виновато ответил хозяин и, присматриваясь, добавил: – Может, запамятовал. А зовут-то тебя как?

– Вот глухомань. Меня-то и не узнать, – возмутился гость и хвастливо заявил: – У меня много имён: Сатана, Веельзевул, Дьявол, Люцифер, Мефистофель, Баальзвув. Теперь понял – кто перед тобой?

– Теперь-то понял, – радостно ответил Моисей. – Точно не знаю, и не встречались мы с тобой раньше, а то бы я запомнил. У меня память ого-го.

– Тяжёлый случай. Так ты, что же, ничегошеньки обо мне не слышал? – с нотками разочарования в голосе уточнил прибывший.

– Не приходилось. Я же говорю, что память у меня ого-го.

Поняв, что хозяин ни сном, ни духом ни о его существовании, ни о его выдающихся способностях и делах не ведает, явившийся бесцеремонно уселся на стул, обдумывая с чего же начать.

Подумав пару минут, гость поинтересовался:

– Тебя самого-то как зовут? Чем занимаешься? Что это за место, где народ такой непросвещённый? И какой сейчас год?

– Меня Моисеем звать. Пастух я, – ответил хозяин, скромно умолчав о том, что до этого сорок лет прожил во дворце дочери египетского фараона и даже считался её приёмным сыном. – Местность наша Мадиам зовётся. А год сейчас одна тысяча четыреста тридцать пятый.

Дав исчерпывающие и лаконичные ответы на все поставленные Сатаной вопросы, Моисей с интересом взирал на гостя.

– Мадиам, говоришь, – как-то задумчиво произнёс гость, вероятно вспоминая, где же сие благодатное место находится? А затем, видимо вспомнив, изрёк: – Выходит, что промахнулся я слегка, – и тут же добавил, не то уточняя, не то констатируя, – а год у нас сейчас одна тысяча четыреста тридцать пятый, разумеется, ещё до рождества Христова.

Подтверждения или опровержения своей последней фразы он так и не услышал, поскольку вопрос был непонятен Моисею, как и то – было

ли сказанное вопросом? А затем гость пристально уставился на пастуха таким взглядом, словно хотел прожечь в нём дыру, и спросил так, будто пытался в чём-то уличить:

– А не тот ли ты Моисей, что свой народ сорок лет по пустыне водил?

Моисея такой вопрос несколько обескуражил. Даже не сам вопрос, а то, каким тоном он был задан – вроде его пытались в чём-то уличить.

– Во дворце у дочери египетского фараона, было дело, жил, – несколько сконфуженно сознался Моисей. А затем с обидой в голосе произнёс: – Но никого я никуда не водил. Не было такого.

Опровергнув огульные обвинения в свой адрес, хозяин поинтересовался:

– А с чего тебе подобное в голову-то взбрело?

– С того и взбрело, что хоть я адресом и ошибся, но сходится всё, – ответил Сатана и произнёс: – И воды Красного моря ещё пред тобой расступятся, попомни мои слова, Моисей. Ну, а коли не водил, то значит, будешь ещё. Какие твои годы.

Пастух так и не понял, что там у гостя с чем сходится и какие-такие воды моря, а самое главное – как смогут пред ним расступиться?

Далее прибывший непонятно откуда индивидуум рассказал Моисею массу занятных фактов из своей насыщенной событиями биографии. И начал с того случая, как однажды, приняв облик змея, уговорил в каком-то Эдемском саду какую-то Еву попробовать плод с дерева познания, чего категорически нельзя было делать.

Моисей внимательно выслушал эту историю, улыбнулся и заметил: «Ну, это не в нашем селении было. У нас ни сада такого, ни женщины с таким именем нет».

Реакция Моисея слегка озадачила рассказчика. Тогда гость начал толковать ему, что существуют такие места, как рай и ад, правда без географического уточнения, где именно они находятся. Далее гость поведал о сотворении Богом света, тьмы, земли, воды, разных тварей и рода человеческого. В своём стремлении поднять личный авторитет в глазах Моисея, Сатана рассказал, что он всемогущ, как и Бог. В связи с чем у них существует противостояние и негласное территориальное разделение. Бог главный в раю, а он, Сатана, является властелином ада, ну и по совместительству главный тут – на земле. И занимается здесь, собственно тем, что ищет своих приверженцев.

– Не тяжко одному-то, – поинтересовался Моисей, – везде успевать?

– Да есть у меня помощники – ангелы, архангелы, духи, демоны, чтоб им пусто было. Но квалификация у них не та – слабаки. Всё после них приходится самому доделывать. Должны были тут со мной двое появиться: одна с крылышками за спиной, а второй – на меня похожий, только помельче. Ума не приложу, куда они запропали? Не видел, случайно, таких?

– На тебя, это в смысле – с рогами и хвостом? – уточнил Моисей.

– Ну, да.

– Нет, таких точно не было. А то я бы запомнил, у меня память...

– Ого-го, – перебил его Сатана, – слышал уже. Вот вернусь, всыплю им по первое число, чтобы впредь неповадно было, – пригрозил гость отсутствующим нерадивым подчинённым.

А далее он поведал, что за согласие стать рекрутом его воинства когда-то в будущем – после смерти – он, Сатана, готов исполнить самые заветные желания уже сегодня. Скептически осмотрев убогое убранство хижины, он поинтересовался:

– Вот ты, например, чего желаешь? Денег там, или пожить в роскоши?

Моисей, выслушав предложение гостя, решил, что пожалуй не стоит так вот сходу делиться с ним сокровенным и огульно загадывать желания. Какой-то он странный, да и рассказывает невесть что. Кто его знает, чем всё это может обернуться? Но будучи человеком прямолинейным, он честно признался:

– Не нужны мне твои деньги. А во дворце я и так сорок лет прожил. Ты мне лучше скажи, чем сможешь доказать, что твои истории – правда?

– Ну, даже и не знаю? – несколько стушевался гость.

С другой стороны, ему явно импонировало то, что наконец-то удалось растормошить скептически настроенного клиента, который хоть как-то отреагировал на его агитацию.

– Ну, раз ты можешь всё, – лукаво прищурился Моисей, решивший помочь Сатане, – то докажи это на деле.

– Легко, – улыбнулся главный чёрт. И поинтересовался: – Что нужно сделать?

– Тут недалеко от хижины лежит валун в рост человека, – продолжал лукаво улыбаться Моисей. – Так ты убери его.

– Ну, показывай, – выразил готовность гость, вставая со стула.

Они вышли из хижины и Моисей указал рукой на здоровенную каменюку. Сдвинуть такую с места человеку было явно не по силам. Работёнка была в пору подъёмному крану, коих в текущем времени человечество ещё не придумало. Но гостя размер валуна нисколько не смутил. Он подошёл к камню поближе, похлопал по нему рукой, а затем взял да и ткнул в него своим трезубцем. То, что произошло дальше, несколько обескуражило Моисея. Из трезубца гостя вырвался красный луч света, который пронзил камень насквозь. И тут же, на глазах у изумлённого Моисея, гость распорол этим лучом валун пополам, причём с такой лёгкостью, словно разрезал кусок масла ножом.

– Впечатляет? – надменно поинтересовался Сатана.

– Лихо ты с ним расправился, – похвалил его Моисей, глядя на ещё дымящиеся по срезу половинки валуна и добавил:

– Но ломать – не строить. Раз ты такой всемогущий, сделай так, чтобы камень снова стал целым, как раньше.

Такое пожелание оказалось несколько неожиданным – и последним, что успел услышать совершенно обалдевший гость до того, как исчез.

Чуждый некогда русскому человеку праздник с импортным названием Хеллоуин молодёжь приняла и искренне полюбила, как исконно русский, поскольку узрела в нём ещё один из вариантов дуракаваляния каким-то нетрадиционным способом. Истосковалась русская душа по бразильским карнавалам, вот и старались участники действия, чтобы и грим, и карнавальные костюмы, и прочие атрибуты были не хуже, чем у тех же американцев, от которых и был позаимствован этот, с позволения сказать, праздник.

В самый разгар Хэллоуина, когда принятый для куражу алкоголь уже всосался в стенки желудка и начал действовать на клетки мозга, отвечающие за центры удовольствия, к Андрею неожиданно подошли его однокурсники Олег и Ира с факультета пространственно-временной разведки.

– Слышал, что наши «орлы» учудили? – беззаботно спросил у Андрюхи Олег.

– Не-а. А что? – резонно поинтересовался тот.

– Перед тобой, Ира, живой пример того, как уходят в небытие кумиры и буквально на глазах рушится с таким трудом завоёванный имидж, – с издёвкой произнёс Олег, поглядывая на Андрея, чем однозначно давал понять, о ком идет речь. – И этот вот человек ещё недавно считался самым находчивым и непревзойденным специалистом по приколам.

– Хорош изощряться в словоблудии, «Спиноза». Что случилось-то? – недоумевал Андрей. – Тебе снова кто-то тапки к полу приклеил или ведро холодной воды на голову опрокинулось?

– Твои примитивные забавы, дружище, канули в лету. Заткнули тебя, Андрюха, можно сказать, за пояс и понизили твой рейтинг популярности до самого плинтуса. Вот такие-то дела.

– В каком смысле?

– Да в самом прямом. Пока ты здесь тупо набираешься, Стас с Игорем мотнулись в прошлое, и там в Англии, Америке и Канаде за одну ночь такого начудили, что тебе и не снилось.

– Ну, и какого они там начудили?

– Они там на пшеничных полях нарисовали круги разных диаметров, аккуратно так, знаешь, уложив колоски при помощи силового излучателя, что наши предки теперь лет сто голову ломать будут над тем, что бы это значило? Кто и самое главное нафига, собственно, всё это сотворил? Вот это приколы так приколы. Не то что твои дешёвые шуточки.

– И как они без санкции в прошлое-то мотнулись? – с недоверием поинтересовался Андрей.

– Подсуетились, ребята. Дубликат ключа от лаборатории с телепортатором сделали, и вперёд – за заслуженной славой и популярностью, пока народ пьянствует и хулиганствует.

– А охрана, а сигнализация?

– Охрана, как и ты, – бухая. А сигнализацию я им помог отключить, – похвастался Олег.

– Да уж, дела. Переплюнули меня однокурсники. Что тут скажешь? – тушевался Андрей.

– И что, ты так легко и просто готов признать поражение и сдаться? – вступила в разговор Ира, хлестнув своим вопросом, словно плетью, по пьяному Андрюхиному самолюбию. – Не похоже это как-то на тебя.

– А у тебя что, есть какие-то предложения, подруга?

– Ну, я не знаю? Это же ты у нас специалист по приколам, – язвительно ответила Ира. – Помнится, когда-то именно после твоего приглашения Серёгиным голосом я два часа простояла под рестораном, как последняя дура, а потом ещё с Серёгой разругалась.

– И что теперь? Прощения у тебя попросить? – с ухмылкой поинтересовался выпивший Андрей.

– Ладно, проехали. Сейчас не о том речь.

– А о чём?

– Ну, включай уже мозги, Дрюня. Праздник в разгаре и до утра ещё далеко. Если ты такой крутой, то докажи это всем. Есть желание взять реванш?

– Желание-то у меня на сей счёт – огромное и непреодолимое, – ответил Андрей заносчиво, – вот только возможности, чтобы восстановить мой статус «кво», достаточно ограниченные.

– Это не беда, – продолжала соловьём заливаться Иришка. – С этим-то мы тебе поможем. Правда, Олежа? – заговорщицки подмигнула она сокурснику и достала из кармана какой-то предмет. – Ключик от лаборатории-то – вот он, – покрутила им у Андрюхи перед носом девушка и поинтересовалась: – Так что, есть какие-то оригинальные мысли на предмет взятия реванша?

– Да, идей у меня, как пчёл на пасеке, – хвастливо ответил Андрей.

– Ну, так давай – генерируй парочку, – поддержал Иру Олег.

– Можно смотаться в прошлое и там какой-нибудь археологической экспедиции, которая потрошит курганы глубокого прошлого и ищет скрепки, каменные ножи и прочую фигню, подбросить пару черепов с пулевыми отверстиями. Как идея?

– Нет, Андрюха. Это не покатит. Как-то мелкогато. На реванш явно не тянет, – отверг его предложение Олег – под одобрительный кивок Иры.

– Ну, тогда можно, например, в древний Египет переместиться и там в пирамиду какого-нибудь Хеопса или Рамзеса или вообще ему в саркофаг какой-то предмет из нашего времени подкинуть, – продолжал импровизировать Андрей. – Пусть потом предки голову ломают откуда там лазерный нож или парочка вечных батареек взялись и строят гипотезы о суперразвитой цивилизации египтян. Как идея?

– Ну, это уже что-то, – одобрил Олег, – можно принять как рабочую версию, а детали по дороге отшлифуем. Предлагаю, други мои, незамедлительно приступить к делу и воплотить задуманное в жизнь.

Андрей, вдохновлённый поддержкой Олега и Ирки, запихнул в ухо преобразователь речи или, проще говоря, электронный переводчик и под покровом ночи направился вместе с ними в университетскую лабораторию.

Вначале всё шло как по писаному: охрана дрыхла, Олег за пару минут отключил сигнализацию и злоумышленники, не встретив на своём пути никаких препятствий, без труда проникли в лабораторию. Там Олег быстро запрограммировал телепортатор, и все трое заняли места в капсулах для телепортации.

Вот только почему-то вместо древнего Египта, где должен был оказаться с сокурсниками, Андрей совершенно один угодил на Аравийский полуостров – за пределы Египетского царства той эпохи.

«Это что же выходит? – растерянно думал он, стоя в полном оцепенении посреди комнаты студенческой общаги, вернувшись в своё время, в гриме и карнавальном костюме чёрта, сжимая в руке трезубец. – А выходит, что классически меня сегодня развели. Причём – дважды.

Ладно, свои. Тут хоть и обидно, но ещё можно как-то смириться. А вот что меня развели во второй раз за один вечер, это уже перебор. И кто? Какой-то тёмный как ночь крестьянин, который даже не знал о существовании Бога, Дьявола, происхождении мира и человека, пока я его не просветил».

Специалист по приколам был на грани истерики. Не приходилось ему раньше получать подобные удары «под дых» и «ниже пояса», да ещё с такой стремительной частотой.

И тут в голове у Андрея за считанные секунды пронёсся целый смерч самых разных мыслей. Когда они выстроились в стройной последовательности, оформившись, наконец, в целостную цепь причинно-временных связей, он понял, что натворил...

Попав к Моисею, Андрей сообразил, что его сокурсники подшутили над ним, отправив вместо обещанного древнего Египта в совершенно другое место. Эпоха, правда, оказалась той, куда они и планировали переместиться. Это прошлое было настолько далёким, что люди в нём ещё даже не создали религию, называемую христианством и дошедшую до тех времен, в которые жил Андрей. И угодил он то ли случайно, а то

ли по злему умыслу своих товарищей именно к человеку, написавшему Библию, правда, лет за сорок до того, как он начал её писать. Выяснив, куда и к кому попал, Андрей, в свойственной ему манере, чтобы как-то развлечься, решил приколоться. А теперь к нему пришло осознание того, к чему привели его шуточки.

«Это получается, что благодаря исключительно моему трёпу, дурацкому гриму и разрезанной мною каменюке при помощи лазерного ножа, прикрепленного к трезубцу, человечество узнало о существовании такого персонажа как Сатана, в образе которого я предстал перед представителем рода человеческого – нашим далёким предком, – думал Андрей. – Он ведь до этого знать не знал и ведать не ведал ни о Сатане, ни о его силе, делах и возможностях, о которых я ему рассказал, да вдобавок ещё и продемонстрировал. А на самом-то деле выходит, что никакого Сатаны никогда не существовало. Всё это только выдумка и легенда, которую именно я подарил человечеству!

И получается, что тот самый Моисей, когда водил свой народ сорок лет по пустыне, взял да и рассказал о Сатане в Библии. Ну, дела!

А изначально желание-то было совершенно безобидное – подбросить в усыпальницу какого-то фараона лазерный нож (ну так – шалость, по большому счёту), чтобы поморочить голову предкам. И чем всё закончилось?..

Таким вот подарком для человечества. Выходит, что не только меня развели сегодня, но и я не в накладе. И этот мой приколотый, пожалуй, будет круче каких-то там кругов на пшеничных полях».

«Какая неслыханная наглость, дерзость и несусветная глупость. Надо же, что возомнил, паршивец. Совсем у парня от избытка впечатлений мозги набекрень сбились. Будет теперь до самой смерти жить в плену иллюзий и самообмана, заблудшая душа. Ну, да ничего, тут всем всё обязательно зачтётся. И воздастся каждому по делам его. Поскольку за всякое праздное слово, которое скажут люди, они дадут отчёт в День суда», – думал в это время вездесущий Господь Бог. И Дьявол, которого «никогда не существовало», как-то хитро улыбнувшись, чуть ли не впервые в жизни с Ним согласился!

Татьяна БЕРЦЕВА (г. Санкт-Петербург)

ГОТОВ НА ВСЁ!

Усадьбу Артур не любил. Она воспринималась им как наказание, да им, собственно, и была. С тех пор, как в пятилетнем возрасте Арти почти сутки просидел, играя на компьютере в космических разведчиков, родители решили всерьёз заняться его психическим здоровьем. Выражалось это в том, что его отправили в усадьбу. Там ему составили

жёсткое расписание, согласно которому он продолжал осваивать программу подготовки к школе, имел время на физическое совершенствование, на старинные интеллектуальные настольные игры. Ему позволялось целых два часа в день смотреть телевизор, но и полагалось не менее тех же двух часов гулять в заброшенном усадебном парке, дышать свежим воздухом.

Родители приезжали к нему на выходные, но особо ребёнком не занимались. И часто ссорились даже в его присутствии. Артур чувствовал себя очень одиноким – не с кем играть, не с кем делиться мыслями.

К компьютеру мальчик быстро охладел, так как ему позволялось лишь освоение предшкольной программы. Первое время он пытался обмануть учителя, прикидывался глупым, чтобы долго топтаться на одних и тех же темах, задания по которым он научился выполнять чуть ли не со скоростью самого компьютера, как ему казалось. Оставшееся время из отведённого на домашнее задание он пытался тратить на игры. Но учитель его быстро поймал на этом, и игры были удалены. Время на домашние задания несколько сократили, но зато увеличили продолжительность прогулок.

Это было ужасно. Артур терпеть не мог гулять по парку. Что интересного в том, чтобы бесцельно топтать траву между огромными старыми деревьями?! Гуляя в городе можно было разглядывать машины, подсматривать в чужие окна, а витрины и вовсе служили неиссякаемым источником информации. Артур никогда в городе не скучал, потому что прогулки становились логичным продолжением его любимых игр. А что можно было увидеть среди деревьев? Разве что кусты. Вот если бы у него был друг...

В очередные выходные родители снова приехали к Артуру. Но к нему ли? Они опять ссорились в гостиной, пока он выполнял логические упражнения за монитором. Они говорили о нём, и мальчик невольно прислушивался. Как всегда отец считал, что сыну здесь очень хорошо, он поздоровел, поумнел и стал спокойнее, а мама настаивала, что ребёнку не хватает общения со сверстниками, и надо бы иногда выводить его пообщаться с другими людьми.

– Чем раньше он выучится, тем скорее сможет помогать мне в бизнесе!
– горячился отец. – Не нужны ему твои площадки молодняка!

Новое словосочетание резануло Артуру слух и запало в память. Нет, в принципе понятно, что имел в виду отец, но почему он произнёс тогда эти слова так пренебрежительно? И Артур решил. Быстро дорешав задание, он окликнул учителя. Тот, едва глянув в монитор, скупно выразил одобрение, но мальчик не встал из-за компьютера.

– Учитель, – вежливо обратился он. – Можно мне посмотреть в интернете информацию о площадке молодняка?

– Заинтересовался животным миром! – неожиданно обрадовался тот.

– Чем? – удивился Арти, но через мгновение, когда компьютер выдал первые ссылки, мальчик забыл обо всём на свете.

Картинки изображали огороженные площадки, иногда плоские, иногда с горками, почти всегда с маленькими водоемами. Но главное... Большеглазые пушистые зверушки! Ожившие игрушки! Очень разные, но все мягкие и меховые, подвижные и любопытные, они резвились, гонялись друг за другом, играли и кувыркались. Их блестящие глаза доверчиво смотрели с экрана прямо на Артура. Незнакомое щемящее тепло сдавило грудь, когда мальчик представил себе, как его рука касается такого существа...

– Время урока закончилось, – голос учителя заскрежетал ключом в ржавом замке. – Закрой программу и выключи компьютер.

Ошеломлённый, Артур пытался собраться с мыслями. Попросить ещё пять минут? Нет, не разрешит. Сохранить во вкладках адрес? Если увидит, всё равно сотрёт. Глупый мальчишка, как же он не подумал?! Он же всегда сможет найти адрес в поисковике. Нельзя ссориться с учителем. Нужно быть послушным, тогда, возможно, ему ещё разрешат посмотреть. И Артур, выказывая полную дисциплинированность, закрыл все программы и выключил компьютер. Даже клавиатуру закрыл крышкой.

Перед обедом родители опять спорили в столовой. На этот раз они говорили о дедушкиной коллекции оружия, которая была развешена в гостиной на стенах.

– Ну, зачем нам это старое железо?! – это мама.

– Дорогая, во-первых, это же модно. А во-вторых, оно, хоть и старое, но в отличном состоянии. Хоть сейчас стрелять можно, – папа старался отвечать спокойно.

– Ты в этом уверен? Ты хоть знаешь, как ружьё в руках держать?! – голос мамы сочился ехидством. – А ты подумал об Артуре? Вдруг выстрелит прямо у него в руках, если он захочет посмотреть? Или ты забыл, что мой отец держал своё охотничье оружие всегда заряженным.

– Мамочка, – опять очень вежливо обратился Артур. – Я уже большой и всё понимаю. Я обещаю не трогать дедушкину коллекцию. Можно мне только спросить?

– Конечно, мой хороший, спрашивай.

– Для чего дедушке была нужна эта коллекция?

– Ну... это было модно в его время, – мама замылась, не зная как объяснить.

Папа оценил вопрос сына как знак взросления и ответил почти повзрослому:

– Видишь ли, дедушка был известным охотником. Все леса, что сейчас принадлежат нашему поместью, были его охотничьими угодьями, – отец счёл необходимым уточнить. – Охота – это когда убивают животных.

Животных... Перед внутренним взором Арти возникли доверчивые любопытные глазищи на усатых и пушистых мордочках. За что их убивать? Они же такие...

– Зачем их убивать? – едва слышно спросил мальчик.

– Э-э... видишь ли... когда-то зимнюю одежду шили из меха, шкуры зверей стелили вместо ковров, – попыталась объяснить мама.

– Я не хочу убивать животных, – Артур с трудом произнёс ещё мало знакомое ему слово. – Мне не нужна дедушкина коллекция.

– Молодец, – похвалила мама, затем обратилась к отцу. – Ты бы всё же свозил пару ружей к эксперту, заодно и приценились бы.

Дальнейший обеденный разговор прошёл мимо Артура, который глубоко задумался над вопросом, зачем убивать? Он никогда не видел, как это происходит, знал только, что дедушка сперва был живой, а потом умер, и его не стало. И те зверята... Их тоже не станет? Они такие... Какие именно Артур сказать не мог, чувствовал только, что ему очень хотелось их потрогать, погладить меховые шубки, может, даже поиграть с ними... Хотя мальчик совершенно не представлял себе, как он мог бы с ними играть.

Тихий час после обеда пролетал очень быстро. И Артур всегда об этом сожалел, потому что потом ему приходилось идти гулять. Ну почему родители, даже навещая его, никогда не уделяли ему внимание? Могли бы поиграть с ним, хотя бы поговорить, даже просто погулять вместе с ним. Наверное, если бы мама гуляла вместе с ним, он бы и полюбил эти прогулки. Но, увы...

Артур брёл по дорожке и размышлял о своей невесёлой жизни. Конечно, это правильно, что его так воспитывают, чтобы он мог скорее начать помогать отцу в бизнесе. Но почему другие дети могут играть друг с другом, играть с родителями, играть на компьютере, просто играть, а ему на игры не оставляют времени. Ну, была ошибка, слишком он тогда увлёкся той компьютерной игрушкой, настолько, что родители решили его лечить. И как он ни просил, его даже слушать не стали. Никто так и не поверил, что у него нет компьютерной зависимости. Зато теперь у него точно есть зависимость – от одиночества. Правда сегодня появилась маленькая надежда, что можно попытаться учителя сделать другом, если хорошо его слушаться и тщательно выполнять все задания.

А какие милые зверята были на картинках! Вот! Он нашёл подходящее слово – милые. А ещё – забавные, добрые, мягкие, пушистые, шерстяные! Как много слов, оказывается! И почему-то Артуру казалось, что если взять такое существо на руки, то оно обязательно должно быть тёплым. Эмоции настолько захлестнули мальчика, что по щеке соскользнула слезинка. Арти слизнул её языком. Интересно, а язычки у тех животных такие же мокрые, как у него? Зачем их убивать? Мальчик представил себе дедушкино ружьё, как оно стреляет в такую зверушку, и это

очаровательное существо исчезает... Холод сжал горло! Хорошо, что здесь их нет! Хотя... Почему же нет? Если дедушка был... как это слово?.. охотником? Он же был им здесь? Значит, и убивал животных здесь? Значит... Значит, они здесь есть!!!

Ошеломлённый этой мыслью, Артур резко остановился и огляделся вокруг. Местность вокруг оказалась незнакомой, но дорожка, по которой он шёл, была хорошо видна. Видимо, пока он думал, зашёл за пределы парка, туда, где начинался... лес! Конечно, это был лес. Тот самый, который отец сегодня назвал охотничьими угодьями деда. Неужели Артур сможет увидеть настоящих живых животных?! Живых... Значит животные – это живые?! Мальчику стало очень радостно от этой мысли. И ещё было очень приятно, что он сам до неё додумался.

– Ну, и где же вы? – тихо-тихо спросил он.

– Здесь, – неожиданно прозвучал ответ.

Голос раздался словно внутри головы Артура. Мальчик замер, даже дышать забыл. «Интересно, ты какой? Мне хотелось бы, чтобы ты был меховым», – подумал Арти, представляя себе нечто среднее между собакой и медвежонком, со светло-серой длинной шерстью и большими тёмными глазами. А вслух:

– Не вижу.

– А я ещё и не вышел, – произнёс голос в голове. – Я прячусь.

– Ты играешь со мной в прятки?! – мальчик даже подпрыгнул от радости.

– Играю? Это как?

– Ну-у... слушай, мне сложно объяснять, когда я не вижу, с кем говорю. Учитель мне всегда говорил, что надо видеть глаза собеседника.

В кустах раздалось шуршание, на дорожку вывалилось что-то вроде кома шерсти.

– А где у тебя глаза? – Артур восстановил в памяти глаза маленького зверёнка с одной из интернетовских картинок. – А как ты ходишь? У тебя должно быть четыре лапы. И хвост! Да! Хвост, обязательно! – Мальчик вспомнил, как в одной из ссылок один из пушистых малышей крутился вокруг себя, пытаясь ухватить себя за хвост. Это было так смешно!

Существо на глазах стало приобретать те формы, которые он представлял себе.

Взвизгнув от восторга, Артур бросился к животному. Это точно было животное! Оно было меховое и живое!

Однако, к его удивлению, существо проворно отскочило в сторону.

– Ты куда? Или мы теперь играем в догонялки?

– Играем... – неуверенно откликнулось животное.

В тот вечер Артур едва успел к ужину. Впрочем, раз успел, то никто и не заметил, как необычно долго мальчик гулял в этот раз. А вечером, уже лёжа в постели, Арти снова и снова прокручивал в голове моменты

встречи со своим новым другом. Как же это здорово, получить настоящего друга! Пусть он даже с другой планеты! Какая разница! Он такой меховой, такой пушистый, мягкий и добрый. Мальчик назвал его Шерстиком. Они сначала немного поиграли, а потом долго-долго говорили. И договорились встретиться ещё раз. На этой счастливой мысли Артур заснул.

Во сне Артур попал на родную планету Шерстика. Это было удивительное место, где деревья состояли из кристаллов и сверкали в лучах белого солнца или серебрились при синем. Гнёзда других шерстиков тоже были из кристаллов, но уже непрозрачных. Самих зверушек там бегало очень много, они были разных размеров, но его Шерстик среди остальных выглядел самым большим и красивым.

Утром мальчик впервые проснулся с ощущением счастья. Ему хотелось бегать и кричать от радости, он всех любил, даже няньку, которая пришла одевать его. Арти быстро оделся сам, чем няньку очень удивил и порадовал. И зарядка не была в тягость, и завтрак показался вкусным. Уроки... Конечно, уроки были скучными, но если не лениться, то они быстро заканчивались. А вот уже и обед. Как быстро пролетело время! А вот тихий час показался очень длинным, но можно было спокойно помечтать о новой встрече с Шерстиком, попридумывать новые игры и новые вопросы. Удивительно, как много знало это создание! И как интересно отвечало на вопросы Артура. При этом ни один вопрос не вызвал у Шерстика неудовольствие. Артур постоянно чувствовал интерес к себе, и это придавало ему значимости в собственных глазах.

За мечтами незаметно подошло время прогулки. К удивлению мамы и няньки, воспитателя и учителя Артур пошёл гулять радостный. Он почти побежал по дорожке, и уже на бегу до него долетело мамино предупреждение:

– Только не выходи в лес, там могут быть дикие животные!

– Хорошо, мамочка! – крикнул он в ответ.

Дикие животные? Что значит дикие? А какие бывают ещё? Или дикими как раз и называют живущих в лесу? Интересно, а какие они – дикие? Надо будет спросить у Шерстика. Он же, хоть и с другой планеты, но живёт в этом лесу. Может ему попадались те самые, дикие?

Артур уже почти достиг места вчерашней встречи, и, завидев нужные кусты, припустил изо всех сил. Откуда под ногу попал корень?! Мальчику казалось, что он падал очень долго, потому что успел за это время очень убедительно представить себе разодранные в кровь колени и локти и почти ощутил пронзающую боль ушибов. Но ничего этого не произошло – он упал на... Шерстика. Тот словно из ниоткуда ковриком успел скользнуть под падающее тело и вздуться мягкой подушкой. Первые мгновения Арти боялся шевельнуться, потом осторожно погладил меховую спину и спросил:

– Извини, тебе не больно было меня ловить? Я же упал на тебя, получается. Не ушиб?

– Меня не ушибить так, как тебя, – Шерстик свернулся вокруг Артура мягким обнимающим одеялом. – Ты в мыслях показал, что с тобой может быть. Это плохо.

– Ничего страшного, – смутился мальчик. – Это потом всё заживает. Пара недель, и кожа нарастает новая. Это хорошо, что я не могу тебя ушибить. Значит, тебя и убить нельзя?

– ...Убить? Я не знаю пока, какое есть на земле оружие, но вообще меня можно убить.

– О, нет! Я не хочу тебя убивать! Я люблю тебя!

– Да, я вижу это. Я тоже тебя люблю.

И они снова играли в разные игры, которые придумывали на ходу, разговаривали и рассказывали друг другу о себе.

И так продолжалось целую неделю. Артур уже и не представлял себе, как же раньше он мог жить без Шерстика – настоящего друга. А потом наступила суббота. Снова на выходные приехали родители, и снова они больше ссорились друг с другом, чем общались с сыном. Очередной их спор, и опять о дедушкиной коллекции, завершился тем, что мама уговорила отца отнести одно из ружей соседу, который вроде разбирался в оружии. Так что после тихого часа Арти опять должен был гулять один, потому что родители собрались в гости к соседу. Правда, на этот раз мальчика это совершенно не огорчило, он даже порадовался, что сможет ещё поиграть с Шерстиком.

Наверное, это неправильно, что он стал предпочитать друга даже родителям, но мальчику так нравились тёплые, пушистые объятия, он так любил гладить нежную, мягкую шерсть, так весело было играть в пятнашки и падать на вспухающий под ним шерстяной коврик, так интересно слушать истории о другой планете и узнавать новое о собственной...

Вот и сейчас Артур перепрыгнул через предательский корень и резко свернул за дерево, наигранно-испуганно взвизгнул, когда пушистая лапа чуть не схватила его сзади, и... Раздался мамин визг и выстрел! Арти на бегу оглянулся назад, споткнулся и, падая, увидел, как Шерстик позади него... разлетается на множество маленьких кусочков, сотни меховых комочков!

– Не-е-е-ет! – боль пронзила до самой глубины, в груди что-то сжалось, стало трудно дышать. А боль в разбитой коленке и ладони всё разрасталась, застилая мир перед глазами мутной пеленой, за которой уже невозможно было разглядеть, что осталось от Шерстика. И тогда Артур зарыдал.

Над ним склонились родители, они о чём-то опять спорили. Потом отец поднял его на руки и понёс домой, а мама шла рядом и держала его

за руку, но мальчик этого не хотел видеть. Он вообще не хотел видеть сейчас родителей. Они убили его Шерстика! Вот как, значит, это бывает. Один выстрел, и друг разлетается на части, от него остаются лишь шерстяные обрывки. Почему, почему он лишь обернулся?! Надо было остановиться сразу, как завизжала мама, тогда можно было успеть прыгнуть и закрыть Шерстика от папы... А он просто обернулся, не прыгнул, не закрыл... Если бы можно было вернуть этот момент назад!.. Это он убил своего друга. И Артур зарыдал ещё безнадежнее.

Ссадины зажили быстро, но остальное... Артур потерял всякий интерес к окружающему миру. Он ни с кем не разговаривал, ничего не делал, почти ничего не ел. На второй день отец сходил на место, чтобы забрать ружьё, но оружия там не оказалось, лишь малюсенький шерстяной комочек без единой капли крови. Когда отец принёс меховушку в гостиную, Артур на мгновение ожил, вскочил, забыв о боли, без спроса схватил пушистый клочок, прижал к груди и с вызовом усталился на отца.

– Да бери, если так надо, – пожал плечами отец.

Этот кусочек меха мальчик практически не выпускал из рук. Мать решила, что это ненормально, и неделю спустя, ночью забрала шерстянку. Наутро Артур устроил истерику, и матери пришлось вернуть сыну игрушку. На следующий день мальчик появился более спокойным.

Просто ночью ему привиделось, что меховой кусочек шевельнулся, словно живой. И в голове прозвучал голос Шерстика. Друг утешал Артура, просил так не переживать. Даже вложил ему в память звёздную карту, на которой чётко была указана планета Шерстика. Конечно, утром мальчик никаких карт уже не помнил, но старался вести себя так, как просил ночью Шерстик. Давалось это трудно. Артур всё время забывался, пытаясь представить, как он должен был действовать, чтобы спасти друга. Вскоре он уже до малейшей мелочи представлял себе каждое движение, которое следовало совершить, чтобы закрыть меховичка от выстрела. И теперь мальчик больше всего желал, чтобы та сцена повторилась, и он сумел спасти Шерстика.

Прошло больше четверти века. Ночью Артуру приснился Шерстик. Преуспевающий бизнесмен, он снова ощутил себя пятилетним мальчиком, и снова радостно гонялся по лесу с Шерстиком. Это детское воспоминание наполнило сон светом и нежностью. Артур проснулся, но ещё полчаса провалялся, не желая открывать глаза, чтобы не потерять настроение сна. В его голове зародилась безумная мечта-надежда... Благо, отпуск начинался уже со следующей недели.

Именно эта мечта заставила его всё-таки открыть глаза и встать с кровати. Артур собрался и пошёл в центр мнемоскопии. Деньги и имя позволили ему легко преодолеть барьеры очередей, и через час он был

обладателем распечатки собственной памяти в пятилетнем возрасте – карта памяти. Количество воспоминаний его не пугало, он точно знал, что надо искать – звёздную карту, которая должна ему показать место, где он проведёт отпуск.

Сознанием Артур понимал, что это безумие, но полагал, что излечиться можно, только доказав себе, что его фантазии не существуют в реальности. Или... Если там и в самом деле кто-то есть, то хотел отплатить им в память о Шерстике тем, что кого-то спасти. И тут же в мыслях в очередной раз прокручивалась вся сцена, где он успевал закрыть собой друга

Карта в воспоминаниях была, и она оказалась очень чёткой, с координатной сеткой и цифрами координат. Компьютер сопоставил её с реальными звёздными картами и нашёл нужное место. Это вызвало у Артура двойное чувство. С одной стороны, он надеялся, что друг детства был просто выдумкой, он почти убедил себя в этом. Иначе приходилось принимать, что отец стал убийцей его мечты. С другой стороны, начинала крепнуть надежда, что Шерстик где-то там, среди звёзд, что он реально существует и, может быть, даже ждёт его. И отец не убил его, иначе кто же тогда вложил ему карту в память?! От этой надежды сердце ускорялось, кружилась голова и возникало чувство полёта, совсем как в детстве...

Закрыв все дела, Артур снарядил большой челнок и отправился в поход по малоизведанным местам космоса. Карта из памяти была настолько точна, что бортовой компьютер без проблем ориентировался по ней.

Прошло совсем немного времени, и челнок опустился на поверхность. Шлюз открылся, и Артур вышел наружу. Белое солнце стояло почти в зените, и кристаллы сверкали так, что глазам было больно.

Неужели?.. Неужели это правда? Шерстик, милый, я прилетел к тебе в гости. Ты помнишь меня? Вспомни меня, пожалуйста, прошу тебя. Вот, смотри, эту частицу тебя я хранил всю свою жизнь...

Артур судорожно перевел дыхание и достал из нагрудного кармана маленький клочок меха.

– Шерстик, – тихо позвал он и стал ждать.

И Шерстик появился. Появился сначала голосом в голове, как при первой встрече.

– Я здесь.

– Не вижу.

– А я ещё и не вышел, – произнёс голос в голове. – Я прячусь.

– Ты играешь со мной в прятки?! – Артур помнил их первый диалог до буковки.

– Играю? Это как?

– После этих слов ты и появился.

– Да, – согласился голос, и из-за куста кристаллов выкатился большой меховой шар, который на глазах стал приобретать те формы, что Артур помнил. Как в далёком детстве, взвизгнув от восторга, Артур бросился к животному. Это точно было животное! Оно было меховое и живое! Живое!!!

– Ты живой, живой, – повторял он, обнимая и глядя Шерстика. – Как же я рад тебе! Знаешь, был момент, когда я почти убедил себя, что ты был лишь моей детской фантазией.

– Но ты здесь, значит, ты всё-таки предпочёл, чтобы я оказался правдой.

– И я безумно счастлив, что ты есть! – Артура настолько переполняли эмоции, что он не мог сразу подобрать слов, которые бы отражали его состояние, приходилось довольствоваться вербальными банальностями в расчёте на то, что Шерстик всегда прекрасно читал его чувства. – Мне было очень плохо, когда я решил, что ты убит. Мне казалось, что выстрел разнёс тебя на миллионы маленьких Шерстиков. Одного из них я хранил всю жизнь.

– Ты не ошибся, – и на глазах удивлённого Артура Шерстик рассыпался на множество маленьких меховых кусочков, а потом собрался обратно.

– Значит, ты оставил мне частицу себя?

– Ты тоже стал для меня очень дорог. Ты заметил, что мы общаемся без слов? Поэтому всё население тебя любит, как и я. Сейчас ты стал другим, я чувствую это. Тот элемент, что я оставил с тобой, может рассказать нам всем, каким ты стал теперь. Но он был один и мог только напоминать. Мы должны помочь ему – указать, с какого момента твоей жизни надо передать информацию. Для этого нам надо начать с того момента, когда мы расстались. Ты поиграешь со мной?

– Конечно, я готов для тебя на всё!

Сбывалась мечта: повторялась сцена из детства. Любимые догонялки. Артур ловко перепрыгнул через груды кристаллов, напомнивших о предательском корне, и резко свернул за огромный кристаллический столб, наигранно-испуганно взвизгнув, когда пушистая лапа чуть не схватила его сзади, и резко остановился. Подсознание всегда помнило, что надо было остановиться чуть раньше! Да! То самое ружьё – неужели Шерстик тогда забрал его с собой? Впрочем, у него для этого было предостаточно времени. Мысли проносятся с огромной скоростью, Артур столько раз проигрывал в памяти этот момент и сейчас без колебаний бросился назад, стремясь закрыть друга от пули. Раздался выстрел! ...И недоумевающий голос в голове:

– Но... ты же не сможешь собрать себя снова...

СРЕДСТВО ОТ ДЕПРЕССИИ

Здоровенный гоблин со всей дури врезал герою дубиной по башке. Тот выронил арбалет, как шкаф рухнул на битые кирпичи. «Game is over».

– Все! Последняя жизнь! Как я могла забыть?!

Марина – длинноволосая блондинка, лет двадцати трех, нервно поправила на груди розовый шёлковый халатик, в отчаянии стукнула по клавиатуре ладонью. Процессор противно крякнул. Монитор погас. Мало того...

– Маникюр! Мой новенький, длинный, нереально прекрасный, накладной ноготь с веточкой сакуры, со стильным иероглифом... Мой маникюр!

Ноготь не выдержал удара и... Сломался...

– Сломался! А мне в салон только послезавтра... Какая я несчастная!

Девушка в отчаянии уставилась на потерявший презентабельность палец. От напряженности момента она попыталась укусить его. Помогло. Охваченная новой надеждой Марина схватила сотовый, принялась лихорадочно тыкать обезображенным пальцем, искать нужный номер. Успела порадоваться сенсорному экрану.

– А то этот обрубок ещё и мешал бы, – блондинку передёрнуло. – Ужас!

Из трубки равнодушно бубнил автоответчик. Он не мог, не хотел понять отчаянность ситуации.

– А-а!

Марина в праведном гневe зашвырнула сотовый в дальний угол. К счастью, именно там стоял белый диван. Бедняга звонко шлёпнулся на кожаную седушку. Девушка проследила за его полётом, отвлеклась от своей трагедии, произнесла задумчиво:

– ...Чёрный на белом с... стильно... – и сразу вспыхнула, – угораздило же папу купить мне чёрный телефон. Самая последняя модель, видите ли! Всё не так! Боже, как я несчастна!

Телефон требовательно завибрировал и громко заиграл незнакомую мелодию. Недовольно вздохнув, Марина, словно в дальний путь, отправилась к нему. Подняла, прижала к уху.

– Алло.

В ответ только пустая гулкая тишина. Номер не определился. Блондинка вздохнула тяжелей прежнего, устало уронила сотовый на диван...

Пространство оглушительно хлопнуло, сложившись. Девушка зажала уши, закрыла глаза...

Открывала осторожно, по одному. Снова плотно зажмурилась, затрясла головой. Не помогло! Всё пропало: белый диван, новенький

телефон... Марина поспешно обернулась. Ничего: ни компа, ни стола, ни кресла... даже сексуальный шёлковый халатик превратился в позорный застиранный ситцевый халат.

– А-а-а!

Ноги подкосились, и блондинка беспомощно опустилась прямо на грязный деревянный пол, забилась в угол, беспомощно прижала колени к груди. Справа и слева нависли стены со старыми выгоревшими бумажными обоями.

– Ма-ма!

Раздались грохот, возня, маты. В дверях комнаты появился пузатый мужик в майке и семейных трусах. Привалился к косяку. Он громко икнул, и комнатка наполнилась тяжким духом перегара.

– Чего морщишься?! – грозно прохрипел он. – Неча от родного отца нос воротить!

«Родного отца?!»

У блондинки волосы встали дыбом от ужаса.

– Вы! Вы! ...не смейте! – возмущённо закричала она, но вышло как-то визгливо и жалко. Как у перепуганной собачонки.

Марине хотелось бежать, бежать из этого странного, кошмарного места, но выход перекрывала грузная, дурно пахнущая фигура. И девушке осталось только затаить дыхание, замереть в углу. А мужик отцепился от косяка, изрядно качаясь; он сделал пару неверных шагов, то ли икнул, то ли пукнул и повалился на диван. Эти руины наверняка когда-то были диваном.

– Дочка, – заревел он, – включи телевизор и принеси отцу пива.

Оказалось, тот пыльный короб, стоявший на табурете возле окна, был телевизором.

– А где же пульт? – беспомощно спросила девушка.

Гадливо морщась, Марина стала озираться вокруг. Кроме табурета со старинным телеком и кучи хлама под названием «диван» в комнате ничего не было, только обрывки засаленных жёлтых обоев, угрожающе свисали со стен. Мужик отвратительно хрипло заржал.

– Пульт! Какой пульт? Дура! У нас его отродясь не было. Телевизор-то ламповый! – он закашлялся, сплюнул, прямо на пол, потянул к Марине грязную лапищу, – ручками переключай, ручками...

Девушка сделала над собой усилие, решила прикоснуться к круглому переключателю на пыльном ящике. Тот туго повернулся, резко шёлкнул, и выпуклое стекло залил мутный свет.

– Вот, то ли дело, а то пульт ей подавай! – не унимался хрипун. – Пульт... ха-ха-ха! Пиво неси, дура!

Марина выбежала из комнаты, как из ада. Оказалась в тесной душной как тумбочка кухне, рывком распахнула страшную грязную дверь, выскочила на лестницу и бросилась вниз по щербатым ступенькам. В нос ударил тошнотворный запах канализации.

Тёмно-синие стены ошетинились, облупившейся краской. Перила, изломанные в щепки, ранили ладони. Марина глянула на свои руки, застонала от ужаса. Куда делись её чудные, такие ухоженные пальчики?! Грязные, обгрызенные ногти никогда не знали маникюра. А сухая красная кожа молила о креме.

– А-а-а!

Девушка вырвалась на улицу. Остатки подъездной двери от её резкого толчка рухнули на землю.

– Свобода!

Но и здесь не было... Ничего не было! Ни Москвы, ни приличной дороги, ни нормальных домов... ничего! Даже вдалеке! Вдоль неровной полосы изломанного асфальта стояли покосившиеся двухэтажки с послевоенных фотографий.

– Где я?! Когда?! – в отчаянии закричала девушка.

До неё донёсся только отдалённый развесёлый гогот.

– Нет, нет. Это сон! Просто сон! – успокаивала себя блондинка. – Мне надо проснуться! Надо быстрее проснуться!

Марина сморщила нос, вся напряглась, сосредоточиваясь, но не могла вспомнить другого способа себя разбудить, кроме как сильно ущипнуть. Она так и сделала...

–Ой!

Не помогло. Всё осталось на своих местах: убогий халатик, грязные ногти, облезлые дома и даже низкое серое небо. Испуганная девушка повторила маневр.

– Ой! Ой-ой-ой!

Ничего не менялось... Страшно, непонятно...

– Холодно! – ёжась, жаловалась блондинка.

Она только теперь, глядя на безнадежно-голые ветви кривого дерева, припомнила, словно достала из ваты:

– Уже осень. Октябрь... А год? – вздрогнула девушка. – Какой здесь год?! В наше время люди не могут так жить.

Марина беспомощно озиралась. Убогая улочка не была пустой. К немалому своему удивлению, блондинка увидела массу людей.

– Как я их могла не заметить?! – растерянно пробормотала девушка.

Впрочем, двигавшихся вокруг субъектов трудно было назвать людьми. поголовно все были пьяны. Некоторых ещё выручал природный автопилот, и они по страной траектории, но всё же шли вперёд. Другим уже и он не помогал. Двое таких ходоков долго не могли поделить тротуар, толкались и спорили. Пока один из них не потерял равновесие окончательно, опустился на четвереньки, постоял так, раскачиваясь, охнул и лёг. Через мгновение храп дополнил его счастливую улыбку. Товарищ только махнул на него рукой, опёрся о стену дома и поплёлся вдоль неё. Марина смотрела на них глазами, полными слез.

– Господи, с кем же здесь можно поговорить?! – застонала блондинка.

Когда на злополучном тротуаре показалась чистенькая старушка, согбенная тяжестью двух здоровенных сумок, девушка бегом бросилась к ней.

– Извините за странный вопрос. Где я?

Старушка посмотрела на неё с состраданием.

– Здесь милая. В нашем родном городе.

Марине от такого ответа легче не стало.

– А какой сейчас век? – решила спросить она.

– Ох, милая, – совсем жалостливо вздохнула бабушка. – Двадцать первый, болезная.

Блондинка застыла. Её словно ледяной водой окатили.

– Как, как... такое... такое возможно?! – бормотала девушка.

Старушка объяснять не стала, ушла. Порыв осеннего ветра заставил Марину очнуться.

– В тепло. Мне срочно надо в тепло, – повторяла девушка.

Но она только глянула на подъезд, из которого вырвалась, болезненно поморщилась и отрезала.

– Ни за что!

Тяжёлый подъездный дух заставил блондинку отшатнуться от облезлого дома, повторить решительно.

– Ни за что!

Она повернулась и зашпешила куда-то влево, вдоль улочки. Увидев впереди мужчину в солидном длинном пальто, Марина обрадовалась ему как родному, прибавила шагу, бросилась за ним.

– Стойте! Стойте! Да стойте же!

Никогда ещё она так никого не преследовала. Высокий мужчина её не слышал, быстро шагал по своим делам. Семеня за ним, девушка успела рассмотреть его элегантное пальто от хорошего дизайнера, дорогие ботинки, чёрные кожаные перчатки, даже белый шарф.

«Такие щеголи пешком не ходят. Мне повезло!» – успела подумать блондинка.

Незнакомец казался в этом месте неуместным видением. И как видение молча ускользал.

– Стойте, пожалуйста! – всхлипнула готовая разрыдаться Марина.

Она уже утратила надежду привлечь внимание незнакомца, когда он неожиданно повернулся, и со снисходительной улыбкой посмотрел сверху вниз на девушку. Марина смутилась, съёжилась, представив какое впечатление должен производить её жалкий вид.

– Что-то не так? – насмешливо спросил незнакомец.

И блондинку прорвало:

– Всё! Всё не так! Халат, ногти, телевизор, папаша... – девушку передёрнуло. – Ужас! Кошмар! Катастрофа! Кругом пьяные! Холодно! Что происходит?!

Незнакомец слушал, не перебивал, даже кивал согласно. Марине показалось, что он всё понял, что он знал всю её историю.

– Что случилось? Что это такое?! – набросилась на него девушка.

– Жизнь, – просто ответил мужчина.

– Но это не моя жизнь! – воскликнула блондинка.

– Твоя, – мягко повторил он. – Стоило твоей маме выйти замуж за красавца Серёгу, о котором она так часто вздыхает, твоя жизнь была бы именно такой.

– Так этот пузатый пьяница – это тот самый Серёга?! – ужаснулась девушка. – А мама так вздыхает...

– А помнишь, сколько раз ты сама повторяла, как хотела бы быть дочерью Сергея. Что ж тебе не нравится?

– Не нравится! Страшно не нравится! Я домой хочу! Верните меня обратно! – заплакала Марина.

– Тогда на, держи, – с этими словами незнакомец вложил в руку девушке сотовый телефон и исчез.

Она растеряно озиралась. Всё было на месте: облезлые дома, голые деревья, алкаши. Только от элегантного мужчины не осталось и следа. У бедной блондинки не было сил удивляться.

– Хорошо хоть телефон не пропал, – пробормотала она, и принялась набирать отцовский номер.

Знакомая модель, чёрный корпус, тот самый злополучный подарок... Цифры путались... пальцы дрожали...

Марина не поняла, что произошло. Просто внезапно стало тепло. Девушка оглянулась...

Расцвела, засмеялась, раскинула руки, закружилась. Дома! Она снова была дома! Здесь ничего не изменилось. Блондинка горячо расцеловала сотовый, монитор, клавиатуру...

Как же здесь всё было красиво, современно, уютно, хорошо пахло. Марина нежно погладила яркий шёлк своего халатика, полюбовалась каждой веточкой сакуры на своих холёных ноготках.

– До чего же я счастливая!